

СТРЕМАЕНИЕ К ГЕРОИЗМУ
БУДЕТ ВОЗНАГРАЖДЕНО

Джейтс Герц

Империя находится на пороге войны. Пока аристократия и крупнейшие семьи заняты разборками между собой, деревенский парень смотрит шире, отчетливо видя угрозу со стороны Адрагона. Воодушевившись героической четверкой людей, что недавно украла главный артефакт Руткорда, Линур отправляется в путь, желая их разыскать и предложить новую авантюру. Однако для этого ему предстоит попасть в Нижнее Царство Атлов, что оказывается намного сложнее, чем могло показаться на первый взгляд.

Стремление к героизму будет вознаграждено

Предисловие

Приветствую, дорогой читатель! Мое обращение предназначено как для новых читателей в качестве информирования, так и для уже прочитавших книгу «Наперегонки с демоном» в качестве памятки, поэтому попрошу уделить написанному пару минут внимания.

Эта книга числится в цикле под номером два, **ОДНАКО** в силу того, что прошлое произведение была отчасти моим экспериментом в жанре ЛитРПГ и чуть ли не авторским дебютом, оно становится приквелом к этой книге, который читать для понимания сюжета и реалий придуманного мною мира вовсе не обязательно. Данный роман в разы лучше по стилю (говорю и за автора, и за читателей) и здесь полностью отсутствует ЛитРПГ, так как я осознал, что писать цифры мне совсем не хочется. Подводя итог, озвучиваю авторскую рекомендацию: начните с данной книги, а затем, если будет желание, загляните и в приквел.

Памятка (здесь собраны основы цикла, которые были описаны в приквеле. Они необходимы, чтобы незнакомый со Вселенной читатель не потерялся в ворохе событий (Вы можете их не читать, однако тогда могут остаться вопросы касательно некоторых фундаментальных моментов)):

Мировой Круг — самая популярная теория устройства мира жителей Рутткорда. Она заключается в том, что существует некий круг, который состоит из неизвестного количества удаленных друг от друга планет. Каждая планета связана с двумя соседними при помощи порталов, активирующимися при помощи артефактов (в случае Земля-Рутткорд это Связной камень). Пока жителям Рутткорда известно лишь о четырех планетах.

Рутткорд — планета, где развиваются события книги. Она очень похожа на Землю, но имеет меньшие размеры, а также множество других рас, животных и растений.

Система — механизм или божественная сила, которая дарует существам возможность использовать интерфейс и магию, а также делает их чуть сильнее, ловчей, выносливей и так далее обычных людей. Система есть не на всех планетах (она присутствует в Рутткорде, Ривуде (сосед Рутткорда) и Фрите (сосед Земли), а на Земле отсутствует, как и осведомленность людей о всем Мировом Круге и Системе).

Адрагон — второе измерение Рутткорда, которое связано с первым посредством трех порталов. В нем живут Адрагонцы, которые владеют Связным Камнем и двумя прочими артефактами. Они не стареют, имеют свою отдельную иерархию по возрасту и в большинстве своем превосходят прочих существ по могуществу.

Объединение — день, когда Система пришла в Рутткорд. С тех пор прошло чуть больше тысячелетия.

Чертово Ущелье — огромная пропасть, которая расстилается вдоль всей суши и делит ее на две части. Оно появилось в результате раздора трех могущественных магов тысячелетие назад. Магия тогда была сильнее, поэтому государства объединились и совместно установили три моста через Ущелье, которые сейчас построить уже не удастся из-за деградации могущества людей.

Артефакты — помимо артефактов для перемещения между планетами, в Системе

имеется специальный класс, который позволяет делать артефактное оружие и вещи. Оружие образует с владельцем симбиоз, из-за чего у человека повышается навык обращения с ним. При потери артефакт через короткий промежуток времени возвращается к владельцу.

Четверка — герои приквела, которые украли Связой камень, а затем проиграли битву, отдав его обратно Адрагонцам.

Глава 1

— Лир! — Она схватила его за руку. — Я не отпущу тебя.

— Ты! — повернулся парень к ней. — Не отпускаешь меня?! Я тебе не вещь, Лона, чтобы ты могла мною так распоряжаться.

— Что ты сказал родителям? Ты ведь не посвятил их в истинные намерения?

— Что отправляюсь на службу, защищать Империю. Я к этому готовился всю жизнь, каждый день упражнялся на мечах. Они ни капельки не сомневаются в правдивости моих слов.

— Лучше бы так и поступил, нежели гонялся непонятно за чем. Откажись от этой вселенской глупости!

— Наша армия и так ломится от количества солдат, вот-вот, гляди, казармы лопнут. — Линур активно жестикулировал. — Они сражаются против других людей, когда сейчас есть угроза поважнее. Теперь мне там не место.

— Да кем ты себя возомнил?! — Рыжий локон упал на лицо девушки, поэтому ей пришлось сделать паузу, чтобы убрать его обратно за ухо. — Защитником человеческой расы?!

Лир опустил взгляд и замер на несколько секунд, раздумывая над тем, кем ему хочется стать.

— Нет. Пока нет. Но при необходимости, стремиться я буду к тому, чтобы в Рутткорде каждый ребенок кликал меня именно так.

— Знаешь сколько существует таких героев, как ты? И сколько из них закончили в могиле? Ты не князь, не граф и даже не сын графа. Ты никто, ты безымянный сын безымянного крестьянина и кончишь точно так же, как и все остальные безымянные дураки.

— Придержи язык за зубами! — Линур приблизился к Лоне почти вплотную. — Не все закончили плохо, некоторым удалось заработать себе хорошее имя!

— Вновь про ту четверку, якобы укравшую камень...

— Связи! — с пренебрежением подсказал парень, как только заметил заминку.

— Ты глупыш, а они — всего-лишь легенда. Ее придумали, чтобы людям жилось легче. Что однажды придут спасители и откроют проход для всех желающих. Но такого не случится, мы не можем противостоять Адрагону. Никто в Рутткорде не может.

— Я докажу тебе обратное! Я вернусь сюда через год, два, десять в статусе известного и храброго воина, борющегося с чумой в лице демонов, что за последний год периодически нарушают пакт, снося головы людям, тем самым все ближе поднося клинок к горлу нашей расы. Я перехвачу их руку и направлю острие в горло владельца! Клинок клинком. Нельзя сидеть сложа руки, ибо так ты потакаешь адрагонцам!

— Это еще одни слухи. — Укоризненно покачав головой, заявила Лона. — Более правдивые, но все-таки слухи. Ты не найдешь тех людей, не добьешься славы — твоя жизнь закончится на ближайшем тракте. Оставайся, я прошу тебя. Здесь спокойно, ты станешь управлять хозяйством отца после его смерти, обзаведешься отроками и будешь наслаждаться пением птиц и умиротворенностью сего места до тех самых пор, пока не отойдешь в мир иной.

— Ты трусиха, Лона, — оскалился Линур. — Ты назвала меня никем, однако это ты боишься выйти за пределы деревни, ты боишься хоть как-то повлиять на будущее Рутткорда.

Неужели настолько слепа, что не видишь маячащих на горизонте перемен? Я же, может, и не добьюсь желаемого, но хотя бы попытаюсь. Отныне ничто меня не остановит, кроме вражеской стали в моем животе. Мой путь лежит в горы, за артефактом, что подарит мне силу, коей я смогу разрушить Адрагон, испепелив всех его жителей. Я выкурю этих клопов и перерублю каждого!

— Мне жаль тебя. — Девушка отступила в обоих смыслах. — Ты наслушался сказок и теперь едешь за ними, воображаешь себя великим спасителем, но не совладаешь с настоящими воинами. Коль вернешься, то значит судьба на твоей стороне — я поблагодарю ее.

— Досадно, что ты сопровождала меня на протяжении всей жизни, еще детьми я защищал тебя от мальчишек, а ты всегда таскала яблоки мне в поле, хоть отец и не позволял, но так и не поняла, на что я способен на самом деле.

Рыжеволосая голова понуро опустилась. Не потому что была не права, а как раз наоборот.

— Будешь через Ущелье перебираться?

— Придется, — подтвердил парень.

— Но как ты собираешься оказаться около него? У тебя нет коня.

— Пешим шагом. Ноги всегда со мной.

— И сколько дней и ночей будет длиться твой путь? Это займет недели, если не месяцы.

— Скорее всего, но это не имеет никакого значения. Я ведь сказал, что не отступлюсь ни при каких обстоятельствах.

— Само собой. — Девушка нервно улыбнулась. — Как станешь перелетать тысячу метров? Хоть над каким-то планом ты посидел?

— Еще успею придумать. У меня есть недели, если не месяцы.

— Прощай, Лир! — Поняв, что остановить друга можно только насильно, распрощалась Лона. — Пусть Система сопутствует тебе.

— Однажды ты поймешь. Я очень надеюсь.

За спиной Линура остался его дом, который он никогда прежде не покидал надолго. Здесь родился его отец и отец его отца — ему было предназначено продолжить их ремесло. Все изменилось с первым нападением разбойников. Маленький мальчик лишился многих друзей, а его мать навсегда потеряла честь. Для большинства последнее лишь слово, щекочущий уши ветер. Но не для маленькой деревни. Это стало сильным ударом по неокрепшей психике, и с того дня он поклялся всегда защищать людей вокруг себя.

Яркая звезда на небе неприятно припекала, раздражая кожу. Пытаясь хоть как-то прикрыться от жгучих лучей, Лир раздумывал о том, как ему лучше строить свой путь и где останавливаться на ночь. На поясе позвякивали несколько монет, что дали ему родители на дорогу, но растянуть эти деньги на долгий срок не выйдет. Также в сумке за плечами имелась простецкая еда, которой хватит несколько раз пожевать на опушке леса или у бурной речки во время привалов.

Имея такие запасы, можно хотя бы первые несколько ночей останавливаться в тавернах, питаться зажаренными животными и употреблять пьянящие напитки. Остаток сбережений его семьи стоит сэкономить на черный день, когда тому срочно понадобится что-то приобрести. Еще лучшим вариантом будет подзаработать в дороге, может, купить коня. «Впрочем, прочь такие глупые мысли». Транспорт в нынешнее время слишком дорогой и

накопить на него, шатаясь по улице, у парня не выйдет, а украсть не хватит совести.

Рассчитывать время Лиру стоило исходя из количества остановок для подобных ему путников. В первые ночи Линуру нужно привыкнуть к незнакомцам, узнать о ситуации в мире побольше и разжиться подробной картой северо-запада Империи. Тогда уже можно будет составить четкий маршрут, с конкретными местами привала. Пока что же стоит ориентироваться по калиду (1) и идти прямо на восток.

Лир вовсе не был глупым и самонадеянным, поэтому представлял какой сложный и долгий путь ждет его впереди. И дело даже не в покорении каменной глыбы в поисках артефакта, который, скорее всего, будут оберегать, и не в гралах (2), что живут ближе к небу. Для начала нужно пересечь Ущелье. Через два оставшихся после знаменательных событий моста этого сделать не выйдет: никто не выпустит его из Империи, позволив добровольно стать предателем. Скорее заточат за решетку. Тем более на другой стороне что в Царстве, что в Королевстве его не ждет ничего, кроме стрелы в глаз. Напрямик — вот единственный шанс.

Однако перебраться таким образом в одиночку не получится. Нужно иметь способности, что смогут перенести тебя по воздуху на достаточное расстояние или просто установить временную переправу. Вариаций заклинаний есть целое множество, но обладающие ими люди исчисляются десятками. Линуру в их число не входит. Отсутствуют у него и знакомые, которые могли бы помочь. Как найти такого человека и чем отплатить ему, кроме доброго слова — это настоящие трудности, с которыми придется иметь дело юноше в ближайшее время. Все остальное пока что не имеет значения.

Парень отогнал покусившихся на его шею жужжащих в тенечке слепней. В такую жару даже насекомые прячутся в прохладных местах у водоемов, что следовало бы сделать и человеку. Он взмок и провонял трижды, однако останавливаться не желал. Черная одежда еще сильнее притягивала тепло к себе, поэтому вскоре Лир остался в светлой рубашке, избавившись от накидки. Ему хотелось почувствовать хоть дуновение ветра на своем лице, что разгонит исходящее от него зловоние, но не дождался и колышущего колосья ветерка.

Взяв немного правее, новоиспеченный путник вскоре вышел к спокойно текущей реке, что через пару километров вливалась в озеро. Название он вместе с другими ребятами дал ему еще в детстве — *Огненное*. По вечерам, когда на небе нет ни единого облачка, а яркая звезда уходит за горизонт, водная гладь так точно отражает зарево, что появляется чувство, будто плаваешь в магическом, горящем источнике.

Нахлебавшись впрок и умыв лицо, Лир все-таки поддался искушению и стянул с себя всю одежду, хоть изначально и не хотел тратить время на купания. Оставшись стоять нагишом, он медленно зашел в показавшуюся даже чересчур холодной речку, застонав от удовольствия. На середине уровень воды достигал его пояса, хотя особенно высоким ростом парень никогда не отличался. Закрыв глаза, почти что полностью выбритая темная голова исчезла под белоснежной пеной.

Всесильный артефакт где-то в горах на другом конце света. Сказка, которую он знает с детства. Знает он и множество других сказок, но поверил лишь в эту одну.

Схожесть легенды с недавней историей, где замешан Связной камень, подкупила Линура. Четверо самых обычных людей, живые свидетели и события, результаты которых можно увидеть своими глазами. Столько же подробностей известно и про безымянный артефакт, хоть версии местами и расходятся.

Появившись в далекие времена зарождения Системы, эта вещь даровала владельцу

нечеловеческие возможности. То, что сейчас считается невообразимым в свете всеобщего уравнивания, тогда было лишь обыденностью. Люди меняли исход боя всего за несколько минут вместе с этим артефактом, даже если ситуация казалось бесповоротной. Его использовали многие, в том числе троица первооткрывателей магии, которые, несмотря на свою могущественность, потеряли оружие в первый раз. Мертвые не разговаривают, а его местоположение знали только они.

Отыскалась вещица в самый подходящий момент — разгорелась война с Адрагоном. Человечеству удалось позабавиться с игрушкой впрок, но совсем скоро ее отобрали адрагонцы, и она вновь пропала на долгие годы. Третье и последнее появление произошло практически незаметно, в локальной стычке энтузиастов, что решили покорить вершины Рутткорда и гралов. Закончилось все быстро и прозаично: жители Адрагона вернули себе артефакт и заточили его в том же месте, где одержали верх над нарушителями заключенного между двумя расами пакта. С тех самых пор больше полутысячи лет никто не видел сие оружие, несмотря на множество желающих его заполучить. Так история стала легендой, в которую многие не могут поверить.

Лир ранее не выделял ее среди остальных, но после показательного примера с кражей главного артефакта Рутткорда он понял различие между выдумкой и правдой, которую пытаются скрыть. Тем не менее все равно остается далеко не призрачный шанс, что это может оказаться пустышкой, ради которой не стоило поднимать и зада. По этой причине парень сначала отыщет воров камня, убедившись хотя бы в их существовании, и лишь затем отправится в горы. Более того, он рассчитывает заручиться поддержкой четверки: одному ему не справиться, а в их заинтересованности сомневаться не приходится.

Вынырнувший Линур сделал глубокий вдох, наполняя легкие кислородом. Выбравшись на сушу, он с досадой заметил, что кожа на шее стянулась и теперь отзывается болезненными ощущениями при каждом повороте головой. «Надо же, как быстро», — подумалось ему. Нацепив черную куртку обратно, закрывая все открытые участки кожи, до которых могли бы добраться жгучие лучи, молодой человек продолжил путь.

Год назад многое изменилось. Большая часть солдат Империи всегда двигалась на восток, ко второму с любой из сторон мосту. У него постоянно случались самые ожесточенные бои, поэтому носящую название Пондерос крепость регулярно приходилось подпитывать оружием, продовольствием и живой силой. Но после разрушительной битвы внимание переключилось на две другие соединяющие Рутткорд конструкции.

Оставленный армией тракт стал рассадником желающих поживиться товарами торговцев и бутонами красавиц бандитов. Император периодически инициирует «чистку» дорог от нарушителей закона, но ситуация от этого лучше не становится: на смену старым преступникам сразу же приходят новые. Посему Лир пока не осмеливался уходить с тропинки, что идет вдоль реки, в которой он только что искупался. Вернее, речушки. У нее и название соответствующее — *Текучка*. Сразу за ней будет большое озеро, а после, километрах в четырех, можно наткнуться на деревню, в которой парень и сделает первую остановку.

Чертово Ущелье разделило Рутткорд на две части, что обособлялись друг от друга с каждым годом все больше и больше. Пересечься с кем-то с другой стороны сравнимо со встречей с землянином — настолько огромна пропасть. Во всяком случае, так говорят — встретить столь интересного человека из другого государства лично Линур никак не мог.

Там, должно быть, сейчас прохладнее, а светило уже склоняется к западу, погружая все

во тьму. Водятся там другие звери, также щиплющие травку и жующие сено. Растут другие цветы и деревья, имеются разнообразные монстры из Мрака. Но главное — мутанты. Их никто не ограничивает в правах, не истребляет и не убивает просто так. Царство и Королевство относятся к таким существам нейтрально, как к самым обычным гражданам, хотя на Родине Лира они повсеместно преследуются и уничтожаются. Он трепещет оттого, что сможет просто увидеть этих уродцев, рассмотреть живой экземпляр. Может, даже сразиться.

На другой стороне также имеется несколько крупных кланов. Многие из них поддерживают дружеские отношения с правителями и принимают его семью в гостях. Они контролируют стратегически важную территорию, добывают руду и полезные ископаемые, которую потом продают своей же стране. Кланы — государства внутри государств.

Одно такое располагается и в Западной части Рутгорда, причем самое крупное из ему подобных. Несущие Бурю взаправду приносят за собой бурю, застрявшую костью в горле Императора. Противники жестких и даже жестоких законов и геноцида мутантов вечно устраивают стычки с государевыми солдатами в попытке оторвать кусок земли или захватить очередную крепость, но выходит у них это крайне редко, как и наоборот. Преимущество клана заключается в армии, состоящей наполовину из нелюдей с небольшими или внушительными отличиями от принятых стандартов. Именно они не дают Империи полностью сосредоточиться на противостоянии с другими странами.

Линур мог направиться именно в сторону Буревестников, ведь они, по слухам, переносят желающих на другую сторону через Ущелье. Однако в добродушность командующих и главы ему не очень верилось: помогай они всем до единого бесплатно, то уже давным бы давно перестали существовать. Пришедших точно просят в отряды, а примерять на себя символ свободы, по совместительству герб Несущих Бурю в виде сжимающего черную рукоять огненного меча кулака на фоне индиго, ему точно не хочется. Служба может занять годы, прежде чем ему позволят воспользоваться ресурсами клана для переправки, а за столь долгое время его идея изживет себя в результате смерти или смены локации четверки.

Меч имеется и на гербе самой Империи, правда держит его не просто рука, а разъяренный светловолосый мужчина с красными глазами, замахнувшийся оружием на фоне цвета облаков. Ко всему прочему политика клана не близка Лиру. Добиваться свободы и отмены монополии дело благородное, но ни он, ни его семья никогда не жаловались на отсутствие еды, ограничения или неоправданно высокие цены. Сидящие в хоромах люди знают, что голодный и злой народ страшнее любых адрагонцев. Они заботятся о своих жителях и справедливо просят покорности в ответ.

Каждый юноша по достижению шести и десяти годов обязан отправиться в армию, нести службу ровно восемь обязательных лет, после чего ему предоставляется выбор: вернуться к мирной жизни или остаться. Многие выбирают продолжать зарабатывать высшие чины. Исключениями являются дети богатых семей, чьи родители способны самостоятельно обучить отроков военному ремеслу и после поставить их во главу стражи или добиться попадания в ряды императорских гвардейцев, что является пределом мечтаний каждого воина.

Также призыву не подвергались такие, как Линур. Являясь единственным сыном, их семья, деревня и даже вся страна лишится урожая или части от него, если он погибнет в бою, оставив старого отца без потомства. При этом добровольцем ему быть никто не запрещает,

коим парень и хотел изначально стать. Путешествие же, в которое он отправился, а вернее его цель, делало из него как оставившего поле, так и не вступившего в ряды новобранцев преступника. Поэтому ему так долго не удавалось принять решение, однако защита Рутткорда казалась парню более важным делом, нежели уход за клочком земли.

Прямо над головой промчалась низко летящая ласточка, что-то звонко проголосив. Проводив взглядом птицу, Лир обратил внимание на багровеющее небо — оставшееся позади озеро вот-вот обретет животрепещущий вид. Ему же осталось совсем немного: пройти пару тысяч метров, свернуть налево и двигаться наискосок ровно до тех пор, пока его нос не уткнется в забор на участке крестьянина.

1 — Солнце в Рутткорде

2 — В прошлом люди, что жили в горах. Когда в Рутткорде появилась Система, они не заимели никаких способностей, вместо этого с каждым следующим поколением все больше превращаясь в трехметровых существ. Вместо кожи они имеют несимметричные тонкие каменные плиты, которые нельзя пробить никаким обычным оружием.

Глава 2

Жизнь в поселении была ключом: туда-сюда сновали люди, конюх вел лошадей по улице, а пастух при помощи крупной собаки уже загонял скот обратно на ферму. В отличие от его дома, здесь было куда больше создающих шум и суету молодежи и детей. Множество получивших отпуск солдат, случайных путников или подобных Лиру мужчин жили или временно останавливались в *Салтуме*. В нем же ждали своего часа ребята младше призывного возраста, а также расцветали девочки, вот-вот готовые стать первыми красавицами.

В нос юноши ударил запах краски — маляр разукрашивал незатейливую вывеску гончарной. Линур остановился, заинтересованно разглядывая, как молодая девушка аккуратными движениями рук придавала форму посудине, одновременно с этим ногой заставляя безостановочно крутиться круг. За ее спиной находилось готовые изделия: как используемые в хозяйстве, так и созданные в качестве декора. Некоторые из них были разукрашены в яркие цвета, а другие наоборот — в темные. Парню непроизвольно захотелось что-нибудь прикупить и себе.

Тряхнув головой, работница посмотрела из-под волос голубым глазом на Лира, смущенно улыбнулась и продолжила делать узоры на получившейся чашке. «Она еще девочка, — подумалось ему. — Ей пятнадцать или даже четырнадцать». Пусть он сам уже и считается мужчиной, но разница между ними всего в два-три года.

Плотским утехам Линур предался всего однажды и то скорее из подростковой любопытности. Лона всегда была его подругой и никаких любовных чувств ни он, ни она к друг другу не испытывали, однако дружба между мальчиком и девочкой в таком возрасте имеет очень размытые границы, которые можно перейти, даже этого не заметив. Она быстро повзрослела телом и в свои тринадцать имело ярко выраженную грудь и аккуратное, красивое личико, украшенное веснушками. В нем же играли гормоны, поэтому все произошло неожиданно для обоих — под ночным небом, пока они любовались звездопадом.

Губы осторожно соприкоснулись, впервые пробуя нежную ткань друг друга. Сначала это были короткие поцелуи, но очень быстро они превратились в глубокие и чересчур затяжные. Нескоро рука парня осмелилась скользнуть по юному тельцу. Стесняясь, он гладил только руки, плечи и талию, но осознав, что сейчас ему дозволено все, а Лона под ним уже в нетерпении продолжения, он перешел к ляжкам, бедрам и грудям. Неловко Лир стянул маечку, оголяя девушку выше пояса, и столь же неуклюже он расправился со штанами вместе с трусиками. Несмотря на неумелость в движениях и пылающее от стыда лицо, ему понравилось. Тем не менее эта ночь оказалась последней, когда Линур испытал тепло девичьего тела, вопреки его просьбам. Трахать грязных шлюх ему не хотелось, как и других женщин, но и ничего прочего, кроме прелестей подружки он не желал, хоть она и не была обделена умом. Наверное, поэтому и отказывалась.

Оторвавшись от сладких воспоминаний, путник хотел сделать шаг вперед и познакомиться с голубоглазой особой, но не вовремя сорвавшаяся капля краски с кисти мужчины, все еще разрисовывающего дерево, упала прямо ему на щеку, вдобавок заляпав накидку. Девушка захихикала, не отрываясь от работы.

— Идиот криворукий! — выругался Лир.

Обернувшись на крики маляр смерил взглядом паренька, после чего тоже улыбнулся,

умудрившись при этом сохранить холодный тон:

— Нечего здесь шастать! Люди делом заняты.

Разгневанный юноша схватился за рукоять, но меча не вытащил.

— Не надо! — испугалась девица, отняв руки, из-за чего почти готовая чашечка потеряла свою форму и превратилась в бесформенную кучу глины. — Уходите!

Фыркнув, он развернулся и направился в сторону ближайшей таверны, надеясь, что успеет очистить одежду до того, как засохнет краска.

Колодец отыскался вблизи жилья на эту ночь. Обложенный каменными кирпичами, он давал доступ к подземному источнику, снабжая водой всю деревню. Жителям она доставалась бесплатно — заходим приходилось покупать за четверть медяка. Линур мог пройти дальше и выйти к реке, где стирают вещи и моются люди, но ко всему прочему ему жутко хотелось пить, поэтому он предпочел именно родник.

Получивший положенную сумму старик лениво бросил ведро вниз и медленными движениями вытащил уже до краев заполненную кристальной водицей деревянную тару. Отхлебнув совсем немного, парень почувствовал, как его зубы заныли от холода, однако продолжил пить глоток за глотком, пока подбородок не оказался полностью мокрым. Лишь после этого он умылся, стирая краску с щеки и дотошно пытаясь отмыть одежду. Довести дело до конца так и не удалось — обычной водой серое пятно теперь не убрать.

— Система тебя дери! — пробубнил себе под нос Лир.

Погрузившийся в себя старик вдруг сосредоточил вопросительный взгляд на нем, не совсем понимая, за что это его ругают. Зло скинув ведро обратно в колодец, путник направился к ведущей в здание двери.

В таверне пахло едой. Чуть ли не с каждого стола разносился вызывающий слюни запах мяса, жареного картофеля и тушеных грибов. Каждому проголодавшемуся проходимцу вскружало голову, зазывая приблизиться к стойке и взять перекусить, выпить, после чего, достаточно расслабившись, остаться на ночь и заснуть крепким сном, или же продолжить кутить. Линур, и так собиравшийся поесть, охотно повелся на поводу у своего желудка, усевшись за свободный стол.

Заказав овощную похлебку, кусок зажаренного утенка и свежее испеченный хлеб, а также литр пенного, чтобы еда лучше проходила в горло, гость в ожидании принялся рассматривать обстановку вокруг себя.

К вечеру внутрь забилось много людей. Больше половины из них — солдаты в одежде характерных цветов. Доспехи некоторых стояли у столов, другие же отнесли кожаную со стальными элементами защиту в комнату или дом. Перед глазами мелькала темно-красная одежда с тонкими голубыми линиями, тянущимися вдоль рукавов и штанин. У каждого на спине можно было заметить аккуратно вышитый герб Империи — правитель не скупился на снабжение армии. Выбравшиеся из казарм и караула воины отдыхали на полную: гогоча, поглощая блюдо за блюдом, выпивая алкоголь литрами так, что оно стекало у них по усам, и шлепая официанток по упругим словно специально выставленным на показ упругим задкам. Они знали, что с пьяного и соскучившегося по ласкам мужлана можно будет побольше содрать.

Даже одинокому путнику было сложно не почувствовать все то веселье, творящееся сегодня в Салтуме. Крики, танцы и исходящая от энтузиастов музыка, что решили блеснуть своими навыками, способствовали этому. Лир не понимал, праздник это, или такое происходит здесь ежедневно, но ему однозначно нравился этот вечер. Покончив с едой и

пенным, он не ушел отдыхать и спать, как планировал изначально, а заказал еще сладкого напитка. Пару раз он выходил на свежий воздух помочиться — на второй на улице уже было темно, возможно даже за полночь. Опустившийся на землю холод ненадолго приводил его в чувства, но затуманенный разум нес юношу обратно в душное и откровенно провонявшее мужчинами помещение.

Присев обратно, Линур обнаружил по соседству новоприбывших гостей. Еще одни солдаты, но эти были при параде: в броне и с поясами, на которых расположились ножны с мечами и кинжалами. Казалось, будто они не замечали творящегося вокруг: они не смеялись и даже не улыбались. Их лица выглядели серьезными и сосредоточенными. Разговор явно не предназначался для чужих ушей, но четверке крупных мужчин приходилось повышать голоса, чтобы слышать друг друга.

— Сегодня пропала еще одна группа, — доложил один из них. — Они направлялись по Южной дороге в сторону крепости буревестников — останки лошадей нашли в трех десятках километрах от последней. Это наша территория, люди клана не могли находиться там.

— Бандиты, звери? — резко спросил самый старый из группы. Ему, должно быть, не меньше тридцати. — Ты все версии проверил?

— Слишком чисто сработано, Ваше Благородие. Ни снаряжения, ни следа человеческой плоти. Вокруг кровь, да лошади. Там побывало пламя!

— Это адрагонцы! — нервно высказал непрошеного мнения еще зеленый пацан. — Точно вам говорю!

— Заткнись, Эр. Я всякую чертовщину видал — и этому объяснение найдется.

— Я бы не спешил с выводами, Ваше Благородие. — Докладчик оказался на стороне молодняка. — После животных остался бы металл, а после людей тела. К тому же отсутствуют какие-либо следы битвы. Так не бывает.

Капитан устало вздохнул и почесал отросшую щетину.

— И что вы от меня хотите? Мне поручено положить конец этим нападениям и навести порядок на наших дорогах, но как это сделать, коль виноват во всем Адрагон? Мне нужны существенные доказательства, которые я смогу принести начальству. Сам Император должен отдать приказ, после которого пакт перестанет действовать, а наши руки будут развязаны. До тех пор это догадки и предположения, моя некомпетентность. Если же вы правы... молитесь, чтобы это было не так.

— Считаете, мы не справимся? — Паренек выпятил грудь. — Что наша Великая страна...

— Ты хорошо знаешь историю, Эр? — перебил его Фирон Эдмур. — Ты помнишь, чем закончилась прошлая подобная война?

— Заключением пакта, Ваше Благородие.

— А если не столь расплывчато? Не отвечай, я сам скажу: голодом и разрухой. На полях некому было работать, поэтому люди жрали все подряд. Сначала оставшийся скот, потом уличных котов и собак, крыс, траву и цветы, бумагу и кожу, кору и даже друг друга. Деревенщине повезло чуть больше — они питались ягодами и грибами. К тому же их дома остались целыми, если не были сожжены дотла во время боев, так что они спали на перине, пока людям в городах приходилось довольствоваться неудобными обломками. Ты когда-нибудь спал на камнях, Эр?

— Не доводилось, Ваше Благородие, — потух солдат.

— В это же время уровень преступности зашкаливал, — продолжал мужчина, — а

пресекать нарушение закона и подавлять волнения народа было попросту некому. Лучшие военачальники отдали свои жизни в кровавых сражениях, отчего военное дело полностью деградировало. На его восстановление понадобились десятки лет! Теперь вспомни Рутткорд того времени. Сплоченность, артефакты в наших руках и богоподобные маги. Сейчас мы ничего из этого не имеем. Разобщенность, обычные железки и вовсе не имеющая боевых заклинаний половина населения — наше наследие. Утверждают, будто Система уравнила всех, однако по мне она лишь ослабила человеческий род, а пропасть между его представителями оставила все такой же великой. Нам не выстоять против Адрагона, — заключил Фирон. — Ни при каких обстоятельствах.

— Не сидеть же сложа руки теперь! — возмутится докладчик.

— Слушайте, что я вам говорю! Добудьте мне доказательства принадлежности Адрагона или вещь, которая сможет опровергнуть его вовлеченность. Тогда и поговорим. А пока что Эрни смотается нам за вином.

— Но что же вы скажете в отчете? — озаботился он, уже поднявшись со стула. — Вам придется врать!

— Это уже не твоей головы дело. Тащи выпивку!

Пришедший в себя Лир вдруг осознал, что уже несколько минут сидит неподвижно и держит кружку в воздухе, внимательно слушая разговор военных. Медленно отхлебнув напиток, боясь, не заметили ли они любопытного гостя, он погрузился в раздумья.

Что вторгающиеся в Рутткорд демоны являются не просто слухом, новостью не стало — под градусом люди болтают много лишнего. Однако одно дело кричащие об этом пьяные пехотинцы, придумывающие рассказы для развесивших уши девушек и братьев по оружию, а другое уважаемые люди, на самом деле приходящимся сталкиваться с этим ежедневно. Услышанное лишь укрепило веру парня в том, что Рутткорду необходимы подобные четверке герои, стремящиеся завладеть артефактами. Необходимы ему и такие, как он, готовые посвятить жизнь поиску некогда утраченного могущества.

Неожиданный толчок сзади практически выбил кружку из рук, но, что куда страшнее, его злосчастное плечо снова оказалось испачкано. В этот раз красное от вина пятно въелось в светлую ткань рубахи, выстирать которое вряд ли уже выйдет. Нехорошие слова готовы были вырваться наружу, когда Линур начал оборачиваться, однако заметив, кто стоит позади, он моментально натянул фальшивую улыбку и удержался от ругательств.

— Прости, друг, — смутился Эрни, — я случайно.

Гнев быстро сменился на милость — над ним не собирались подшучивать. К тому же занять конфликт с имперскими солдатами в первый день Лир желанием не горел.

— Ерунда, — отмахнулся он. — С кем не бывает.

Появившийся из-за спины Эра мужчина положил ладонь на его плечо и покачал головой:

— Так не годится, сынок.

Непрошеному собеседнику можно было дать лет тридцать с хвостиком, ближе к тридцати пяти. Рыжая щетина совсем недавно преобразовались в бороду, а русые волосы средней длины оказались зализаны назад. Несмотря на грубые черты лица в виде острых скул, чуть крупнее нужного носа и широкого лба, он смотрелся органично и вполне мог считаться красивым. А на фоне щуплого паренька к тому же плечистым и крупным.

— Ты испортил ему одежду и хочешь отделаться простым извинением? Будь человеком и поделись бесплатным вином — он заслужил стакан, а то и целый кувшин.

Эрни вывернулся и молча сел обратно за стол, не удостоив незнакомца ответа. Вместо него это сделал Фирон:

— Ситуация разрешена, незачем ее накалять. Иди с миром и развлекись в столь прекрасный летний вечер.

— Если бы у паренька были претензии к четверым военным, он бы их обязательно высказал? А коль нет, то и «ситуация разрешена»? — Мужчина подошел поближе, оперевшись двумя руками о стол. — К чему же притворяться столь глупым?

Фирон поднялся на ноги, не желая смотреть на собеседника снизу вверх.

— Ты сейчас оскорбляешь капитана имперской армии!

— Указываю, что негоже капитану имперской армии простой народ обижать.

— Указываешь? Скотина ты такая, у нас впервые за долгое время выдался единственный день отдохнуть, но ты хочешь испортить и его. Уходи сейчас же, или мне придется тебя арестовать.

— Сначала вина молодому человеку.

Раздраженный Фирон выжидающе посмотрел на мужчину.

— Эр, поделись выпивкой.

— Но Ваше Благородие...

— Эрни!

Парень схватил пустую кружку и, разбрызгивая алкоголь, наполнил ее до краев, после чего поставил на соседний столик.

— Надеюсь, ты доволен.

— Премного благодарен. — Незнакомец расплылся в улыбке. — Однако теперь хотелось бы услышать извинения за нанесенное мне оскорбление.

Схватив человека за руку, капитан предпринял попытку зайти ему за спину, но тот ловко извернулся и вновь встал напротив.

— Незачем устраивать погром — сделаем это на улице. — Не оборачиваясь, он направился к выходу. Вслед отправились все четверо, лишь Эрни немного задержался. — Ты — с нами.

Лир ошарашено смотрел парню вслед и не понимал, как всего за одну минуту умудрился вляпаться в подобное. Но даже больше, чем удивительное стечение обстоятельств, его заботила сторона, на которой он невольно оказался. Мужчина, так храбро заступившийся за жертву инцидента, намеревался лишиться сегодня нескольких целых костей и разделять его участь Линуру совсем не хотелось. Впрочем, как и присоединиться к избиению. Однако остаться в стороне не выйдет, иначе ему не пришлось бы сейчас двигать на улицу.

Снаружи было тихо и спокойно. Опустел двор, замолчали птицы, стих ветер. Весь мир словно замер в ожидании восхода калида, и лишь ночные обитатели, такие как сверчки и волки, бодрствовали, заполняя тишину. В такой гармонии хотелось провести всю ночь.

— Хочешь посопротивляться? Твое право. Мое — превысить полномочия, чтобы задать тебе урок.

Оголять мечи они не собирались, что порадовало Лира. Что его не порадовало, так это несильный удар в спину, заставивший оказаться напротив военных. Выбор сделали за него: теперь их двое, парень и старик, против четверых облаченных в кожаную броню солдат. Честным боем здесь и не пахнет.

Первый удар нанес Эрни. Выступив вперед, он нацелился в челюсть мужчине, но оказался слишком медленным и вместо попадания сам заработал синяк на торсе благодаря

незнакомцу, что сразу же отступил назад, опасаясь драться с двумя противниками одновременно. Линуру подумалось, что у него нет пригодных для кулачного боя способностей, поэтому сделать многого он не сможет, но и позволить избить себя просто так не готов. Слегка воодушевленный скоростью и хорошо поставленной техникой союзника, молодой человек сделал шаг вперед и выставил руки перед собой.

В этот раз напали все сразу, предварительно разделившись по парам. Лиру достались Эрни и молчун, который до сих пор не вымолвил ни слова и выглядел так, словно вовсе находился где-то на задворках собственного разума. Косточки пальцев врезались в челюсть болтливому Эра, когда тот почувствовал в себе чрезмерную уверенность, но его напарник сразу ответил прямым ударом в почки, от которого юнец согнулся. Не ожидая товарища, молчун хотел закрепить успех, однако Линура, преодолевая боль, разбежался и врезал тому головой в живот, повалив на землю.

Незнакомец тем временем успешно увернулся от одного хука, сразу же от второго, а третий перехватил руками и отбросил неприятеля в сторону, одновременно с этим пуская кровь Фирону, пересчитав кулаком его зубы.

Очухавшийся Эрни накинулся на Лира сзади, стукнув пару раз по позвоночнику и взяв на удушью. Попытки того вырваться и использовать локти не увенчались успехом, и воздуха быстро перестало хватать — сознание поплыло. Поднявшийся на ноги молчун стал размеренно колотить обездвиженного парня, разбив ему губу, рассекши бровь, свернув нос и оставив множество ссадин на щеке.

Остановил избиение брошенный мужчиной камень, угодивший Эру прямо в висок, отчего тот моментально выбыл из схватки. На секунду Линуру показалось, что даже это ему ничем не поможет: легкие судорожно пытались напиться кислородом, один глаз почти не видел из-за натекающей сверху крови, а все силы словно покинули тело. Однако секундой позже ярость заполнила разум, крича о несправедливости происходящего. «Я здесь не причем! Я не сделал ничего плохого! За что же меня колотят?!» Вложив в удар всю злость, он провел сокрушительную контратаку, результатом которой стала как минимум вывихнутая челюсть соперника, как раз не вовремя открывшего рот.

Двое оставшихся нетронутыми человека сошлись друг с другом. Два удара докладчика оказались заблокированы без шансов, поэтому он решил схитрить, выхватив нож из-за пояса и пырнув противника. Ему практически удалось смухлевать, но реакции бесспорно отличного бойца хватило для отвода и этой попытки навредить ему. Тогда имперский солдат перехватил оружие обратным хватом и резким движением наверх оставил неглубокий порез на щеке мужчины. Ответ не заставил себя ждать: плечом повалив тушу на землю, он с размаха впечатал тому ногой кадык в горло, лишив возможности дышать.

Сбоку сразу же набросился капитан, оставляя на скуле синяк. Сцепившись, оба покатались по траве, без остановки колотя друг друга. Отдышавшийся Лир уже хотел помочь союзнику, когда его остановил резанувший правое ухо звук металла: молчун достал меч, приготовившись убивать за пострадавших братьев. Незамедлительно парень вытащил и свой клинок, проведя рукой по лезвию, тем самым активируя способность. Белые всполохи ознаменовали полную готовность перевести бой на новый уровень, но почти начавшуюся кровавую дуэль остановил надрывающийся голос:

— Кол, прекрати сейчас же! Вы оба, хватит!

Будто позабывший о своем сопернике Фирон разъяренно смотрел на молодых ребят, готовых только что убить друг друга из-за одной кружки вина.

— Ты имперская сила и должен защищать своих людей, а не бросаться на них с оружием!

— Да я...

— Что ты? Одно дело кулаками махать, а другое рубить друг друга. Такие люди нужны нашей стране — их убийство станет преступлением. Хватит, мы уходим. — Это оказалось адресовано спровоцировавшему конфликт мужчине. — Проверь Эра. Что с ним?

— Живой, — ответил Кол, как только обнаружил пульс у бессознательного тела.

— Забирай его.

Капитан тем временем помог подняться своему последнему подчиненному и, не удостоив оставшихся людей ни словом, ни взглядом, удалился за дверями таверны.

Незнакомец с растрепанными волосами и набухающими все больше синяками удовлетворенно набрал воздуха в грудь и громко выдохнул. Он выглядел мужественно и в свете луны казался хищником после битвы, из которой вышел победителем. Показавшееся в освещенном помещении красивым лицо стало жестким и жестоким, внушающим страх. На его руках выступили вены, а кулаки были разбиты в кровь. Постояв еще с минуту, устремив свой взор в ночное небо, он отошел с дороги и распластался на траве, продолжая смотреть наверх.

Подходить к мужчине Лир не хотел: общение с человеком, который устроил драку ради забавы, втянув в нее при этом совсем непричастных людей, в его планы не входило. Дотронувшись до потерявшего былую прямоу носа, парень невольно вздрогнул. Пока Эр держал его сзади, он успел принять далеко не один удар: помимо лица, болели еще и ребра. И на этой проклятой рубахе, из-за которой все и началось, было теперь далеко не одно красное пятно.

Ни лечебных зелий, ни чистых тряпок у Линура не водилось. И если второе еще можно было купить, то на волшебные склянки наскрести у него никак не получится. Да что там, даже на ткань денег ему откровенно жалко. С другой стороны, ни переломов, ни глубоких ран нет — загноиться не должно, а значит как-нибудь переживет.

Резким движением вправив нос, Лир зашипел от боли. Ему не впервые приходится проделывать подобное: в детстве и подростковом возрасте он часто дрался с мальчишками из других деревень. Без крови, как и прочих увечий, почти никогда не обходилось.

— Хороший удар! — улыбнулся уже сидящий на траве человек, когда его союзник в недавнем бою прошел мимо, направляясь обратно в таверну.

— Спасибо! — Он состроил рожицу и даже изобразил поклон.

— Не стоит паясничать.

— Пожалуй, только это мне теперь и остается.

— Извини, я правда не хотел, чтобы ты тоже в этом участвовал. Но все равно благодарен за помощь — в одиночку я бы, наверное, не справился.

— Зачем ты вообще полез к ним?! — Линур подошел ближе. — Для чего спровоцировал драку?

— Ничто не бодрит так, как хороший бой. — Мужчина улыбнулся еще шире. — Голова свободна от мыслей, в руках приятная боль, а на душе спокойствие и умиротворение.

Парень несколько секунд смотрел на него в недоумении.

— Ты ненормальный, да? Тебя ведь и убить могли.

— Имперская-то солдатня? Нет, не могли. Вернее только тихо где-нибудь в лесу, а не после столь заметного представления перед десятками глаз — иначе бы их ждало правосудие. Кому захочется лишиться всех званий и отправиться за решетку или на каторгу из-за какого-то идиота? Видел, как побежали? До поножовщины доводить нельзя, а позориться и получать по мордам больше не хотелось — даже про брошенный камень удобно забыли. — Собеседник тихо захихикал. — Ты присядь, пусть ноги отдохнут.

Лиру следовало бы отказаться от разговоров со столь противоестественной личностью, пока она не втянула его еще в какую передрагу, но желание вызнать хоть что-то про настроение народа и имперской армии в свете атак адрагонцев пересилило парня. К тому же

его нижние конечности и правда побаливали, хотя до этого усталость ощущалась не столь сильно: во время драки для мощных ударов ногам приходилось напрягаться намного больше обычного, перенося вес тела туда-сюда и удерживая равновесие в критические моменты.

— Ты ведь не местный? — закурив самокрутку, спросил мужчина. — Бумажонку не хочешь? Должно стать получше.

Линур принял курево и глубоко затянулся, отчего голова пошла кругом. До этого он всего дважды пробовал подобного рода развлечение, но в привычку оно не вошло — содержимое каждого экземпляра нужно было приобретать на оставшиеся после покупок жизненно необходимых вещей деньги, а последние, как правило, в его семье не водились.

— Я путешествую.

— И куда же ты держишь путь?

— Далеко. Очень далеко.

— Готов поспорить, что не дальше моего. Не скромничай, поведай о своем конечном пункте. Мои с властью отношения ты видел, поэтому бояться сказать лишнего совершенно нечего.

Он выпустил еще одно облако дыма и передал бумажонку обратно.

— Мне нужно перебраться через Ущелье. В Царстве есть люди, которых мне необходимо найти.

— Не прими на личный счет, но ты не похож на того, кто может похвастаться связями на другой стороне Руткорда.

— Верно — пока что мне требуется этими связями только обзавестись.

— Что ж, ты не соврал — пункт назначения находится далековато. И хочешь верь, хочешь — нет, но часть моей дороги пересекается с твоей. Мне надобно попасть во владения Короля.

Лир понял, что не прогадал и вот она — ниточка, за которую нужно цепляться. У мужчины, должно быть, есть знакомый, имеющий возможность переправить его через пропасть. Или хотя бы знакомый знакомого.

— Я не хочу навязываться, — осторожничал он, — но мы можем составить друг другу компанию.

— Можем, — согласился тот. — Тебе это, безусловно, выгодно — я все-таки буду человеком повыше статусом и при каких-никаких деньгах. Но что ты предложишь в ответ?

— Я уже доказал свою полезность в бою — без меня синяков на твоём теле заметно бы прибавилось. Мечом я владею ничуть не хуже.

— Допустим вдвоем путь будет менее опасным, но ты должен знать, что за преодоление Ущелья требуют немало денег. В первую очередь из-за риска, которому подвергаются предоставляющие услугу люди — законом строго запрещено пересекать границы Империи не имея на это разрешения, как и способствовать пересечению. Каждого нарушителя ждет суровое наказание. У тебя имеются средства для оплаты всех этих рисков и непосредственно самой способности, что перенесет тебя в Нижнее Царство? — Линур отрицательно покачал головой. — А хотя бы конь, который доставит тебя к границе, наличествует?

Молодому человеку стало настолько стыдно за опрометчивое решение просить о партнерстве, что он не сказал ни слова в ответ, отвернувшись и устремив свой взгляд во тьму.

— Ты еще слишком зелен для таких путешествий, сынок. Для начала стоит освоить ближайшие земли и заработать монет, разжиться транспортом, а также хорошим

снаряжением. Только тогда можно будет задуматься о подобных расстояниях. Сейчас же ты чересчур спешишь — твое время пока не пришло.

— Нет! — рявкнул Лир. — Я опаздываю. Если задержусь, то мой поход рискует потерять весь смысл. Мне срочно нужно на ту сторону. С деньгами или нет, но я найду способ или убьюсь, сорвавшись с обрыва.

Мужчина несколько минут молча курил, любуясь яркими звездами.

— Я погорячился, сказав, что нам по пути. Несколько дней мы сможем проехать по тракту вместе, но потом мне придется свернуть на юго-восток, а тебе — продолжить двигаться прямо, взяв чуть более северный курс.

— Хорошо, — уже спокойно согласился парень. — Я подумал, что мне повезло наткнуться на человека с похожими целями и изъявил желание присоединиться к нему. Но видимо ошибся.

— Очень сильно ошибся. Наши цели в любом случае будут различаться, что бы ты там не задумал. Но не спеши расстраиваться — я хочу кое-что рассказать.

— Известно ли тебе что-нибудь про семью Либеро? — Сжав двумя пальцами конец самокрутки, собеседник раскурил еще одну бумажонку.

— Конечно! — поразился странному вопросу Линур. — Все в Империи ее знают. Это богатейшая и одна из древнейших семей в Рутткорде. Ее члены занимают высшие чины в нашей армии, а также исторически являются кузнецами высшего класса. Вольные люди первыми отправились покорять горы после появления Системы.

— А знаешь ли ты, с кем сейчас разговариваешь?

Лиру хватило всего секунды для того, чтобы соотнести одно с другим: его кинуло в жар, и одновременно с этим на теле выступил холодный пот.

— Ваше Сиятельство, прошу простить меня за все сказанные до этого слова — я никак не мог подумать, что в этой глуши встречу столь высокородную фигуру. Прошу простить меня также за то, что не смогу назвать вашего имени, ибо до сего момента не знал ни единого князя в лицо.

— Мое имя Ралафар Либеро, я, как ты верно догадался, законнорожденный князь, но попрошу тебя больше не упоминать это и продолжать говорить со мной на равных.

На некоторое время молодой человек выпал в осадок. Он назвал князя ненормальным, а в мыслях дураком и еще несколькими громкими эпитетами. За такое четвертуют!

— Я постараюсь, — почти скрыл дрожание голоса Линур. — Но почему вы здесь? И совсем один, без слуг?

— Никаких «вы», сынок, мы ведь договорились. — После короткого кивка головой, Раф продолжил. — Раз ты спрашиваешь, то позволь немного рассказать о себе. Наверное, тебе тяжело будет в это поверить, но светская жизнь имеет не только плюсы, но и ничуть не меньше минусов. К примеру, твоя резкая перемена отношения ко мне. Обыватель не позволит себе разговаривать с князем на повышенных тонах, ругаться или даже проявлять эмоции. Как бы ты не любил и не ненавидел человека, если его титул выше твоего, то ты будешь молчать и подчиняться. Страх останавливает людей и заставляет их притворяться, быть неискренними и ненастоящими. Сначала это приносит удовольствие, тешит твое эго, но рано или поздно куклы осточертеют и станут вызывать одно лишь отвращение. У таких людей, как я, нет друзей — лишь подданные.

— Зачем же тогда было рассказывать мне о своем настоящем происхождении? — не понял логики Лир.

— Начатое со вранья знакомство никогда не заканчивается хорошо. Свобода выбора, мой друг — еще один камень преткновения. Я никогда не выбирал кем мне быть, с кем общаться и на ком жениться. Этот выбор сделан давно — моя судьба предначертана задолго до сегодняшнего дня. Каждый мужчина в нашей семье обучается одному и тому же в независимости от его желаний: военному делу и мастерству оружия, как в качестве его носителя, так и изготовителя. Хочешь знать, почему я здесь? Из-за жажды опасности и приключений. В родном доме я провел детство, будучи неразумным ребенком — в нем же провел свой расцвет сил, воспитывая неразумных детей. Нас зовут вольным народом, но вырваться на волю я смог лишь спустя три десятка лет после рождения, отказавшись от продолжения военной карьеры. Мне хотелось драки. Такой, чтобы могли ударить со всей силы, чтобы не боялись потерять руку после того, как пустят мне кровь. Пришлось проехать пол страны, дабы быть уверенным, что здесь не найдутся люди, видевшие князя Ралафара до этого. Риск, конечно, остается до сих пор, но он в разы меньше. Я гнал коня по тракту скрыв лицо, заезжал в несколько подобных поселений, привыкая к чувству незащищенности и отсутствию рядом преданных людей все больше. Потом я долго искал повод начать разборку, несколько раз был просто послан или поднят на смех, но полчаса назад сорвал бинго, встретив уставших после дневной службы военных в неважном расположении духа. Уж мне было знакомо дальнейшее развитие событий, коль начать им перечить.

— Выходит, ты просто выехал поразвлекаться, — подвел итог Линур. — И в королевство тебе нужно лишь для разнообразия пути.

— Нет, у меня имеется конкретный пункт назначения, но он никуда не денется — я могу позволить себе потратить время на всякие глупости. У тебя же такой привилегии, судя по всему, нет.

— Ее ни у кого уже нет. Каждый в Рутткорде скоро поймет это, но будет слишком поздно, ибо действовать необходимо прямо сейчас. Ты не мог не слышать об адрагонцах, совершающих нападения на наших солдат.

— Верно, — закивал Раф, — слышал. Ты полагаешь, что грядет вторая война с Адрагоном?

— Они прощупывают нас, смотрят на нашу реакцию и изучают ее, иначе давно бы выдвинулись всеми силами. Когда в Адрагоне окажется достаточно информации о силах Империи, Королевства и Царства, подготовленности и слаженности воинов — начнется война на уничтожение. Я хочу найти способ, который поможет их остановить.

— Как? — Правая бровь князя взметнулась вверх.

— Мне понадобится помощь четверки людей, что год назад украли Связной камень. Может, ты знаешь про них что-то большее, нежели говорят в народе?

— Люди моего отца пытались что-то выяснить, хотели связаться с этими отважными героями, но все было тщетно. У Либеро имеются огромные ресурсы, связи во всех трех государствах, однако мы ничего не узнали. Какие шансы добиться успеха были у других?

— Значит вся история с кражей может оказаться легендой?

— Нет, легенды так быстро по миру не расходятся. Я думаю, что за воришками стоит некто очень могущественный, не позволяя даже самым влиятельным и любопытным добраться до них. Сверх моих слов и гуляющих по Рутткорду сказок ты больше ничего не услышишь. До сих пор считаешь, что четверка — надежный вариант?

— Я могу справиться и без них, но не один. Других экспертов по жителям Адрагона, которые имеют опыт в борьбе с ними, я не знаю. К тому же герои стали называться

такowymi из-за того, что возились с артефактом — мне нужно будет найти еще один, утраченный сотни лет назад.

Пару минут прошли в молчании, пока Ралафар размышлял.

— Твоя затея сумасбродна и глупа, но при этом благородна, а это я уважаю. Ты храбрый малый и у тебя, пожалуй, будет шанс реализовать свои амбиции. Мы проедемся вместе до ближайшего города в северо-восточном направлении на двух конях и сделаем там остановку. Транспорт я тебе куплю, но только в долг, который придется отдать в течение тех дней, что мы потратим на дорогу до Ущелья. Зарабатывать будешь там, где я скажу.

— Зарабатывать? — удивился Лир. — Но ведь это займет очень много времени. Обычный человек не может вот так взять и купить себе лошадь, поработав пару дней, иначе все давно бы сделались всадниками.

— Мы что-нибудь придумаем. В первую очередь, это станет полезным уроком для тебя по заработку монет в полевых условиях, когда родной дом далеко. А еще мне очень хочется посмотреть, на что ты годишься — не удовлетворишь меня, и тогда мы распрощаемся.

Лишний раз задерживаться Линур не желал, однако отказ от такого щедрого предложения станет его самой большой ошибкой в жизни. Пытаться при этом изменить условия совместной поездки не стоит: Раф взял его с собой то ли из жалости, то ли из любопытства. А может и правда поверил, что парень добьется своего. В любом случае князь оставит его в одиночестве также быстро, как и согласился взять с собой, стоит только начать перечить ему.

— А что находится в конце твоего пути? — поинтересовался вместо препираний Лир.

— Расскажу как-нибудь потом. — Ралафар сразу же перевел тему. — Мы засиделись — становится все холодней. Пора бы вернуться в таверну и разойтись по комнатам, как следует выспаться и завтра отправиться в дорогу. Тебе есть во что переодеться?

— Вся имеющаяся с собой одежда уже на мне, кроме накидки сверху.

— Возьми. — Достав из мешочка на поясе серебряную монету, князь протянул ее новоиспеченному товарищу. — Завтра купишь себе чистую рубаху. Оставшееся потратишь на запасные тряпки или теплый плед. Ночи нынче холодные.

Поднявшись, Раф отряхнулся, вытер почти засохшую струйку крови на виске и зашел в таверну.

Линур отправился вслед за мужчиной чуть позже — пять минут погодя. Стоило ему появиться на пороге, как взгляды всех присутствующих сошлись на побитой фигуре. В некоторых читалось замешательство, в других ненависть, а в третьих — восхищение. Что первые, что последние в пух и прах проигрывали вторым по численности: даже обычный люд по большей мере симпатизировал армии, не говоря уже о занимающих половину свободных мест солдатах. Но парня трогать не смели, ограничиваясь вздохами, скрипением зубов и тихими перешептываниями.

Не без радости Лир обнаружил все свои вещи на месте — даже стакан вина, который стал поводом для драки, стоял нетронутым. Поднеся его к губам, победитель испробовал терпкий напиток, не оставив на дне и капли. Оглядев помещение поверх голов людей, он не заметил среди них побитых военных и не смог сдержать улыбки.

Взяв накидку и закинув походный мешок за спину, молодой человек подошел к стойке, оплатил комнату на ночь и без всяких трудностей поднялся на второй этаж. Закрыв за собой дверь на замок, он вдруг испугался, что ночью кто-нибудь таки решится ворваться к нему в покои и отомстить за покалеченных членов армии, которых с синяками и кровавыми

подтеками, без всяких сомнений, видели все. Поэтому прикоснувшись к разделяющей коридор и ночное жилище стене, Линур влил в нее немного маны, что увеличило прочность конструкции на некоторое время. Недоброжелателей, если таковые будут, это не остановит, но хотя бы ненадолго задержит, позволив парню сбежать.

Раздеваться полностью утомленный и, что неожиданно, очень сонный Лир не стал, стянув с себя только грязную и местами порванную рубаху, сапоги и ножны, предварительно вытянув из них меч и положив рядом с собой. Лишь распластавшись на перине, он смог полностью осознать, насколько же сильно болят синяки и ссадины на его теле, но даже это не помешало ему скоропостижно заснуть. Находясь на грани сна и бодрствования, тому почудилось нечто, отчего во мраке звякнул кошелек с небольшим количеством монет, и на лице спящего вновь засияла улыбка.

Утро началось с пробившегося сквозь угрюмые тучи калида, что ознаменовало окончание дождя, беспощадно заливавшего поселок и близлежащие территории всю ночь напролет. Лир поднялся быстро и неожиданно легко, однако через несколько минут почувствовал сильный недосып: сказались вчерашняя активность в поздние часы и выпитый алкоголь, которым он совсем не баловал организм до этого. Зато ранки и ушибы за четверть суток успели слегка затянуться и больше не столь сильно тревожили участника вчерашнего боя.

Первым делом парень отправился не завтракать, а искать местный рынок, чтобы купить себе новую одежду. От вечерней многолюдности не осталось и следа: жители в такую погоду предпочитали наводить порядок дома, а не мочить обувь в размокшей почве, работая на полях. Во всяком случае те, кто мог позволить себе подобное, ибо остальные уже во всю попеременно работали мотыгой и лопатой, радуясь теплым лучам. Поежившись то ли от холодного ветра, развивающего в разные стороны тряпье, то ли просто от наблюдения за бедными крестьянами, Линура двинулся дальше.

Противно заскрипев, качнулась свежепокрашенная вывеска гончарной, внутри которой уже готовилась к продуктивному дню молоденькая девушка. Краем глаза она заметила проходящую мимо знакомую фигуру, однако юноша не бросил в ее сторону и взгляда, хотя не увидать голубоглазую красавицу не мог. Пятно на плече свидетельствовало о том, что отмыть вчерашнее недоразумение ему не удалось, а легко заметные ссадины на лице — что умудрился влезть в драку. Девушка предыдущим днем почему-то даже не сомневалась — так и будет.

Рынок отыскался достаточно быстро и представлял из себя примерно то же самое, что и место для торговли в родной деревне Лира. Как и ожидалось, большинство лавок были пусты: приезжие и местные торговцы не желали мочить драгоценный товар и поэтому начинали рабочий день немного позже. И все же подойти было к кому.

Запрос Линура не являлся чем-то необычным, поэтому подходящая ему вещь нашлась почти сразу. Худой мужчина с короткой бородкой недолго порылся по объемным мешкам и с третьей попытки вытянул из них нужное: камизу серого цвета. По размеру она подходила почти идеально, поэтому другие варианты юношей даже не рассматривались. Все у этого же торговца он приобрел теплый плед и плотную простыню — в пути такая сгодится в качестве элемента для импровизированного спальника и подстилки на траву. Места они занимали много, но на обещанном коне подобный груз будет куда положить.

У пары лавок со стороны покупателя висели яркие вышитые гербы. Совсем неизвестные — должно быть, они принадлежали каким-то мелким семьям. На одном изображалась черепаха, а на втором расцветающий куст черники, что в народе не считались самыми везучими и запоминающимися талисманами, однако парень был уверен, что каждую символику можно трактовать по-разному. Оба человека занимаются мирным ремеслом, поэтому черепаха, скорее всего, значит неспешность и рациональный расчет, а также умение своевременно делать необходимое, когда черника, в свою очередь, говорит о процветании и богатстве семьи или клана.

Получив сдачей пару медяков, Лир вернулся в таверну. Позавтракав двумя вареными яйцами с овсяной кашей и запив все это кружкой крепкого чая, он забрал пожитки из

комнаты и стал ожидать Ралафара на улице, найдя неподалеку от заведения кем-то специально вырезанное под лавку бревно. Спокойное раннее утро успело смениться на припозднившуюся суету: дети вышли поиграть и побегать, мужчины направлялись на работу или наряжались в путь и запрягали ослов и лошадей в зависимости от тяжести своих карманов, а женщины спешили на рынок прикупить необходимые для быта вещи у успевших заполнить все свободные места продавцов.

Возможно, Линур наслаждался столь родной атмосферой в последний раз. Дальше его ждет длинная дорога, неизвестные края и новые лица. Мода, архитектура и более вспыльчивый характер местных — изменится все. Даже растущие вокруг деревья и кусты иных видов постоянно будут напоминать о том, что он чужак. Внутри зародилось волнение и легкий страх: совсем один, окружен незнакомцами, едет за легендой, нарушая при этом закон страны, которой предан. Впервые рядом с Лиром нет близкого, способного поддержать добрым словом, отчего ему становилось особенно не по себе.

— Пришлось немного задержаться, — раздался голос позади. — Гляжу, ты успел заскучать?

— Просто задумался.

Отбросив эмоции в сторону, молодой человек обернулся с фальшивой улыбкой на лице. Обе животинки стояли за спиной князя, и понять, которая из них принадлежит последнему, можно было сходу. Пусть он и скрывает свой статус, но при этом столь заметного из-за размеров и мышц коня решил не прятать вовсе, хотя именно по нему сразу же разгадывается состоятельность владельца. С другой стороны, уезжать из родного дома на чужом транспорте было бы слишком подозрительно, а бросать верного скакуна и покупать другого попросту невыгодно во всех аспектах.

Тем не менее доставшуюся Линуру лошадь только последний дурак назвал бы плохой. С белоснежной шерсткой, она относилась к верховым со смесью выючных и поэтому отлично подходила под нужды рядового путешественника. Запрягать ее надобности не было: кто-то сделал это заранее, посему осталось лишь сбросить на нее заполненный наполовину походный мешок и купленные совсем недавно вещи и запрыгнуть в седло. Погладив жесткую гриву, юноша решил, что вот он — его самый близкий друг на ближайшее время.

— В местной конюшне не было приличных вариантов и мне пришлось немного проехаться по округе, — объяснил задержку мужчина. — Как тебе результат?

— Я человек не балованный — и за осла бы поблагодарил. Но вижу, что ты на самом деле постарался ради меня. Спасибо!

— Не стоит, сынок. — Ралафар поднял ладонь в останавливающем жесте. — Это не подарок, а твой долг. Я дал тебе удочку — воспользуйся ею с умом. Ремешки сам подтянуть сумеешь?

— Справлюсь.

— Тогда ходу, догонишь!

С верховой ездой парень был знаком неплохо, хоть и катался на одном лишь соседском ломовом коне еще подростком. До грации истинных всадников ему было далеко, но в седле он держался хорошо и поддерживать бег рысью мог стабильно. Удовольствия же при этом от процесса юноша получал немерено: как только холодный ветер стал бить по щекам, он ощутил чувство свободы. Лир несся быстрее всех и был выше всех. На его пути не может быть преград, что задержат его, не может быть непреодолимых трудностей. Кто или что обладает достаточной силой для того, чтобы остановить стремящегося к заветной цели

человека? Никто и ничто!

Трепетать заставляла и природа вокруг. Сбоку от дороги мелькали пестрящие зеленью рощи и чащи, невысокие холмы и величественные горы вдалеке с белоснежными пиками, голубые озера и мелкие речушки, бескрайние поля и благоухающие луга цветов. В тени деревьев и густой траве время от времени можно было заметить пробегающих мимо или внимательно наблюдавших за гостями зверей. Среди них находились как маленькие представители лесного населения вроде зайцев и ежей, так и крупные: лоси, окапи, туры и зубры. Особенно большое скопление живности находилось у воды, из-за чего иногда у путников возникали трудности с набором запасов питья: хищники обычно не хотели покидать водопой раньше времени, предпочитая отгонять всех остальных.

Когда время достигло восьми часов вечера, поездка вызывала у Лира уже совсем иные чувства. Ягодицы покрылись синяками и отдавали болью при каждом тряхе, ляжки окончательно одеревенели и более не могли держать тело в седле, поэтому инициированная князем остановка позволила Линуру, наконец, передохнуть.

— Пора бы размещаться на ночлег.

— Здесь? — удивился он. — Мы не поедem в деревню?

— Чем тебя не устраивает чистое ночное небо? Или ты хотел оставаться в комфорте весь путь?

— Но если у нас есть возможность, то почему бы не заночевать в гостинице? Успеем ведь еще на земле поваляться.

— У нас есть возможность заночевать на улице, а не в привычном уюте, и мы воспользуемся ею. Ты должен привыкнуть к почве, жрущим тело насекомым, кусающемуся холоду и постоянной опасности. Не всегда можно развести огонь, чтобы согреться, и не всегда укрыться от проливного дождя. Чем раньше ты этого запомнишь, тем лучше. К тому же мне приходится аккуратничать во всем.

Раф направил лошадь с дороги в растущую по бокам чащу и двинулся вглубь прогулочным шагом, высматривая место на ночь наравне с потенциальной опасностью.

— Может казаться, будто я свалился на тебя, как снег на голову, и отчасти это правда, но не вздумай называть сию встречу везением. Поселение хоть и было небольшим, но располагалось рядом с трактом, по которому ездят абсолютно все: от самых бедных крестьян и узников до братьев и сестер Императора. Я два дня караулил таверну со всех сторон, наблюдал за теми, кто приезжает и уезжает, и не готовятся ли владельцы заведения к встрече почетных гостей. Я обезопасил себя перед тем, как зайти внутрь, но даже там сидел всегда в самый темный угол и не отсвечивал — вовсе не существовал для остальных посетителей. Сейчас же ты предлагаешь завалиться в неизвестность только потому, что мы можем. Поверь моему слову, знать любит заехать выпить по вечерам в первую попавшуюся харчевню. Подобное безрассудство слишком опасно — я бы не хотел обзаводиться хвостом с самого начала, ведь нам еще закон нарушать. Да и какая это тогда свобода, коль по пятам следует охрана.

Князь выбирал подходящее место для привала долго и тщательно, пока в полукилометре от тракта не наткнулся на хорошо скрываемый ветвями пятиугольник, образованный стволами деревьев. Пространства хватило чуть ли не впритык на них двоих вместе с привязанными конями. Соорудив небольшой костер и подтащив поближе к нему бревно с поленом в качестве сидений, путники уселись ужинать. Ралафар развел огонь при помощи личной способности постепенно нагревать ладони до невообразимых температур: первыми

загорелись хворост и шишки, лишь через минуту передавав пламя на влажную древесину. На высказанные опасения быть замеченными он ответил кратко — не заметят. Но потом дополнил, что даже если да, то вряд ли нападут. А коль все-таки найдутся такие дураки, то у него и для таких припасено противодействие.

Когда посреди плотно растущего леса появился еле заметный источник света, за пределами домов и замков окончательно похолодало. Лир подстелил под ноющий зад простыню, а сам укутался в плед чуть ли не с головой, пытаясь не замерзнуть. Ралафар не отставал и надел теплую массивную шубу, которая согрела бы его даже в снежную пургу. Затем оба достали запасы еды и принялись набивать желудки. Раф располагал продовольствием получше и побогаче: в бурдюке у него было вино, а в сумке курт и вяленое мясо, которое тот разжевывал легко и быстро. Линур же трещал сухарями и сушеным мясом откровенно плохого качества, что напоминало резину и заставляло его активно работать челюстью. Делиться князь со спутником не собирался, как и последний унижаться и просить об этом.

Как только с ужином было покончено, парень еще немного молча посидел у костра, кое-как сдерживая закрывающиеся сами по себе глаза, и собирался уже ложиться спать, когда мужчина неожиданно заговорил, отчего бодрость моментально вернулась к нему.

— Ты вчера хотел узнать какую я преследую цель, помимо гульбы и драк, — напомнил он. — Что ждет меня в Королевстве, когда я туда доберусь. В этом нет ничего сокровенного, поэтому предлагаю послушать сейчас. Разве что можешь принять меня за дурака, но не ты первый, не ты последний. Как всем известно, мои далекие предки были первооткрывателями. Они отправились в горы, пытаясь исследовать тамошние земли и покорить гралов. Они числились в рядах первых счастливицков, переместившихся на Землю вместе с адрагонцами в поисках артефакта для перехода на неизвестную тогда соседнюю планету. Именно Либери отыскали заветный камень и открыли проход на Фрит. Они стали мореплавателями, хотя условия для матросов и капитанов кардинально изменились с приходом Системы — налаженная связь с государством посреди воды оборвалась и больше никогда не восстановилась, несмотря на все усилия, которые были приложены жителями Рутткорда. Те, кто уплыл и не успел вернуться обратно до перемены устройства жизни дня, более никогда не видели родных краев.

— Это время прошло. От истинных Вольных людей осталось одно лишь название, мастерство в войне и богатства. Но наша суть и предназначение оказалось забыто. Ты так не считаешь?

— Совсем нет. — Лир почуял подвох. — Как можно оставаться первопроходцами, если идти больше некуда? К тому же ваша семья до сих пор регулярно отправляется на Фрит! — оговорился он незаметно для себя самого.

— Но за сотни лет так ничего там и не нашла, — скривился князь. — На месте моих родственников могут быть любые другие люди. Последнее время, к примеру, все чаще на экспедиции стали брать устойчивых к холоду мутантов. Еще немного и они вытеснят Либери окончательно по причине куда большей продуктивности.

— А может дело в том, что других планет в Круге вовсе не существует?

— Удобная отмазка, — хмыкнул Ралафар. — Может и в этом, но я хотел подвести к другому, а не обсуждать устройство вселенной с тобой. Пришло время подтвердить статус первооткрывателей!

— Куда ты отправишься? — настороженно поинтересовался юноша.

— Меня ждет второй континент. Я собираюсь поплыть на корабле.

— Но ведь это невозможно! — возмутился он. — Сколько пытались и ни один не вернулся обратно.

— Я не глупец — мне известно обо всех рисках. Но недавно произошло нечто, что позволит превратить невозможное вчера в реальность сегодня.

— Ты веришь в кровь, сынок? Веришь ли, что отпрыски великих имеют намного больше шансов повторить их успех, нежели обыватели? Не прими за оскорбление, но мой сын будет обладать куда более лучшими цифрами, чем ты сейчас.

— Потому что у него будут лучшие учителя.

— Уже есть, — поправил Раф. — Но это не только их заслуга. Как иначе объяснить, что все высокопоставленные персоны имеют самые мощные способности, хотя получили титулы по наследству, как и их отцы? Почему именно мне досталась магия, при помощи которой я смогу пересечь море?

— Новое заклинание? — дался диву Линур. — В таком возрасте?

— Я не совсем старик, как тебе может казаться, но подобное и правда происходит нечасто. Словно сама Система услышала мои терзания и подарила желаемое. Я стану тем, кем всегда должен был стать!

— Неужели всего один пункт в интерфейсе поможет справиться со всеми ужасами, таящимися на глубине? — Парень не мог поверить в такую потенциальную мощь.

— Детали способности тебя не касаются, но если применить ее с умом — да, поможет. Я отправляюсь в Королевство, ибо только там найдутся готовые и способные заняться кораблестроением люди. Пока судно будет строиться, наберу команду: многие из Бравов согласятся стать матросами. Само путешествие затяжным быть не обещает: как известно, у Либеро богатое наследие, поэтому мне удалось отыскать карты морских путей тех времен. Я переписал их себе и доберусь до островов быстро и без приключений. А вот что или кто ждет нас на них — большой вопрос, на который совсем скоро появится ответ.

— Судьба свела двух безумцев, собравшихся изменить мир.

— Я не безумец. — Мужчина сощурил глаза. — Не будь заклинания, я бы и не подумал совершить нечто подобное. Шансы на успех высоки, как никогда прежде! Это ты гонишься за бликом, ты отправился вперед с пустыми руками и ты не имеешь четкого, проработанного плана! Безумец здесь только один.

Лир на мгновение выпал в осадок. В голове возник вопрос: «зачем я ему?»

— Я полагал, что ты веришь в меня. Но коль ты едешь не позабавиться, то почему тратишь время и возишься со мной? На кой помогать, если я ничего не достигну?

— Ты знаешь только то, о чем я тебе поведал. — Ралафар улыбнулся, отчего по коже пошли мурашки. — Не верь во все, что говорят. Особенно первые встречные.

— Но зачем обманывать? Чем можно разжиться у обычного деревенского жителя?

— У любого существа при себе всегда есть самая ценная вещь — его жизнь. Не думал ли ты, что мне надобно убить тебя?

Линур задумался всего на секунду.

— Тогда почему еще не сделал этого? Да хоть сейчас! У меня нет ни единого шанса выстоять в дуэли.

— Я сказал неправду не поэтому, сынок, а из-за того, что у тебя появится возможность донести эту информацию до лишних ушей. Если по какой-либо причине наши пути разойдутся, то ты можешь разозлиться и за неплохие деньги поведать моим неприятелям эти

знания. А врагов у меня много.

— Но про корабль и способность ты все равно рассказал. К тому же кто поверит проходимцу?

— Многие, если ты будешь достаточно убедительным. — Князь был серьезен, как никогда прежде. — Королевство находится далеко, и неизвестно когда я там окажусь, где конкретно и в чьем окружении. Если же кто-то влиятельный будет знать все наперед, то ничего, кроме долгой и мучительной смерти, меня не ждет.

— Выходит, с тобой я в полном неведении, — констатировал юноша.

Раф некоторое время молчал, смотря на языки угасающего пламени.

— Будь по-твоему: кое-что ты все-таки узнаешь. На этот раз правду. В один момент мне понадобится помощь, поэтому взять кого-нибудь с собой было просто необходимостью. В ближайшем городе мы узнаем о твоих способностях и тогда решим: продолжим ли путь вместе, или я повторяю поиски нового человека один. Пойми, ты не особенный, ибо не первый и даже не второй. Один из предыдущих спутников уже успел доставить неприятностей и впредь, во избежании подобного, выбор стал более избирательным. И да, твое стремление найти артефакт невероятно наивно, но одновременно с этим, повторюсь, благородно. А я уважаю благородство. За оказанное содействие ты получишь ответную услугу, перебравшись в Царство. Шансы отыскать четверку мизерные, но это уже твое дело. Такой расклад устраивает?

— Это уже больше походит на действительность, — согласился Лир.

— Тогда пора ложиться.

Ралафар встал и практически потушил ногой и так слабый огонь, тем самым оставив лишь приглушенный источник света, который минут через десять должен будет окончательно погаснуть. Придвинувшись поближе к излучающим тепло углям, он закутался в шубу и накрылся сверху постеленным на земле мехом. Через минуту с другой стороны костра легла еще одна обмотанная теплыми вещами фигура. Вымотанным путникам понадобились мгновения, чтобы сладко заснуть.

Когда вдаль показались сторожевые башни *Милкана*, Лир блаженно вздохнул. Никогда прежде он не видел таких величественных и прекрасных сооружений: возвышающиеся на несколько метров над землей стены, крыши живописных домов, вмещающая в себя до тысячи зрителей арена, внушительные таверны, вымощенная камнями дорога и выделяющийся на фоне всего остального города центральный дворец. Он и представить не мог, что люди умеют создавать столь массивные и красивые постройки. В один момент ему даже почудилось, будто здесь располагается центр всего Руткорда.

Перед главными воротами был опущен деревянный мост через глубокий ров с пиками внизу, перед и после которого стояла стража в легкой, совсем немного отдающей голубым цветом броне и красными плащами за спиной. По бокам на стене висели огромные, поблескивающие на калиде ткани, на которых изображались флаг и герб Империи. Патриотизм к стране прививался всем жителям с самого детства, и родное знамя на входе в градостроительный шедевр вызывало чувство гордости, но здесь оно было расставлено и повешено буквально везде, из-за чего в глазах совсем скоро стало пестрить.

Путников пропустили в город безо всяких проблем, хотя прямо перед ними солдаты пинками отослали чумазого и вонючего мужчину подальше, сколько бы тот не молил позволить попасть ему внутрь. Результат такой политики можно было лицезреть сразу же: на улицах не лежали груды мусора, а люди выглядели ухоженными и опрятными. Попрошайки и бездомные не пропали вовсе, но вылезали они ближе к темноте, ибо в остальное время регулярные патрули гоняли их и иногда избивали, если те попадались слишком часто; без грязи в городе тоже не обходилось, однако спрятана она была по таким закоулкам, что ни один гость Милкана не видел ее, прогуливаясь по центральным улицам.

— Хорошее место, — предался воспоминаниям Раф. — Я как-то бывал тут со своими братьями — было необходимо повидаться с графом главнокомандующим по поводу убийства нашей сестры в пределах его владений.

— Ох. — Линур на секунду потерял дар речи от удивления. — сожалею о твоей утрате.

— У меня бесчисленное множество братьев и сестер, которых я никогда не видел в лицо, так что не стоит.

— Зачем же тогда было содрогаться, если она не имеет для тебя никакого значения? — не понял парень.

— Такова игра. Кто захочет сотрудничать или присягнуть нам, коль мы не можем отыскать убийцу собственного родственника и восстановить справедливость? — Сидя на коне, князь закурил и, закрыв глаза, выдохнул дым с непередаваемым удовольствием. — Если старик Мих еще при делах, то мы получим желаемое.

Что они желают Линур не знал, но и вопросов задавать пока не хотел, вместо этого разглядывая различные причуды вокруг себя. В первую очередь его впечатлила огромная кузня, в которой несколько мужчин с сильными руками, обливаясь потом, стучали по наковальне, куя броню, оружие и инструменты по заказам. Позади них пылал огонь в горне, заставляя плавиться металлы, чтобы после мастер придавал раскаленной и вязкой жидкости необходимую форму. Работал здесь и обладающий специальными способностями человек, который мог создавать артефакты. Дело это непростое и требует колоссальной концентрации и тонны практики: во время отливки он применяет магию, создавая по всей

площади своего детища сеть, которая в будущем будет питаться маной владельца и активировать особое свойство. Каково будет последнее ни предугадать, ни подстроить невозможно — все зависит от уровня и профессионализма изготовителя, как тех называли в народе, а также типа и редкости его способности. Цена за такие экземпляры маленькой не бывает, ибо одно неверное движение и испорченный материал можно выкидывать, временно откладывая заказ из-за отката.

Как раз сейчас собравшиеся у кузницы зеваки наблюдали за процессом создания артефакта. Юноше с коня было видно намного лучше, поэтому он стоял чуть поодаль, не вытягивая шею вверх, как это делали многие. Обнаженный по пояс мужчина вытер руки насухо, выставил ладони перед собой и принялся чертить ими сеть в воздухе, как только почти застывший топор оказался перед ним. По его лбу стекали капельки пота то ли от напряжения, то ли от жары, которую ощущали абсолютно все, кто находился ближе пяти метров от плавильни. В один момент большой палец человека соскользнул с указательного и стальной обух практически готового оружия лопнул изнутри, превратившись по консистенции в творог, после чего почернел и через минуту развеялся пеплом. Толпа разочарованно вздохнула и стала расходиться, а Лир поскакал дальше, нагоняя своего спутника.

Следующая постройка, заставившая задержаться, была пекарней. Изнутри доносился головокружительный запах свежеспеченного хлеба, а на широком подоконнике остывали пироги с мясной и фруктовой начинками, кренделя и калачи, а немного в стороне вафли, оладьи с кремом или медом на выбор и большое разнообразие пирожков. Никогда прежде парень из деревни не пробовал ничего подобного, довольствуясь пустым хлебом далеко не первого класса, а чаще всего обыкновенными сухарями. У него потекли слюнки при виде того, как профессионально и слаженно здесь работает семья пекарей и какие кулинарные шедевры они делают вместе. Аппетитная продукция не успевала заветриться и засохнуть перед тем, как их сметали с прилавка покупатели, а иногда перед дверью выстраивалась целая очередь из желающих вкусить сладкого десерта или хрустящую выпечку — с наплывом не справлялась даже кирпичная печь с дымоходом. Сюда же частенько заходили проголодавшиеся на посту стражники — их пропускали без очереди. Порыв попробовать какую-нибудь вкусность Линуру пришлось подавить: приемлемая цена для остальных была не по карману человеку в его ситуации.

Привлекла внимание любопытного гостя и двухэтажная библиотека. Не обладая оригинальной архитектурой, она вызвала интерес только своим содержимым. Лир не умел читать и на протяжении всей жизни считал книги привилегией знати и правителей, из-за чего всегда уважал грамотных людей, мечтая однажды стать одним из них. При помощи письма развязываются и завершаются войны, заключаются и разрываются союзы, создаются и рушатся государства — вот где настоящая сила! Кому какая будет разница, как человечество на самом деле добралось до артефакта и одолело адрагонцев, если история окажется запечатлена на бумаге перевернувшим обо всем писателем — именно он станет вершить события для потомков. Конечно, в том случае, если герои с мечами наперевес справятся с нависшей угрозой.

Неожиданно для себя Линуру оказался у здания гвардии Милкана, где его уже ждал спешившийся князь. Оно включало в себя главный корпус, казармы и внутренний двор, где проходили учения. Сооружение походило на маленькую неприступную крепость с высокими потолками, огромными окнами и сторожевыми башенками, от крыш которых вверх тянулись

острые шпильки. Стены и крыша были выполнены из темного камня и известняка, а прочие мелкие детали из древесины и металла. Перед массивной дверью стояло два мрачных стражника с копьями в руках, готовые остановить любого, кто осмелится проникнуть внутрь без их ведома. Сейчас один из них как раз разглядывал юношу из-под густых черных бровей, оценивая возможную угрозу.

— Приветствую, судари! — Раф обратился к солдатам в совсем не соответствующей для его титула манере. — Извольте подсказать темным гостям столь прекрасного и, благодаря вам, безопасного города, выдает ли в данный момент местная гвардия поручения добровольцам, что желают помочь храбрым воинам в защите невинных людей? За справедливую плату, естественно.

Мужчины с серьезными выражениями лиц не ответили, молча открыв дверь и пропустив гостей внутрь подобно безэмоциональным куклам, никак не отреагировавшим ни на приветствие, ни на проявленную к ним излишнюю милость.

От интерьера здания у Лира перехватило дыхание. В широком коридоре с мраморным полом, от которого отражались проникающие через стекла лучи калида, стояло множество изящной мебели и крупных глиняных горшков с пышными растениями, на стенах висели гербы и держащие свечи канделябры, а в некоторых комнатах, куда дотягивался глаз, были расстелены красные ковры с рисунками цвета золота. В конце помещения располагался просторный зал с колоннами, внушительным камином, несколькими широкими столами, стульями и серыми диванами с маленькими подушками того же цвета.

Внутри путников ожидали сразу три молодых гвардейца в латах и с убранными в ножны мечами. Линур удивился подобной защите, но понял причину чрезмерной осторожности сразу же после того, как их попросили оставить оружие и не сопротивляться процессу накладывания заклинания, что блокировало все способности: если и найдется безумец, осмелившийся использовать кулаки и подручные средства для нападения, то прочная броня точно остановит его. Молодой человек распрощался с клинком без каких-либо терзаний, а вот Ралафар, вытягивая предметы своего арсенала по очереди, каждый раз словно отрывал частичку себя. Острота и блеск его лезвий, качество рукояток и аккуратность выгравированных на них узорах говорили о целом состоянии, оказавшемся сейчас в сундуке. Поняли это и солдаты, взглянув на Рафа уже совсем иначе, но при этом смолчали.

Приближаясь к нужной двери, парень вдруг почувствовал себя незащищенным и абсолютно голым. Оперлируемая им магия всегда была рядом и сейчас, лишившись ее, он ощущал опустошение и даже легкую тревогу. Князь справлялся получше, однако тоже поник и потерял уверенность в движениях.

Провожатый постучался и, не дожидаясь ответа, зашел в комнату вместе с двумя людьми, оставшись стоять за их спинами. Сидевший внутри бородатый мужчина оторвался от бумаги и поглядел на вошедших. Уставшие темные глаза свидетельствовали о том, что их обладатель не спал уже очень давно и, измученный документами и цифрами, желает лишь поскорее крепко заснуть. Одним пальцем указав на стену с повешенными на них листочками, он вновь погрузился в свой мир затрат и расходов.

Количество предложений зашкаливало, а наличие под каждым по несколько дубликатов говорило о том, что заинтересованных в подобной работе было не так уж и много. Находились тут как простенькие задания, вроде сопровождения грузов или дополнительной охраны у некоторых заведений, так и куда более серьезные: отслеживание и убийство неугодных городу людей и замеченных поблизости мутантов, а также поиск редких растений

или материалов, необходимых гвардии. На каждом стояла печать последних в виде всадника с копьем и щитом, подтверждающая подлинность написанного и позволяющая получить вознаграждение в случае выполнения задачи.

Ралафар выбирал недолго, отыскав нечто интересное почти сразу.

— Будьте так добры, сударь, расскажите нам побольше об этой загадочной истории, — положив бумагу на стол, попросил Раф.

— Ваше Благородие, — поправил его мужчина.

— Прошу меня простить, Ваше Благородие, не мог знать.

— Вы не местные, верно? — Наконец, он отложил стилос и полностью обратил свое внимание к гостям.

— Вы совершенно правы.

— Тогда мне нужны ваши имена, подписи и залог в одну платиновую, а также дополнительный залог, если вы берете задание с перевозкой груза. Располагаете ли вы такими средствами, судари?

— Иначе бы не приходили, Ваше Благородие. Что с воров, осмеливающимся красть у вас?

Вытащив из ящика книгу в кожаном переплете, бородач с минуты листал ее в поисках необходимой информации и еще столько же читал последнюю, прежде чем вновь заговорил:

— Неизвестный на протяжении последней недели объявляется каждую ночь в разных частях города и нагло крадет имущество гвардии. Берет либо обычное оружие для быстрой и безопасной продажи, либо стрелы, которые сбыть оказывается еще легче. Единственный отличительный признак — черный балахон с капюшоном на голове. Цена за поимку живым пять золотых и в два раза меньше за мертвого.

— И это все?! — впервые на памяти Лира изумился князь.

— Что вы еще хотите услышать?

— Давайте будем честны друг с другом! — Он улыбнулся самой искренней улыбкой. — Некто ежедневно крадет у вас снаряжение, а ваш караул ничего не может с этим сделать — даже увидеть больше, чем того желает вор. Это несомненно позорит и дискредитирует вас, поэтому вам требуется немедленно пресечь преступления. Однако платить за срочность вы не желаете, поэтому делаете вид, будто графа это совсем не тревожит.

Мужчина положил голову на ладонь и утомленно прикрыл глаза.

— Будь по-вашему, — спорить он совсем не желал, — получите в два раза больше за живого. Всем известны расположения наших оружейных складов. Один из них, самый крупный, располагается прямо под нами, а два оставшихся на окраинах Милкана — я покажу их на карте. Вор успел обчистить оба по одному разу. В остальные дни он бегал по стене и крал снаряды для луков и зажигательные смеси, каким-то образом избегая всех стражников — не произошло ни единой стычки. Доходит до того, что пропажи обнаруживаются лишь через сутки или двое, во время обхода.

— Вы предлагаете ловить тень?

— Нам нужны дополнительные глаза на улице. Мы все состоим на службе и не можем находиться на людях без опознавательных символов, поэтому и оказываемся обведенными вокруг пальца. Вас брать в расчет не будут, так что вы сможете заметить что-нибудь подозрительное, сообщить моим братьям по оружию и вместе поймать преступника. Коль поможете — разживетесь озвученным вознаграждением.

Достав из кошелька платиновую монету, Ралафар положил ту на отполированное

дерево.

— Получите вы своего нарушителя покоя, Ваше Благородие, а мы взамен две платины: залог и награду. Напишите нам новую бумагу.

Пока барон занимался рукописанием и запечатыванием документа, Лир замороженно разглядывал маленький кругляшок, с которым так просто расстался Раф, и не мог поверить собственным глазам.

— Куда дальше? — отвязывая коня, спросил Линур.

— Отдохнуть и дождаться сумерек.

— Снова в лесу?

Князь посмотрел на него с недовольством.

— Не кажись глупее, чем ты есть на самом деле. В большом городе с множеством гостиниц, где живет бесчисленное количество людей, никто не станет рассматривать наши лица просто так. Снимем комнаты среднего класса, полежим в горячей воде, и по темноте ты выйдешь на охоту. Я хоть и скрываю свой статус, но от прелестей жизни князя отказываться не готов.

— А я не готов тратить столько денег, — запротестовал Лир.

— Тебе нужно набраться сил, сынок. Ночь будет тяжелой и непонятно чем для тебя закончится — сегодня насладишься имперскими заведениями за мой счет.

Весь оставшийся путь, проведенный в поисках подходящего места жительства, парень более не рассматривал местные достопримечательности, а раздумывал над своими действиями: «Ралафар мне не поможет, тут нечего и надеяться, а значит ловить таинственную личность придется в одиночку. Охрана складов после краж была усилена вдвое, так что вор туда наведываться не станет, если не хочет гарантированно оказаться за решеткой или на виселице. Остается одна стена, но она защищает Милкан со всех сторон и находится везде и сразу не выйдет — нужно выбирать отдельные точки, за которыми я стану наблюдать». Однако как их определить, не зная абсолютно ничего об обороне города и расположении корзин со стрелами и прочими снарядами, Линур пока не придумал.

Гостиница, в которую заселились путники, выглядела немного лучше предыдущей, но при сравнении с другими предложениями проигрывала почти по всем параметрам. В таком месте искать знать будут только намеренно, а в ином случае узнавшие побоятся открыть рот для распространения порочащих честь высокопоставленного человека слухов.

Поручив конюху накормить и почистить лошадей, всадники разошлись по своим комнатам, где Лир принялся счищать накопившуюся грязь со своей одежды. Приведя внешний вид в порядок и аккуратно укомплектовав вещи в рюкзаке, он спустился вниз, где они договорились встретиться с Рафом, в одних штанах, камизе и со спрятанным в ножнах мечом. Пока товарищ отсутствовал, Линур продолжал раздумывать над планом и неосознанно разглядывал девушку за стойкой. На ней было одето красное платье в пол с глубоким декольте и вырезами, оголяющими бедра и спину, а на ногах черные кожаные сапожки с металлическими застежками. Судя по торчащим из-под ткани соскам, на портье совсем отсутствовало белье. Оторвавшись от голых участков стройного тела, юноша отметил не менее красивое лицо с небольшим количеством макияжа, который он видел впервые: густые брови и большие глаза подчеркивались аккуратной подводкой, а на фоне белоснежной кожи румяные щеки придавали ей особо милостивую внешность. Яркие красные губы неожиданно расплылись в улыбке, и Лир вернулся в реальность, осознав, что уже несколько минут безотрывно смотрит на темноволосую работницу.

Отведя взгляд, ничуть не смутившийся Лир заметил переодевшегося князя, который кивком показал на выход. Садиться обратно в седло они не стали, предпочтя добраться до бани пешим ходом, чему парень был безразмерно рад, ведь его ляжки до сих пор ныли после поездок верхом.

Выбранная Рафом баня размерами и красотой считалась если не первой во всем городе, то точно находилась в десятке лучших, чему Линур сначала дался диву, но совсем скоро понял причину такого решения. Зайдя в ухоженный дворик, они прошли по дорожке мимо аккуратно подстриженных кустов и благоухающих цветов и оказались в небольшом помещении с худошавым мужчиной внутри. Комнату согревали несколько светильников с затрепыхавшимися от ветра огоньками, внутри которых тлела трава, и сгорал порошок, наполняя воздух запахом ванили и дурмана, что вскружал голову.

Поприветствовав посетителей, заросший человек принял оплату в золотую и несколько серебряных монет за двоих, выдал пару утиральников с красивыми узорами, предложил дополнительную услугу в виде проституток и, после отказа от последних, проводил их в комнату для раздевания через узкий коридорчик. Оголившись, Лир с Ралафаром прошли в отдельную купальню и опустились в горячую воду, нагретую трубами под полом. Мышцы, оказавшись в приятно обжигающей среде, моментально расслабились — юноша положил голову на теплый камень и прикрыл глаза от удовольствия. Это именно то, что ему было необходимо.

Яркая россыпь звезд на ночном небе освещала его путь; еле заметный ветерок шелестел листьями деревьев и тканями одежды. Слышать тишину в городе, где днем не смолкал гул даже в его самом отдаленном уголке, казалось чем-то непривычным; опустившийся на улицы туман добавлял атмосферы отчужденности, вынуждая идущих по темноте людей поскорее добраться до уютных и безопасных домов.

Лиру показалось, что он заблудился в лабиринте каменных домов, а вырастающие из ниоткуда тени обманывают его, заводя в ловушку. Неожиданно дотронувшийся до парня просящий милостыню бездомный, до этого не подававший признаков жизни, напугал его до крика, за что получил внутренней стороной ладони по лбу.

За пару дней в Милкане Линур понял, как нужно правильно себя вести с разными людьми из разных сословий, поэтому теперь чувствовал уверенность в собственных действиях и словах, не теряясь каждый раз при встрече с местными. Единственное, что ему оставалось неподвластно — ориентирование в городе. И если днем с этим еще можно было смириться, то ночью Лиру приходилось блуждать до тех пор, пока он не отыщет знакомое место или здание, чтобы понять свое точное местоположение. Тем не менее сегодня ему повезло выйти к стене быстрее обычного.

Два предыдущих раза юноша следил за юго-западной частью города, поэтому теперь решил переключиться на северо-восток, где вчера в очередной раз пропало имущество гвардии. С собой у него было только оружие и убранный за пазуху листок с заказом, который станет его защитой в случае, если у стражей появятся вопросы.

Темная фигура медленно двигалась вдоль домов, оставаясь незамеченной. Она шла слегка сторбившись и следила за окружением одним взглядом, подмечая каждое движение, но при этом не выдавая своего присутствия кручением головы. Рука, всегда находившаяся на навершие меча и окостеневшая в первую ночь, теперь была скрыта под кожаной рукавицей, согревающей ее своей толщиной. Иногда любители погулять допоздна или вышедшие подышать свежим воздухом в темное время суток жители натыкались на Линура, но связываться с грозным незнакомцем совсем не желали, быстро проходя мимо и не привлекая лишнего внимания.

Князь, насколько Лир был осведомлен, тоже занимался делами, а не прожигал попусту время, но посвящать в них юношу он не собирался, напомнив, что тому пока стоит волноваться только о своем личном задании. Откуда у Рафа появились заботы в Милкане, куда они приехали лишь для того, чтобы проверить способности Линура, последний не знал, но догадывался, что это была запланированная остановка.

Отвлеченный охотник за вором вдруг замер, заметив какое-то движение вдалеке. Сконцентрировавшись и вжавшись в ближайшее укрытие, он целую вечность пытался понять, за что зацепился его взгляд, но увидеть повторно этого так и не смог, списав по итогу все на птицу или собственное желание видеть несуществующее. Однако стоило Лиру сделать следующий шаг, как впереди вновь показался размытый силуэт — на этот раз уже на стене.

Юноша не побежал стремглав, пока что предпочтя быстрое движение и возможность отследить сторону, в которую направляется подозрительный человек. Выбор такой тактики быстро себя оправдал: через тридцать секунд еще дальше прежнего в воздухе вновь

появилось искажение, напоминающее рябь на воде. Ни одежды, ни доспехов, ни оружия увидеть было нельзя — это точно не прогуливающийся караульный. Более Линур ждать не стал и рванул со всей скорости вдогонку.

Мимо пролетали окна домов, горящие фонари, находящиеся в слюдяном стекле, деревья с аккуратно подстриженными ветками и пышные растения. Пространство вокруг размылось; в лицо парню дул холодный ветер, заставляя щуриться. На его глазах выступили слезы, и дорога впереди окончательно размазалась, но останавливаться он не собирался, уже свернув и направляясь к лестнице, ведущей на высокую стену.

Пресечь действия нарушителя стражник не успел, лишь предупредив того о последствиях его незаконных действий и обнажив меч, после чего оказался сбит с ног.

С высоты город вновь заиграл красками жизни: темные улочки освещал теплый свет, из-за угла выезжала на повозке веселая компания, что громко распевала песни, а у одной из харчевен завязалась драка, участников которой активно поддерживали восклицаниями остальные посетители. Раздались крики и совсем близко: сначала позади, а затем спереди. Так просто оббежать еще одного гвардейца Лиру уже не удастся, поэтому ему в голову пришла мысль вытащить листок с заказом и печатью, однако времени он при этом потеряет прорву, и поможет ли это сейчас вовсе — знать наверняка нельзя, поэтому избавляться от преграды Линур решил иным способом.

— Лови вора!

Мужчина, вот-вот готовый ловить нарушителя, опешил, услышав от последнего такую фразу. Когда до него дошло, что это была всего-навсего уловка, толчок в грудь, снабженный магией, уже отбросил его в сторону. Братья по оружию пробежали вслед за напавшем, громко крича и предупреждая остальных о приближающейся угрозе и необходимостью остановить преступника, но дожидаться ответа им было не суждено.

Перед лицом очередного стражника появилось марево, которое всем своим весом обрушилось на него, повалив на землю и приложив чем-то тяжелым по голове, оглушая и дезориентируя дозорного. Таинственная личность вновь обернулась на крики и громкие звуки позади, окончательно убедившись, что раскрасневшийся на морозе парень, который самолично устроил весь переполох, не убегает от представителей закона, а целенаправленно гонится за ней.

До недавнего времени неуловимый вор в одночасье оказался в западне: с одной из сторон приближались гвардейцы, а с другой неизвестно на что способный Линур. Мериться с кем-либо из них силой преступник не хотел, поэтому принял единственное верное решение, прыгнув вниз с тринадцатиметровой высоты.

Заметить неожиданный маневр сразу Лир не мог, однако достаточно быстро понял, что его цель исчезла из поля зрения, пусть до сих пор и наблюдал лишь только искажения пространства. Сбежав вниз по высоким ступеням ближайшей лестницы, Линур остановился в неведении в какую сторону ему нужно продолжать движение: разглядеть действие способности или артефакта на фоне звездного неба было не такой сложной задачей, как сделать то же самое в более темной обстановке, коей и являлся город, даже несмотря на освещение. Оставшиеся позади стражи порядка почти нагнали юношу, когда тот, наконец, уловил глазами появившийся из ниоткуда черный балахон с натянутым на голову капюшоном. Ловко зацепившись руками за выступающую наружу деревянную матицу, скрывающийся под одеждой человек достал до крыши крыльца, быстро закинул на нее ноги и, встав в полный рост, продолжил убегать по верхушкам домов.

Хватит ли ему акробатичности для гонки по крышам, Лир не знал, но и так легко сдаваться не собирался. Простучав ботинками по камню до приемлемого места для подъема, он запрыгнул на подручно оставленный кем-то запечатанный деревянный ящик, с которого долетел до поддерживающего навес столба. Подтянувшись на руках и вновь оказавшись на своих двоих, Линур почувствовал хлипкость строения и поспешил перебраться на черепицу, что точно выдержит его вес.

Из-за плотной застройки перемещаться по непредназначенным для этого местам было проще, чем предполагал парень, однако в парочке мест он чуть не сорвался, кое-как достав до следующей кровли. К тому же прыжки и лазанье то вверх, то вниз очень быстро выматывали, все больше увеличивая шансы на болезненное падение, однако это играло ему на руку: вор, судя по всему, был ниже и меньше Лира, поэтому, несмотря на свою ловкость, преодоления широких улиц давалось ему куда труднее.

Под ногами то и дело раздавались испуганные возгласы, которые быстро превращались в громкую ругань или недовольное бурчание. Издалека до сих пор доносились строгие голоса, принадлежащие гвардейцам, но Линур больше не волновался о них — он понял, что в любом случае догонит негодяя. Последний осознавал свои ничтожные шансы избавиться от погони не менее ясно, посему принял решение использовать свою последнюю надежду, пустив в ход магию. Темная фигура неожиданно замерцала и на секунду исчезла вовсе, после чего раздвоилась прямо на глазах Линура, и уже два силуэта побежали в разные стороны.

Лир остановился в растерянности, не зная, за кем ему гнаться. Поймать и того, и другого он не сможет, а гадать — где находится иллюзия, а где настоящий воришка, — слишком рискованно. У парня имелась способность, что могла бы помочь разобраться кто есть кто, но был высокий риск убить преступника, коль снаряд попадет в него, а не копию. Ралафар такое не оценит, а вознаграждение уменьшится аж в четыре раза — подобного допускать нельзя.

Еще несколько раз переведя взгляд с одной тени на другую, Линур, за неимением другого варианта, решил положиться на свое везение и принялся догонять только одну из них. Через короткое время та остановилась, и юноша уже успел раздосадоваться своей неудачей, однако она все не исчезала, продолжая неподвижно стоять. Над крышами витал выпускаемый трубами дым; на небе сошлись тучи, предвещая утром сырую погоду. Лир обнажил меч и стал медленно приближаться, задержавшись лишь перед последним прыжком, разделяющим его и преступника. Он медлил, сам не понимая почему.

— Вы оба, спустились сейчас же! — приказал запыхавшийся стражник.

— Вот оно — застрявшее в заднице шило, что доставляет вам неприятности последнюю неделю, — без особой надежды сказал Лир. — Ловите же его!

— Я сказал оба! — Рычание было ему ответом.

Отвернувшись, охотник обратил свой взор к жертве и преодолел последние метры одним махом.

— Ты попался — из этого положения уже никуда не деться. Не сопротивляйся, если дорога жизнь.

Человек в балахоне продолжал стоять статуей, не подавая никаких признаков жизни, будь то движение или звук.

— Медленно повернись ко мне лицом и сдай все имеющиеся при себе оружие. Обещаю, что не нанесу тебе никакого вреда и отдам в руки гвардии. Пусть они решают твою судьбу.

Реакция все также отсутствовала. Тогда Линур допустил ошибку, сделав шаг вперед

вместо того, чтобы дожидаться помощи солдат, с которыми он мог бы мирно разобраться потом — как только появилась бы возможность показать документ. Фигура резко развернулась и нанесла быстрый удар коротким клинком прямо в левую большеберцовую мышцу, сразу же вытащила оружие из раны и, взяв Лира за плечи, откинула его в сторону словно плюшевую игрушку, после чего побежала прочь еще пуще прежнего. Парень чудом устоял на ногах, но из-за сильной боли оступился и сорвался с кровли, неизбежно полетев вниз. Ударившись о стоявшее по соседству здание спиной, он постарался сгладить падение, приземлившись на ноги, но это лишь добавило ему еще больше страданий.

Распластавшись на каменной дороге, Линур пустыми глазами смотрел на направленные на него острия двух мечей и копья. Медленно запустив руку за пазуху, он достал злосчастный листочек и вытянул его перед собой. Мыслями юноша сейчас был в том самом моменте, когда получил рану, ведь в это мгновение он успел увидеть лицо напавшего. Вернее, напавшей, ведь воров оказалась девчонка не старше его самого.

— Девчонка, говоришь? — засомневался князь. — Невидимая?

— У меня хорошее зрение, Раф. Говорю как есть.

— В таком случае становится ясно, как она дурила гвардию целого города — идеальная способность для вора. Но меня удивляет, как ты ее упустил. Раз уж смог увидеть, неужели не хватило сил поймать?

— Я мог убить ее несколько раз, но посчитал благоразумнее привести живой.

— Однако в итоге оставил безнаказанной.

— Девка уже была в моих руках, мне не хватило совсем немного!

— Тихо! — гаркнул Ралафар приказным тоном. — У тебя еще будет одна возможность.

— Нескоро. Слишком опасно продолжать красть, зная о сотрудничестве стражи и обычного люда.

— Подумай получше. Девушка выходила за добычей каждую ночь, не пропустив ни единого дня даже в качестве перестраховки. Что это может значить?

— Ей срочно нужно золото в больших количествах, — без промедления предположил Лир.

— И не будь так уверен, что ей известно о работе по заказу — на это почти ничего не указывает. С твоих же слов отношение к вам обоим со стороны правоохранителей было одинаковым — цель твоего нахождения на стене не столь очевидна. Вдобавок отныне ты знаешь лицо преступника и его фокусы, чем он в свою очередь похвастаться не может. — Князь сел на стул и тяжело вздохнул. — Последний шанс, сынок. Коль опростоволосишься, то пусть конь станет подарком и напоминанием о нашем коротком путешествии.

Линур в задумчивости посмотрел на свою перевязанную ногу. Схватившие его дозорные не обратили внимания на рану и предоставленную бумагу, связав подозреваемому в хищениях государственного имущества руки. Только после этого они догадались прочитать написанное, однако и это не сумело их убедить до конца. Лишь слегка облегчив при помощи заклинания мучения юноши, до сих пор терпевшего боль сквозь стиснутые зубы, они передали его своим сослуживцам и вернулись на посты.

Всадники доставили Лира до своего главного корпуса, где последний вместе с Рафом получал задание по поимке вора несколько дней назад. Везли они его заложником, перебросив через коня и закрепив веревками так, чтобы тот не смог соскочить. На месте солдаты бросили парня за решетку и ушли выяснять — правда ли он преследовал благие намерения или только пытается ими прикрыться. В камере было сыро, и воняло мочой, а по

темным углам бегали жрущие крошки крысы, которые не боялись иногда подбегать и к пленникам, кусая тех, пока они спят. Начальство множество раз пыталось избавиться от наглых зверьков, но те всегда находили или прогрызали новый путь в подземелье.

Долго сидеть Линуру не пришлось: один из гвардейцев скоро вернулся, чтобы отвести его к лекарю и отругать за необдуманные действия и возможные последствия, которых он избежал. В палатах лекаря была куда более приятная обстановка: пахло лечебными травами и кофейными зернами; идеальная чистота дополнялась мягкими коврами и искусной деревянной мебелью. Лира уложили на жесткую лежанку из известняка, и седовласый мужчина, глотнув бодрящего напитка, принялся рассматривать его ногу.

— Рана глубокая и откровенно дрянная, — оценил он предстоящую работу. — Лезвие вошло почти наполовину и перерубило связки. — Лекарь опустил чуть ниже, прощупав часть ниже колена. — В малоберцовой кости трещина, вот-вот готовая стать переломом со смещением. Повезло, что вас доставили ко мне сейчас, а не днем позже, иначе потеряли бы возможность ходить на срок минимум в неделю.

Лир, рассматривая своего укротителя боли, что трудился над его ноющей конечностью, используя магию, разнообразными растениями и миниатюрные склянки с растворами, держался из последних сил, дабы не заснуть. Как только пульсирующее увечье перестало отдавать в голову ударами молота о наковальню, разум принял решение уйти в небытие, позволив телу восстанавливаться самостоятельно. Именно это непременно бы и произошло, не всучи вовремя лекарь чашу горячего питья своему пациенту, которого сразу же обдало обильно поднимающимся от жидкости паром. Аккуратно отхлебнув, Линура почувствовал приятную горечь во рту, а расплывшееся по организму тепло заставило его прикрыть глаза от удовольствия.

— Сколько времени мне нельзя передвигаться самостоятельно? — задал парень тревожащий его вопрос.

— В идеале пару дней, но зная, как вы сюда попали, постараюсь снизить риск получения новых травм до минимального, даже если вам хватит глупости продолжать передвигаться по крышам. Однако бегать все равно не рекомендую до тех пор, пока нога полностью не перестанет болеть при ходьбе, иначе, скорее всего, окажетесь на этом же самом месте уже с открытым переломом.

— Хотел бы я иметь достаточный запас времени для того, чтобы полностью восстановиться.

Мужчина ухмыльнулся, взял чистые бинты с деревянной тележки и принялся обвязывать их вокруг ляжки Лира.

— Вечно вы, молодые, спешите куда-то, часто не замечая, что кусаете собственный хвост. — Закончив, он возвысился. — Жду вас завтра.

Несмотря на закрывающие лучи калида мрачные тучи, за окном уже было светло, когда князь разбудил своего спутника. Всю ночь и утро он пропадал непонятно где, но вместе с тем о ночном происшествии в северо-восточном районе Милкана знал, поэтому совсем не удивился, увидев отсыпавшегося Линура, и даже принес ему фруктов. Как раз сейчас раненный их активно и поглощал после того, как поведал историю о неудачной поимке вора.

— Какие-то наставления будут?

— Не убейся, — серьезно сказал Раф. — Лучше сохранить жизнь и вернуться домой, не став героем, чем умереть и быть похороненным в безымянной могиле.

— Я буду аккуратен, но не отступлюсь.

— Даже не сомневался в этом. — На лице Ралафара появилась тень улыбки. — Руби при необходимости. Предпочти труп, чем совсем ничего. И советую начать оттуда, где ты закончил, нежели вновь шляться вдоль стены. Подумай, куда направлялась девушка, определи радиус, в котором может находиться ее дом, и шерсти там. Все в твоих руках!

Князь ушел, оставив Лира раздумывать о деталях предстоящей охоты. Теперь ему нужно установить не только область поисков, но и рассчитать все свои действия до мелочей, ведь ловить воришку в этот раз придется без преимуществ в виде лучшей выносливости и больших размеров, а только лишь при помощи головы. Вкусив сладкий плод персикового дерева, Линур прикрыл глаза, наслаждаясь вкусом во рту и стучащим по крыше дождем, полившего с небес с новой силой. В такой приятной и соответствующей думе обстановке, он принялся заниматься разработкой нового плана.

На дороге между камнями накапливалась дождевая вода, образуя лужи, что вынуждали обходить их по краешку или вовсе искать другой путь, чтобы не намочить ноги. Многим прохожим было уже безразлично по какой степени сырости маршрута идти, ведь их штанины успели забрызгаться грязью, а вся одежда промокла до ниточки из-за проливного дождя. Лир относился к одним из них, как раз сейчас медленно шагая по превратившейся в болото тропинке. Его левая нога продолжала болеть и ныть, из-за чего ему приходилось прихрамывать. Свой временный недуг юноша пытался скрыть любыми способами: темная промокшая одежда и опущенное вниз лицо в полумраке и непогоде почти не выдавали в нем вчерашнего преследователя, но стоит девушке увидеть результат удара кинжалом, как она полностью исключит возможность оказаться под стражей из-за калеки, совершив кражи как можно дальше от последнего.

Сегодня Линур вышел чуть раньше, желая обойти весь обозначенный заранее район, где потенциально может жить вор, до того, как тот выйдет совершать очередное преступление. Мысль о том, что Раф дал неверную подсказку, и девица на самом деле бежала не в сторону своего дома, а в совершенно случайном направлении, тревожила парня, ведь в таком случае для него все уже кончено.

Стрелки циферблата еще не воссоединились напротив цифры двенадцать, когда Лир закончил осмотр территории. Ее размер составлял примерно пять сотен квадратных метров с размытыми границами, поэтому выбрать единственное место, откуда будет удобно наблюдать за всеми улицами одновременно, не представлялось возможным. И все же имелась одна позиция, с которой можно было охватить наибольшую часть застройки — башенка с колоколом, располагающаяся почти на самом углу Милкана. Подсказавшие и позволившие воспользоваться ею стражники уверяли, что с ее высоты видно не только широкий бульвар между стеной и жилыми домами, но и подробности происходящего между построек с другой стороны. За неимением иных вариантов, Линуру не оставалось ничего, кроме как расположиться на ней, хоть необходимость спускаться с пятнадцатиметровой высоты при обнаружении цели и не радовала его.

Внутри башни витала пыль. На деревянных ступенях и перилах оставались темные следы после шагающего наверх юноши, что придерживался рукой за ограду, позволяя уменьшить нагрузку на левую ногу при подъеме; пылинки то и дело норовили залететь Линуру в нос, заставляя его чесаться и чихать без остановки; воздух казался спертым и затхлым, из-за чего посетителю было нечем дышать — порыв свежести на верхушке башни вскружил его голову до потери равновесия.

С высоты птичьего полета Милкан впечатлял деревенского жителя еще больше, чем со спины жеребца. В прошлый раз, будучи на возвышенности, у него совсем не было времени рассматривать хоть что-либо вокруг, поэтому Лир решил компенсировать столь досадное упущение и насладиться живописным видом города сейчас — временно утихший ливень позволял это сделать.

Зелень на длинном бульваре частично закрывала последний от обзора сверху, но одновременно с этим разбавляла серость каменных строений своими красками и наполняла улицу жизнью, чему также способствовали клумбы с цветами, что делили клочки выделенной им почвы с деревьями. Крыши невысоких домов накрывали целые районы

рыжим ковром с торчащими над ним трубами, из которых тонким маревом поднимался дым. Заканчивалось полотно только в тех местах, где стояла городская инфраструктура.

Находящуюся вдалеке арену было тяжело не заметить: трибуны, образующие внешние стены, превышали по высоте колокольню чуть меньше, чем в два раза. Вход украшали две статуи в виде воинов, поддерживающих навес для зрителей вместе с резными колоннами, размещенных по всему периметру здания. Один из них застыл в стойке готовности нападать, заведя согнутую в локте правую руку с мечом за спину, а левой держа перед собой щит таким образом, чтобы из-за него выглядывали одни лишь глаза. Второй мраморный мужчина был обречен держать натянутую тетиву целую вечность, никогда не имея даже возможности пустить снаряд во врага. Что находится внутри Линур не видел, но подозревал о периодически окропляемом кровью песке, тысячах голосов и криков и десятках сражающихся насмерть храбрых воинах.

Величественный дворец, возвышающийся чуть поодаль, перехватил внимание гостя Милкана на себя. Позолоченные башни смотрели на владения губернатора свысока: с их балконов можно было увидеть райские сады с плодоносящими растениями и сверкающими фонтанами, услышать пение экзотических птиц, свивших гнезда в доме Его Превосходительства. На калиде стены из белого камня и высокие окна сверкали и переливались, а в темноте, как сейчас, были подсвечены множеством факелов снаружи и свечами внутри, даря дворцу уют.

С разразившегося громом небосвода с новой силой хлынул холодный дождь, закрыв Лиру обзор на остальные строения. Он обратил свой взор обратно на улицы, быстро переводя взгляд с одной движущейся фигуры на другую. Черная одежда очень далека от эпитетов «заметная» и «выделяющаяся», но Линур хорошо запомнил небольшой рост и светлую косу худенькой девушки, поэтому сможет разглядеть вора даже под балахоном.

Немногочисленные прохожие все до единого старались прикрыть голову хоть чем-то: капюшонами, шляпами, сумками и корзинками или просто руками. Шанс перепутать преступника с законопослушным жителем был велик, поэтому юноша очень пристально наблюдал за каждым человеком, не позволяя себе допустить ошибку. Присутствовала вероятность того, что девушка использует свою способность на невидимость еще дома, и разглядеть искажения в воздухе на таком расстоянии и в подобных погодных условиях будет попросту невыполнимой задачей. Однако Лир, основываясь на предыдущем опыте, понимал, что либо ее магия требует очень много маны, либо сильно ограничена по времени, поэтому рисковать оказаться без нее прямо на стене, воришка не станет.

Линур больше переживал о том, что девица решит временно уйти с радаров гвардии и ближайшие дни не выйдет за стены собственного жилища, хоть Раф и уверял его в обратном. Знаю о поднятой на уши страже, наемнике последней, который может находиться где угодно, и раскрытии собственной внешности, вор должен испугаться и перестать красть до тех пор, пока все не уляжется. Или должна быть причина, что заставляет его закрывать глаза на безопасность.

Лир невольно задрожал от завывающего в ушах ветра. Мокрая одежда не позволяла ему почувствовать тепло даже полностью укутавшись в ткани, поэтому иногда он ходил из стороны в сторону, стараясь хоть немножечко согреться. Время приближалось к часу, но ни девушки, ни какого-либо подозрительного шума со стороны стены до сих пор не было. Линур волновался все больше, ведь преступление могло уже совершиться, а он, как последний дурак, все еще сидит в ожидании на темной башне с колоколом позади, стуча

зубами. Или, что куда хуже — оно совершается прямо сейчас.

Не в силах больше сидеть, парень подскочил и высунулся из-под крыши, будто это могло помочь ему лучше разглядеть людей снизу. По дороге шел грязный и промокший бездомный, по какой-то причине оставшийся этой ночью без ночлега. Лир понимал, что смотрит на живого мертвеца — последний вряд ли доживет до утра, сгинув от голода или замерзнув насмерть в переулке. Он мог бы попроситься зайти в заведение или попытаться украсть еду, а то и убить кого-нибудь при помощи способностей ради денег, однако в первом случае вонючего проходимца быстро прогонят, а во втором безжалостно убьют — его дарованная Системой магия слишком слаба для каких-либо свершений, иначе бы мужчина давно нашел свое призвание. Вдобавок, хоть это и не признанный в Рутткорде факт, но Лир верил в существования насыщения у маны: если существо сыто, бодро и разум его не затуманен, то применяемые им заклинания будут эффективней, нежели когда он ранен, находится в алкогольном опьянении или даже попросту давно не ел.

Из окна на втором этаже борделя тоскливо смотрела на переулок шляуха — то ли в ожидании клиента, то ли задумавшись о своей жизни. Помимо редких патрулей, желающих гулять в грозу больше не наблюдалось. Линур окончательно отчаялся и закрыл глаза. Его разбирала злость, что он сглупил, столь легко подставившись под удар клинка; что не рискнул и не применил нужную способность, имея шанс выполнить работу сразу; что наглая девка так просто надурила его!

— Какой из меня герой и защитник Рутткорда, коль я не могу справиться даже с малышней? — шепотом спросил он сам себя, распахивая веки.

Не заметить миниатюрную фигуру в балахоне, идущую в метрах пятидесяти от башни, Лир не мог. Пикирующей птицей он слетел на первый этаж, перепрыгивая ступени и больше опираясь руками на перила, нежели единственной здоровой ногой на деревянные доски. В момент спуска юноша успел отругать себя за поспешность выводов и короткую истерику, чуть не помешавшую ему увидеть вора, но роившихся в его голове радостных мыслей было в разы больше.

Оказавшись за пределами наблюдательного пункта, Линур сбавил темп и пошел быстрым шагом, чуть ли не волоча левую конечность по земле, чтобы не травмировать ее лишней раз нагрузкой. Девушка направлялась в противоположную от бульвара сторону, перемещаясь по узким дорожкам между домами, куда не заглядывают гвардейцы, поэтому наемник двинулся по диагонали относительно своей цели, собираясь перехватить ее метров через триста. Ботинки громко хлопали по лужам, но дождь и гром заглушали шаги Лира, поэтому вор не сможет услышать приближение незнакомца издалека и не станет ожидать нападения.

Парень остановился на проспекте, который его жертве в любом случае придется преодолевать. Затаившись у каменной стены, он забыл про холод и дрожащие из-за него пальцы, про жуткую боль в ноге и, кажется, снова начавшую кровоточить рану, про страх облажаться и Рафа, предупреждающем о последнем шансе. Сосредоточившись на плохо освещенной фонарями темноте, Линур думал лишь о том, что в этот раз первым нанесет удар, а при необходимости убьет преступника, не обратив внимание на уменьшение вознаграждения. От напряжения в его ладони почти сформировался магический кинжал, который он не выпустил вчера в момент погони по крышам, и горе-охотник практически сразу осознал свою ошибку.

По затылку Лира прилетело чем-то тяжелым, выбивая всю дурь из его головы. Из-под

волосяного покрова быстро потекла темная жидкость, пачкая одежду и шею. Пострадавший упал в грязь, успев выставить перед собой руки, но при этом ничего не видя из-за потемневшей и плывущей картинке в глазах. Теряя драгоценные секунды, он пытался прийти в чувства, преодолевая себя и не обращая внимания на писк в ушах и выступившие слезы. Заметив боковым зрением мимолетное движение, Линур отправил в полет давно сжимаемое оружие, надеясь, что снаряд летит в нужном направлении.

Улица заполнилась криком одновременно с грохотом на небе, быстро сойдя на нет. Покачиваясь и щурясь от боли, юноша обнажил меч, приближаясь к размытому черному пятну на земле. Он еще не решил — рубить сразу или попытаться взять пробившую ему голову сучку живой, но склонялся к варианту жестокой расправы, пока она что-нибудь ему не оттяпала. Однако девка выбрала за него, подскочив и побежав прочь, оставляя за собой капли крови. Активированные вместе с этим и продемонстрированные еще вчера способности не принесли ей того же результата: за пытающимся бежать вором с увечьем на бедре оставались багровые лужи.

Лир не торопился, на своем плачевном опыте зная, что далеко со столь глубокой раной уйти нельзя. К тому же растрачивать силы впустую будет глупостью: мир вокруг до сих пор не стабилизировался, а из расцветшей на его затылке шишки текла кровь, забирая оставшуюся энергию. Впереди раздавались мольбы о помощи, но им было не суждено оказаться услышанными: весь люд давно спал в своих теплых кроватях, а тот, что нет, вряд ли обратит внимание на тихий голос, пробивающийся сквозь раскаты грома. Прибежать на плачущие вопли могут только патрулирующие район солдаты, которые на этот раз предупреждены о проходящей операции по поимке преступника, поэтому своим появлениям они только облегчат работу Линуру.

Далеко девушка не убежала — тяжело дыша, она расположилась посреди улицы в боевой стойке, перенеся вес на здоровую ногу. Ее красивое молодое лицо исказилось гримасой страха и презрения, а светлые волосы испачкались кровью, превращая милое создание в кровожадную самку. Разговаривать с вором и уговаривать его сдаться парень не собирался — рисковать на ровном месте упасть без сознания из-за пробитой головы ради большей наживы, станет повторением однажды сделанной ошибки.

Подходя ближе, Лир выглядел расслабленным, тем не менее сжавшись внутри в готовности сделать рывок и при необходимости отразить атаку. Он завел клинок назад, собираясь нанести сильный удар по выставленному вперед кинжалу, а затем быстрым движением разрубить надплечье противника лезвием. Наемник ожидал чего угодно: применения способности в последний момент, хитрого выпада или подлого трюка и дальнейшего побега, но отлетевшее в сторону оружие и упавшая в полной растерянности девица заставили его удивиться.

Линур встал позади преступника, прислонив меч к его шее. Он медлил, находясь в полном неведение, что делать дальше. Рубить голову безоружному и не представляющему опасность человеку, пусть дважды и причинившему ему серьезный вред — слишком хладнокровный и мерзкий поступок; донести воришку до стражи самостоятельно юноша не сможет, поэтому ему остается лишь ждать и надеяться, что солдаты решат проверить улицу как можно скорее.

— Прощу, пощади меня, — тонким, дрожащим голосом произнесла девушка.

Она стояла на коленях, смирившись с мыслью о том, что ее жизнь теперь принадлежит охотнику, однако еще пыталась ее сохранить.

— Я не виновата, я ни в чем не виновата! Мне пришлось, я была вынуждена красть!

— Мне безразличны причины. Выяснить мотивы это работа гвардии, моя задача только доставить тебя к ним.

— Нельзя, нельзя за решетку! Моя мама, она умрет, если ей не помогать.

— Ты украла столько денег, что твоя семья спасена от нищеты до конца своих дней.

— Позволь объясниться! — Девица взмолилась. — Я все расскажу, и ты сможешь принять справедливое решение.

— Хочешь сделать из меня судью?

— Взяв ответственность, ты спасешь жизнь человека.

Спешить Лиру было некуда, и ничего плохого в том, чтобы выслушать виновную, он не видел. Пусть она думает, будто потенциальный палач колеблется, раздумывая над казнью, пока тот ждет помощи от своих нанимателей. Выждав паузу для пушного эффекта, парень дал добро на повествование истории.

— Две недели назад я не могла и вообразить, что буду находиться в таком положении, — успокоившись, спокойным голосом начала воришка. — Мы с семьей владели цветочным магазином, делали все сами от начала и до конца, поэтому я помогала родителям с самых ранних лет. Несметные богатства на этом деле заработать нельзя, но для хорошей жизни нам всегда хватало. В один день мы все вместе отправились пополнять запасы товара и обновлять ассортимент, взяв с собой коня, чтобы унести как можно больше цветов. Шли привычным маршрутом, по тракту, который использовали множество лет в качестве самого безопасного пути. Тебе должно быть известно, что в Империи преступность невысокая, а на главной дороге грабят и убивают только вдали от городов, поэтому жители Милкана никогда не волновались за свои жизни, гуляя близь неприступных стен. Но в этот раз все произошло иначе. — Девушка замолкла, не сдержав слез, но холод стали на шее заставил говорить ее, утирая сопли рукавом. — На нас напали разбойники, защититься от которых у нас не было возможности. Управляться с мечом мог только отец, поэтому его убили первым делом, практически разрубив пополам, не переставая хохотать и шутить. Я видела, как из него вытекала кровь цвета гранатового сока, как торчали кости, проткнувшие кожу, и как на траве валялись выпущенные кишки и вырезанный язык. Еще минутку назад он обещал показать мне новый чудесный луг, а сейчас лежал бездыханным куском мяса с пустыми глазами.

— Мать сказала бежать и толкнула меня, а сама отправилась вперед, выигрывая время. Я прекрасно понимала, что случится, если попадусь бандитам в руки, и не могла позволить им насладиться моей плотью и страданиями матери, поэтому побежала со всей скорости. И все же успела увидеть, как мама падает на землю, как разрывается ее летнее платье, как насильно ей раздвигают ноги, и как эти уроды встают в очередь, дабы отыметь ее словно шлюху в борделе. Через несколько часов ее нашли солдаты. Моя всегда молодая и красивая мама лежала без сознания, с одной рукой и одной ногой. Ее промежности были настолько разорваны, что из них вышло крови не меньше, чем из обрубков конечностей. Она выжила, но ей требовалось длительное восстановление.

Линур невольно опустил руки. Ему не понаслышке известно чувство, когда очерняется самое святое, поэтому лед внутри него тронулся, а сердце кольнуло, вспыхнув старой болью. Преступница развивала успех:

— Я лечила ее всем, чем могла, потратила все сбережения семьи, но маме становилось все хуже и хуже — началось гниение. С тех пор ей ежедневно требовались зелья для

облегчения боли и поддержания жизни — они быстро съели все до медяка. Тогда мне пришлось воровать, забрать у губернатора то, что он должен был дать нашей семье сразу. Я никого не убивала и даже не трогала пальцем, лишь тихо умыкала необходимое и исчезала в ночи. Это позволяла покупать склянки и вливать их содержимое в маму, после чего ей становилось лучше. Если ты убьешь меня или отдашь гвардии, то она не жалеет — никто не станет тратить столько денег на бесполезную калеку.

Злость и чувство несправедливости внутри Лира полыхали обжигающим огнем, но он достаточно быстро заглушил их, вернувшись к рациональности.

— Твоя мать давно мертва, ты лишь растягиваешь ее мучения.

— Не говори так! — девушка обернулась и посмотрела на юношу красными от слез глазами. Сил в ней почти не осталось.

— Когда ты разговаривала с матерью в последний раз?

— Мы говорим каждый день. Я рассказываю ей, как мы будем вновь продавать цветы, как я буду возить ее по лесам и полям на новом белоснежном жеребце, и как снова в нашем доме разгорится очаг тепла и уюта.

— И как часто она отвечает? — Линур уже понял, в каком состоянии находится женщина. — Девочка, ей нужна была незамедлительная помощь лекаря, а не твои попытки в медицину.

— Система поможет ей. — Девица уже сама не верила в то, что говорила.

— Система лишь позволяет ей существовать, но не жить. Незачем больше тревожить покойника.

Всхлипы и дрожь моментально прекратились. На мгновение Лиру показалось, что он стоит на улице совершенно один, вспоминая о своей собственной маме. Добравшийся до внутренних холлов напомнил ему о тех чувствах и переживаниях, что преследовали его еще очень долгое время после нападения разбойников на деревню. Тогда парень пообещал себе защищать простой народ, а не побежал разграблять дом, где живет.

— Тебе важнее деньги, да? — Девушка посмотрела ему в глаза. — Готов наплевать на чужие жизни ради материальной выгоды? Ты ничуть не лучше тех мразей, что напали на моих родителей!

Собрав волю в кулак, она бросилась в сторону на последнем издыхании, прыгнув к валяющемуся на земле кинжалу. Линур был застан врасплох такой прытью, но среагировал моментально, рубанув клинком по рукоятке чужого оружия. Вор не успел издать и звука, прежде чем лезвие рассекло его кожу, отчего он сразу же отключился. На камнях остались фаланги четырех отрубленных пальцев. Лир пошатнулся, посмотрел на свою кровоточащую ногу, залившуюся краснотой вместе с раной вора весь переулок, грязно выругался и упал без сознания.

Отхлебнув бренди, Лир поморщился то ли от крепости напитка, то ли от неприятных ощущений в районе затылка, от которых он уже порядком устал.

— И в чем в итоге проблема? — не понял Раф.

— Я не уверен, что поступил правильно.

— Разве твое решение не окончательно? Разве девчонка уже не сидит за решеткой, а ее мать не нашли мертвой?

— Конечно, но это не отменяет того, что она преследовала благородные цели. В чем отличие меня от нее? Я хочу помочь Рутткорду, но также нарушаю законы собственного государства, доставляя ему лишние неприятности. Тогда почему же я развлекаюсь алкоголем, а ее ждет наказание?

— Девушка искала утешения своей беспомощности. — Князь раскурил бумажонку. — Будь оно иначе, она немедленно отправилась бы в госпиталь, а не к себе домой. Там работает много врачей и один из них точно согласился бы помочь, пусть и за выложенную кругленькую сумму — у их семьи имелись накопления и целая цветочная лавка, что могла стать залогом. Однако огорченная несправедливостью дурочка решила сделать все самостоятельно.

Они сидели на веранде харчевни, любясь видом на белокаменный собор с образующими круг планетами на верхушках куполов. Различных верований в Рутткорде существует целое множество, но выделяется среди них именно теория о Мировом Круге. О бесчисленном количестве планет, располагающихся в абсолютно разных уголках вселенной, со своими уникальными условиями для жизни или их отсутствием, природой и фауной, жителями и устоями. Но даже у столь непохожих небесных тел имеется одна общая вещь — связь друг с другом через артефакты.

Камень Связи, предназначенный для перемещений между Рутткордом и Землей, и приключившаяся с ним год назад история, стала вдохновителем Лира и одной из причин, по которой он отправился на поиски четверки, что смогла украсть артефакт. Сам Линур не являлся религиозным человеком и каждый раз, когда слышал новую версию об устройстве мира, то просто соглашался с ней, допуская, что все оно так на самом деле и работает. Ему безразлично, могущественное ли существо создало Систему, или технологически развитая планета решила привнести нечто совершенно новое в быт своих дальних соседей, ведь проблем, с которыми разбираться нужно самостоятельно, меньше от этого совсем не стало.

— Я выполнил задание и получил золото, — напомнил юноша. — Что дальше? Мы отправимся к Ущелью, или меня ждет еще одна проверка?

— Как твоя нога? — ответил вопросом на вопрос Ралафар. — Мне нужен здоровый спутник, а не хромающий калека.

— Почти восстановилась — пару дней верхом на коне и хоть в горы пешим ходом.

— Рад слышать, — удовлетворился князь. — Завтра мы поедем согласно заданному курсу и сделаем по пути еще одну остановку. На месте тебе придется сыграть кое-какую роль и постараться не умереть.

Мужчина выглядел серьезным и, похоже, совсем не преувеличивал.

— Ты втягиваешь меня в опасную игру, Раф, — заволновался Лир. — Мне не хочется обзаводиться личными врагами.

— Вскоре ты окажешься на другой стороне Ущелья, поэтому не забивай голову тревогой. Я бы очень хотел посвятить тебя в подробности, облегчив жизнь нам обоим, но пока не могу этого сделать, поэтому заранее прошу быть предельно осторожным и хладнокровным. Возможно, я зря прибегаю к помощи никак не относящегося к аристократии человека, но выполненная работа станет справедливой ценой за переправку в Царство.

В этот момент Линур понял, что игры закончились. Поимка вора была лишь разминкой перед истинной целью князя, ради которой он и взял парня с собой, а ранившая его девчонка всего-навсего букашкой по сравнению с гигантами, что встретятся впереди. Он немного трусил, но в то же время прекрасно понимал — через это необходимо пройти. Никого сильнее и страшнее адрагонцев в Рутткорде нет, поэтому объявлять им войну, ничего из себя не представляя, нельзя. Лир в первую очередь самому себе докажет, что способен на свершения и в действительности может добраться до артефакта, а вместе с ним, получив невероятное могущество, уничтожит и гадюшник под названием Адрагон. Сейчас, обратив свой взор на молочное здание и такую же белоснежную площадь перед ним, он впервые попросил помощи у неба и создателей Системы.

Они продолжали держаться тракта, совсем немного отклонившись от курса, по которому двигался бы юноша, не встретить он Ралафара. Великолепный город остался позади, не явив гостям множество красочных мест и оставив в тайне прелести и масштабы ежегодных праздников и мероприятий. Линур с радостью остался бы на какое-то время, чтобы вкусить разнообразие местной кухни и попробовать медовые сладости и конфеты из фиников, долго разглядывать все до единой достопримечательности, а также посмотреть рыцарские бои на арене, прочувствовав дух толпы и испытав азарт от ставок на победу того или иного участника. Однако прогулки по наполненным ароматами изящных цветов садам и любовь прекрасных девиц нужно еще заслужить — двоица скакала навстречу мировому признанию.

Вскоре встретившаяся развилка разделяла дорогу надвое: одна вела на север, а другая служила для доставки грузов к ныне разрушенной крепости Пондерос. Лиру следовало использовать первый вариант, чтобы быстрее попасть к границе с Нижним Царством, но из-за знакомства с Рафом и его незаконченного дела путники двинулись в противоположную сторону — на юг. Еще несколько дней назад парень воспротивился бы подобному, не желая делать огромный крюк, но сейчас в нем кипел энтузиазм, что только подгонял его вперед.

Всадники передвигались галопом, лишь иногда останавливаясь у мелководной речки или водопоя, позволяя коням восстановить силы и вдоволь напиться. Линур в это время сидел на травке и наслаждался сухой впервые за неделю погодой, шурясь от яркого калида. Несмотря на лечение, его нога до сих пор побаливала при ходьбе, поэтому князь наказал опираться на нее как можно меньше, а лучше вовсе избежать нагрузок, чтобы дать ране полноценно зажить. Последний же постоянно стоял или нарезал круги, не позволяя себе присесть ни на секунду, а его привычка часто курить превратилась в какую-то нездоровую необходимость пускать дым каждые десять минут отдыха. Мужчина впервые на памяти напарника выглядел встревоженным, но при этом активно пытался показать обратное, фальшиво держась расслабленным, а однажды даже ни с того ни с сего искупавшись в озере.

Чем ближе они были к цели, тем сильнее волновался Ралафар, и тем больше его беспокойство передавалось Лиру. От позитива юноши ни осталось и следа — теперь он боялся и представить, что за ужасы ждут их с Рафом после прибытия, раз даже у птицы столь

высокого полета, как Его Сиятельство, едва ли не дрожат колени от мыслей о грядущем.

За несколько дней бесконечные дожди разрушили целостность тракта, сделав его рыхлым и сырым. Дорога казалась нескончаемым потоком грязи, по бокам от которой мелькали неотличимые от вчерашних леса и поля — мрачность и однообразие все больше утомляли Линура. Дневные и ночные привалы не разбавляли обыденность разговорами: простолудин и человек из высшего сословия имеют мало общего между собой, а поочередный сон и дозор оставляли возможность перебраться лишь парой слов перед тем, как разминуться. Именно поэтому устрашающая находка в какой-то степени обрадовала парня.

Два новоиспеченных трупа висели в петле под веткой, с выпученными глазами и фиолетовыми рожами. Насекомые уже облепили их конечности и лица, активно пожирая плоть и превращая тела в благоприятную для размножения личинок среду. След от веревки на шее и свернутые набок головы говори о том, что двое ребят, немногим младше Лира, погибли на месте, а не были повешены уже бездыханными тушами. Худощавые и болезненно бледные тельца, казалось, не могли принадлежать убийцам или предателям, что заслужили подобную расправу, но торчащая рядом из земли табличка подтверждала справедливость наказания.

Ралафар стоял неподвижно, задумчиво разглядывая повешенных.

— Что тут написано, Раф?

Мужчина обошел мертвецов, не отводя от них взгляда, и еще несколько минут рассматривал их с ног до головы.

— Это мутанты, сынок. Их повесили за то, что у них имеется строчка с мутацией в интерфейсе. — Князь, по привычке, закурил. Он молчал до тех пор, пока бумажонка не закончилась полностью, а юноша не смел прервать тишину. — Как ты думаешь, можно ли считать правильным убийство кого-то лишь по причине его рождения на этот свет?

— Это жестоко, но все знают, чем нам грозит отказ от подобной политики.

— Чем же? — словно и вправду не знал ответа, спросил Ралафар. — Поведай мне!

— Те мутанты, кому повезло больше остальных, превосходят обычных людей по некоторым параметрам: они могут быть быстрее, сильнее, обладать лучшей защитой или иметь прочие дополнительные способности. Оставь мы их в покое, они станут размножаться и эволюционировать в еще более могущественных существ, рано или поздно превратившись в нечто схожее с гралами, но только с Системой. Зачем же растить будущего врага у себя под боком, коль можно уничтожить его малой кровью.

— А разве мы уже не создали себе врага? Разве пролилось мало крови? Не логичней бы было использовать преимущества мутантов в общих целях, как это делается в Королевстве и Царстве?

— Я... не знаю, — признался Линура. — Деревня, откуда я родом, совсем небольшая, поэтому это впервые, когда мне представилась возможность увидеть мутантов.

— А что конкретно ты видишь? Мутанты ли перед тобой?

— Ты ведь сказал...

— А ты наконец перестанешь мне безоговорочно верить или так и будешь слушать всю ересь, что вылетает из моего рта? Я спрашиваю твое мнение — кто тут висит?

Теперь настала черед Лира разглядывать покойников: ему пришлось подойти к ним максимально близко, отмахиваясь от прожорливых мух, дабы понять, чем же они отличаются от него самого. Простецкая серая одежда в виде длинной туники скрывала

большинство участков тел, однако трогать ледяную кожу мертвых и раздевать последних, чтобы увидеть искомое, парень брезговал — вместо этого он обратил особое внимание на лица жертв правосудия. При жизни они могли обладать орлиным зрением или слухом летучих мышей — их зрачки или уши должны иметь соответствующее строение, что пытался обнаружить Линур. Затем, убедившись в обратном, он обратил свой взор на нос и зубы, отодвинув губы острием меча, но и здесь его ждало полное отсутствие специфики.

— Это люди, — пришел к заключению юноша. — Во всяком случае, я вижу именно их.

— Вот и я о том же, — стиснул брови Раф. — Глумиться и обнажать трупы уж не станем, но зуб даю, что и под тряпками нет ничего необычного. Теперь советую поразмыслить, верно ли мы все-таки поступаем, вырезая друг друга при первой возможности, если в большинстве случаев даже не отличаемся.

— Поехали скорее дальше, мне тут не по себе, — пожаловался Лир.

— Мы уже на месте, сынок. Эта табличка сообщает о пиршестве и приглашает всех достойных мечников на проводимый губернатором Яром Медио турнир, победитель которого получит его дочь в качестве жены. Вдобавок он устраивает зрелище для любого проходимца, кто пожелает заглянуть на казнь сразу нескольких мутантов.

— Но как же твоя скрытность? Мы столько ночей провели под открытым небом и проливным дождем, чтобы после заявиться к губернатору и собравшимся на турнир маркизам, графам и баронам?

Князь тоскливо посмотрел на вытопанную копытами тропу.

— Иногда обстоятельства и давно зародившееся внутри чувство ответственности гложет настолько сильно, что это вынуждает тебя делать глупые вещи. Сегодня мы совершим одну из них.

Тропинка вывела путников к озеру Алунт, стоя на берегу которого, глаз не мог достать до суши напротив. Протянутый через всю ширину водного покрова деревянный мост с опорами на крошечных островках позволял не только сэкономить время, но и насладиться красотой разноцветных рыбок, проплывающих стайками, а также еле заметным светом люминесцентных растений сквозь прозрачную гладь. Следом за переправой рос скромных размеров лесок, который своими стволами и раскидистыми ветвями скрывал невероятных размеров поляну, ставшую пристанищем для многих домов и известных родов на время турнира.

Сотни людей и десятки шатров в окружении палаток стояли на зеленой лужайке, стремительно превращающейся в голую землю. Крики и громкие разговоры заполнили все пространство вокруг, отражаясь от крон хвой, а в воздухе витал запах сочного мяса, поджаренного на костре. Большинство коней были согнаны в один угол, где для них организовали навес от дождя и поилку, а также выделили конюхов, которые их чистили, кормили и охраняли. Остальные жеребцы, принадлежавшие людям с громкими именами, находились в расположенных неподалеку от жилищ своих хозяев стойлах.

Со всех сторон на гостей смотрели самые разные знамена, многие из которых Линур видел впервые и мог лишь гадать, кому они принадлежат. Тем не менее юноша узнал черную крепость с мостом на огненно-красном фоне, принадлежавшую губернатору Медио и его семье, фиолетовую кисточку винограда семейства Датюра, что владеет самыми большими виноградниками на юге страны и производит вкуснейшее вино во всем Рутткорде, настаивающееся по несколько лет, а также голубой алмаз, утопленный в серость камня Геммов, занимающихся раскопками у подножья гор на севере и обработкой драгоценностей.

Каждый из этих известных по всей Империи домов представляется одним из множества отпрысков, которые браком с дочерью губернатора собираются укрепить отношения с последним и расширить свое влияние по стране. Другие же, более мелкие роды, желали заполучить территории со всеми их природными богатствами — таким образом они могли стать ровней мастодонтам, образовав союз двух семей. Однако многие из них давно преклонили колени перед старшими братьями, посему в сухом остатке за красавицу боролись все те же крупные рыбы и несколько рискованных мальков.

Отовсюду пестрили разноцветные одежды и легкие доспехи, разукрашенные в цвета гербов. Среди дорого одетых и имеющих фамилии и титулы людей, Лир казался бедным во всех смыслах мальчиком, что заблудился и случайно забрел в место, где проводится мероприятие для взрослых мужчин. Предупреждение Рафа быть осторожным эхом раздалось в голове юноши, старающегося даже не отрывать взгляда от земли, чтобы не навлечь на себя беду. И все же он не мог не заметить клинки из дуруса (1) и дорогие рукояти оружия, что разительно отличались от его собственного второсортного меча. Князь привел парня не иначе как в клетку со львами, совсем позабыв о том, что последний лишь только мышонок.

В центре поляны парой десятков рабочих активно подготавливалась арена для скорых сражений. Они таскали готовые доски и прибивали их к уже установленной конструкции, завершая постройку трибун. Посередине, на возвышении, будет восседать Яр, его дочь и близкие к семье лица. Пониже расположатся все остальные зрители, в независимости от их статуса. Одновременно с этим выставлялся забор, что будет предназначен для разделения круга для боя и безопасной зоны вокруг, а рядом с оградой взгромоздятся два навеса со снаряжением, — отдельный для каждого участника, — и шатер для лекаря, если тот вдруг понадобится.

Неподалеку от стройки за простеньким столом сидел распределитель, управляющий размещением гостей таким образом, чтобы не возникало конфликтов между недружелюбно настроенными друг к другу родами. Внимательные глаза из-под тонких бровей наблюдали за каждым находящимся в их поле зрения человеком — если произойдет убийство вне арены, то именно этот мужчина с лысиной и аккуратной бородкой станет ответственным за смерть аристократа. Его дальнейшую судьбу представить несложно.

Путники подошли к столу.

— Сударь, не слишком ли поздно мы прибыли? — поинтересовался князь. — Надеюсь, у вас остались свободные шатры для уставших с дороги людей.

— Смотря кто спрашивает, — холодно ответил тот. — Вы собираетесь участвовать в турнире?

— Будет выступать мой ненаглядный друг — Линур. — Ралафар подтолкнул парня в спину, чтобы тот сделал шаг вперед. Последний обомлел и пошел мурашками, но виду не подал, утвердительно кивнув.

— А ты кто? — Распределитель оценил юношу снисходительным взглядом. — Что-то я не вижу никакой эмблемы или других знаков, которые указывали бы на вашу принадлежность к какой-либо семье.

— Их отсутствие что-то меняет?

— Конечно меняет! — пришел в гнев мужчина. — Размещайтесь, где хотите, но не ближе ста метров от палаток — никто не захочет жить рядом с плебеями. А теперь уходите и не мешайте работать!

Побагровевшее от возмущения лицо выражало все то недовольство и отвращение,

которое человек испытывал к крестьянам без фамилии; несмотря на холод, по его виску стекала капля пота, а короткие волосы были влажными и торчали в разные стороны. Раф задрожал от злости и уже открыл рот, чтобы высказать грубость в ответ, но в последний момент удержал язык за зубами и оскалился, громко хрюкнув.

— Идем, сынок.

На обратном пути, ведя коня под уздцы, Лир несколько раз порывался спросить про свое неожиданное участие в турнире, но все ждал, пока товарищ сам расщедрится на объяснения, одновременно с этим прикидывая шансы остаться живым. Стоило лишний раз посмотреть в сторону и, то сходящиеся в поединке, то наоборот расходящиеся на передышку воины, не могли остаться незамеченными. Их движения были точными и четкими — они не расплылись на лишние маневры и не попадались на уловки соперников. Фигуры порхали под звуки металла, кружась в бесконечном танце борьбы и попытках найти уязвимость в обороне друг друга. Линуру далеко до такой искусности — он им не ровня.

Возникший словно из-под земли молодой человек остановил князя одной рукой, надавив ему на грудь. Вглядевшись в лицо, блондин с длинными волосами ниже плеч пришел в изумление, быстро сменившееся на неприязнь:

— Ты что здесь забыл?! — сквозь зубы прошипел он.

— Рад тебя видеть, Лу, — улыбнулся Ралафар.

— На турнире выступает Киран — помнишь, что он обещал, коль увидит тебя еще раз? Ты собрался устроить резню?

— Я приехал с мирными намерениями, а не махать мечом.

— На кой Либеро вообще сдались земли Медио и его власть? Даже если ты выиграешь — вашей семье тут не править.

— Не стоит опасаться за свою ослепительную победу, друг, Либеро не будут участвовать в поединках.

— Тогда зачем было приезжать?

— Насладиться зрелищем. И раз уж мы столкнулись с тобой, позволь иметь наглость попросить теплое местечко у Лунов.

— Даже не надейся на мою поддержку! Я не встану ни на чью сторону в этом конфликте, Раф — вам предстоит разобраться самим.

— И правильно, — кивнул тот.

— Лучше вообще не приближайся ко мне, — отойдя на несколько метров, обернулся Луман. — И ты, парень, кем бы ему не приходился, тоже.

Проводив взглядом аристократа, юноша выразительно посмотрел на Ралафара.

— Тебя тут жалуют.

— Это была одна из самых приятных встреч, что произойдут с нами в ближайшее время. Другие не станут молоть языком и отрекаться от того, что произойдет совсем скоро, а попытаются найти в этом выгоду. Они станут прощупывать с какой из сторон ко мне можно подобраться, и первым, на кого окажут давление, будешь ты. Лги, преувеличивай и уходи от прямых ответов. Делай все, чтобы сохранить жизнь. А пока к нам проявляют не так много внимания, тебе нужно узнать что-то важное. Идем — поговорим в тишине.

1 — Самый редкий и ценный металл в Рутткорде. Оружие из дуруса прочнее любого другого.

Хоромы князя представляли из себя две сосны, у стволов которых лежали набитые вещами и провизией сумки. Сверху, между деревьев, был натянут гамак, одновременно выполняющий функции защиты от регулярных осадков и место для отдыха. Под крышей то на пеньках, то на теплом меху сидел сам владелец столь прекрасного жилья вместе со своим греющимся у костра спутником по имени Линур. Фыркающие и обмахивающиеся хвостами кони в сторонке мирно щипали травку, радуясь, что с них наконец-то стащили седла и груз.

— Тебе известно о правилах и процессе проведения турниров?

— Само собой, — сидя спиной к собеседнику, ответил Лир.

— Откуда? — удивился Ралафар. — В вашей деревне проводили нечто подобное, или ты ездил в город посмотреть на сражения?

— Раф, ну кто в моей глуши станет проводить турниры? — Парень обернулся. — Конечно я ничего о них не знаю, но вот что меня тревожит куда более отсутствия знаний, так это участие в этих поединках. Ты сказал мне попытаться не умереть, но при этом хочешь поставить против профессиональных убийц, обученных резать людей. Если я соглашусь, то подпишу себе смертный приговор.

Мужчина зашелся хохотом.

— Сынок, ну кто разрешит одним людям из высшего общества резать других людей из высшего общества в самой обычной игре на мечях?

Юноша сощурил глаза.

— Дурак.

— Если ты не забыл, то я все еще имею титул князя.

— Разве князь не может быть дураком?

Улыбка тут же сошла с его уст.

— Ты не представляешь каким.

— Теперь серьезно. Турнир это не настоящий бой: в нем всегда есть свои правила и ограничения, разнящиеся от одного мероприятия к другому. Тем не менее это серьезная игра, где взрослые дети бьются на острых клинках, из-за чего иногда происходят несчастные случаи. У Медии будет лучшая организация, которая не допустит подобного — мое предупреждение быть осторожным нацелено вовсе не на сражения внутри арены, а за ее пределами.

— Значит, все уже спланировано? Мы задержались ради кровавой мести?

— Нет, Лир, все куда, куда сложнее. Я бы с радостью сказал откуда ждать удар, из какого темного угла могут пырнуть кинжалом, или чьи руки сожмут твою шею, но не знаю этого. У нас нет друзей и нет союзников. Всегда рассчитывай только на себя.

Юноша слышал похожие слова от Ралафара не впервые и еще с тех пор осознавал степень опасности, с которой ему придется встретиться, однако прерывать его не стал, поражаясь тому, как искренне товарищ переживает о нем.

— Но для чего необходимо мое участие в турнире? Что конкретно от меня требуется?

— Оно вовсе необязательно, и ты имеешь полное право отказаться выступать перед зрителями.

— Договаривай, — заметив недосказанность, потребовал Линур.

— Хотя стоит вписать свое имя в листы, как отпадет сразу куча сомнений о причинах,

по которым мы сюда приехали. Во всяком случае, для Яра и остальных незнающих или позабывших о прошлом. Тебе ничто не будет угрожать.

Если это правда, то Лиру ничего не стоит испытать свои возможности в бою с сильнейшими.

— А что насчет правил? Как все происходит?

— Перед началом поединка каждому участнику накладывают по три защитных оболочки. Они специальные и всегда одинаковые — свои использовать строго запрещено. Под запретом также находятся дальнобойные, одурманивающие и призывающие способности. Всеми остальными заклинаниями и свойствами артефактов можно пользоваться во всю доступную мощь. Схватка заканчивается, если у одного из претендентов было сбито две оболочки — он объявляется проигравшим. При этом за ним остается право просить продолжения боя до уничтожения последней подстраховки, пускания первой крови или смерти. Его противник может отказаться от последнего, но по двум оставшимся требованиям решение выносится совместно с советом, состоящим из четырех человек. Главным фактором является соотношение сил: коль победитель не запыхался для прохождения в следующий этап, то нет смысла испытывать его дальше и лишний раз расстраивать толпу, заставляя ее скучать.

— Некоторых участников принуждают биться до первой крови? — запнулся о несостыковку Линур. — О какой безопасности идет речь, если меч, пробивший живот насквозь, наравне с царапиной может стать причиной упавшей капли? Никого не будет волновать, что произойдет после.

— Сынок, как бы я тебе не симпатизировал, но льстить не стану — ты не справишься ни с одним из аристократов. А если каким-то чудом и составишь конкуренцию, то всегда можно поддаться, коль не уверен в победе. Я не прошу тебя о невозможном и не подвергаю смертельной угрозе лишний раз.

— Мне нужно знать еще какие-то детали или важные мелочи? — уточнил парень.

— Пожалуй, нет — сориентируешься на месте. Сейчас ты пойдешь в красную палатку около арены, назовешься моим бастардом и запишешься на турнир. Завтра нас, скорее всего, разлучат: я останусь тут, а ты вместе с остальными претендентами погонишь в замок Медии, дабы увидеть главный приз. Там ты будешь под защитой губернатора, но вот по дороге держись аккуратно и не забывай, что подобные мне являются не только мастерами оружия, но и слова. Не наговори лишнего.

— Я тебя не подведу.

К темноте суматоха в лагере поутихла: все разбрелись по своим уголкам, веселясь у костров и распевая песни. Втянув свежий воздух, Лир посмотрел на ночное небо, усыпанное звездами. Холод кусал щеки юноши, вынуждая его быстрее вернуться к огню и выпить согревающего напитка, но он продолжал любоваться красотой вокруг. Последние летние деньки ушли, и их место заняла плачущая осень, через два месяца за которой последует снежная зима и любимый праздник любого мальчика. Впервые Линур отпразднует Коляду за пределами дома, где не будет его семьи, украшенной елки и праздничного стола с приготовленными матерью блинами и пойманной им с отцом рыбой, что они всегда жажаривали на вертеле.

Мысли о родном крае пробудили в Линуре невыносимую тоску. Он вдруг осознал, насколько сильно соскучился по родителям и своей рыжеволосой подруге, которая приходится ему заместо сестры. Дорвавшись до приключений и прочувствовав суровость

реального мира, парню перестало хватать той теплоты, которой одаривали его близкие люди — на турнире собрались безразлично или недоброжелательно настроенные по отношению к двум путникам личности, если не брать во внимания самого Рафа, что проникся к нему. Однако даже с князем Лир не может поговорить по душам и услышать необходимую каждому человеку поддержку.

Стутившаяся пуще прежнего тьма не позволяла отливающим у стволов деревьев и торопящимся по вечерним делам людям видеть дальше своего носа, поэтому им приходилось ориентироваться либо при помощи факела, либо тыкаясь в каждое встреченное на пути препятствие. Пользоваться светом юноша не хотел, опасаясь лишнего внимания со стороны тех, кто приметил его идущим сегодня днем вместе с Ралафаром — он передвигался по памяти, несколько раз оказавшись обруганным, когда выскакивал из мрака прямо перед лицами мужчин.

Поплутав между натянутыми на колья тканями самых разных цветов, Линур, наконец, лицезрел достроенный забор арены, от которого уже без труда отыскал нужный шатер. Без преувеличения огромное жилище было украшено знаменами дома Медио и охранялось четырьмя стражниками в полноценных черно-красных доспехах, делавших тех намного крупнее обычных людей. Панцири удивили Лира, ведь они считались непрактичными для боя ввиду неповоротливости и существования бесконечного количества способностей, которые пробивают любую сталь с первого раза — разве что дурус выдержит удар, но тратить столько денег на снаряжение охраны для защиты подчиненного пожалеет даже самый богатый и щедрый Император, не говоря уже об обычном губернаторе.

Распрощавшись с оружием, парень зашел внутрь. Теплый и застоявшийся воздух принял его в свои нежные объятия, размораживая раскрасневшиеся щеки и нос. Обставлена опочивальня слуги Яра была богато: большая перина со смятой простыней расположилась за скрывающей ее ширмой, что не справлялась со своей задачей от слова совсем, небольшой деревянный комодик из темного дерева со свечами на нем подпирал стену, а широкий стол с аккуратно сложенной в стопки бумагой вместе с тремя стульями с низкими спинками взгромоздились посередине; пару плотных ковров покрывали всю площадь помещения, грея стопы жителя шатра.

— Добрый вечер, сударь. Я бы желал записаться на турнир.

Оторвавшись от пера, зрелый мужчина посмотрел на вошедшего юношу. Короткие седые волосы опоясывали гладкую лысину представителя Медио, напоминая нетронутое озеро в лесу. Серебряные брови вдруг насупились, а морщины на лбу сделались глубже.

— Ну? — тихим, хриплым голосом спросил он. — Раз изъявил желание, то чего стоишь истуканом? Назовись своим именем.

Большие темные глаза, заставшие множество событий на своем веку, сузились, и губы изобразили безобидную улыбку.

— Линур, бастард Либеро.

— С ума вы, что ли, там все походили? — пробубнил тут же изменившийся в лице мужчина, однако взял листок с внушительным списком и почти начал вырисовывать буквы, когда вдруг осекся. — Бастард по мужчине или женщине?

— Моего отца зовут Ралафар Либеро. — Лир не привык врать, поэтому раскраснелся еще больше, чем до этого.

— Да, мне сообщили, что он прибыл. Теперь понятно зачем. — Подчиненный Яра еще недолго поразмышлял над бумагой, все не решаясь писать. — Вот что я вам скажу, сударь,

даже если вы не глупец и не пытаетесь прикрыться известным именем прямо под носом его обладателя неясно ради чего, то все равно воздержитесь от участия. Несомненно отец обучил вас боевому искусству, и вы умеете многое, но это все равно будет несоизмеримо с мастерством остальных претендентов на дочь Его Сиятельства. Не позорьтесь на потеху толпе — займите место среди нее.

— До турнира может быть допущен любой желающий из высшего света, — напомнил парень.

— Все верно.

— Так пишите.

Мужчина устало вздохнул и внес еще одно имя в список.

— Распишитесь вот здесь. — Палец с грязью под ногтем указал на неровную линию в самом низу таблицы. — Этого будет достаточно.

Линур неумело взял столь непривычное пальцам перо и, задумавшись на пару секунд, нарисовал закорючку, похожую на одну из тех, что красовалась выше.

— Завтра к полудню возвращайтесь сюда с конем — познакомитесь с губернатором и будущими соперникам.

— Благодарю. — Кивнув, Лир развернулся и вышел на улицу.

Один из четырех стальных гигантов вернул ненастоящему бастарду ножны с мечом и вновь встал неподвижной статуей. Закрепив пояс с оружием на талии, новоиспеченный участник скорых боев загляделся на стражу, бясь в догадках, каким образом они еще не отморозили себе конечности. Под красивыми шлемами скрывались могучие челюсти — единственный открытый участок кожи. В остальном это были железные люди. Почему же тогда они стоят здесь, ничего не предпринимая, а он идет в гору за артефактом, пытаясь спасти Ругткорд? Неужели ни один из присутствующих в лагере не осознает, что победитель получит не земли и власть, а ответственность за оборону замков и городов от адрагонцев? Или это он слишком глуп, пытаясь совершить невозможное, пока остальные гуляют перед началом Великой Войны? Как жаль, что никто не способен ответить ему на эти и остальные вопросы прямо сейчас.

Погрузившись в подобные мысли и сомнения, Линур не замечал дороги, бродя между палатками. Возвращаться к Рафу он не спешил, временно предпочтя уединение и размышления о правильности выбранного им пути. Окруженный аристократией, Лир четко ощущал точность высказанного в его адрес Лорой определения — никто, пустое место. И смотря на происходящее вокруг, этот никто все больше осознавал, как сильно он заблуждался. Лир не умнее Императора, генералов и богатых родов, у него нет глаз по всей стране и ему неизвестно о причинах и итогах локальных боев в разных уголках Империи, но при этом он мчится спасать родную планету, пока все вышеперечисленные люди продолжают пить и радоваться жизни. У них все под контролем — им не нужны мнящие себя героями юнцы. Вместо бесполезных путешествий, парню следовало просто выполнять свою работу, принося урожай, который мог прокормить бы сотни солдат.

Заметив вдалеке очередного графа и его слугу, в который раз наливающего ему в стакан вина, Линур подумал, что, должно быть, у каждого человека в этом мире есть свое предназначение. Одним суждено работать в поле, другим защищать мирный народ со стен городов, а третьим держать бразды правления и совершать невообразимые до сего момента вещи. Не просто ведь так Ралафар получил желаемую способность, что поможет переплыть ему море и достигнуть другого материка. Однако что-то не сходилось в выводах Лира и

причину беспокойства он понял достаточно быстро — услышанный им разговор вернувшихся из патруля бойцов в таверне. Они не знают! Никто из них не знает наверняка, дела ли это рук адрагонцев или кого-либо еще. Сколько бы не ходило слухов и косвенных подтверждений, армии нужно железно знать, что это не они делают первый шаг и развязывают войну, а всего-лишь обороняют свой дом. Император боится Адрагона, как и любой другой человек, и ему еще пригодится помощь подобных Линуру энтузиастов.

Ледяная сталь на шее и неожиданно зажавшая рот кожаная перчатка настолько сильно испугали прогуливающегося человека, что тот закричал от неожиданности, лишь через пару секунд осознав, в каком удручающем положении он оказался.

Три пары рук крепко держали Лира сзади, пресекая любые попытки вырваться или позвать на помощь. Второй клинок больно впился ему в кожу в районе почек, отчего дергаться и сопротивляться стало не только больно, но и опасно для жизни.

— Советую не делать глупостей, куда не заимели колотое, — предупредил незнакомый голос позади. — Когда я отпущу вас, вы не станете кричать или убегать — ради своей же безопасности. Кивните в знак согласия.

Юноша не видел лиц угрожающих оружием людей и мог лишь предполагать, что это титулованные дворяне, которые хотят вызнать у него о планах князя и остаться в тени, ибо иного с парня не взять. Кроме, разве что, его жизни, но в таком случае церемониться никто бы не стал — он склонил голову.

— Бастард, сын Ралафара, — раздался второй, вкрадчивый и более высокий голос, когда Линур оказался освобожден. — Твой отец...

— Мы договаривались, — сдержанно произнес первый мужчина, перебив товарища. — Дураку понятно, что вы тут не за победой, сударь, а опытом и друзьями. Либеро расширяет свое влияние и не хочет рисковать законнорожденными потомками, а посему посылает вас. Мы ничего не имеем против вашей семьи и с радостью станем ее союзниками при необходимости.

— Поэтому приставили кинжал к моему горлу?

— До поры до времени участникам сговора необходимо действовать скрытно, дабы не запятнать свою честь, иначе затея обернется не только разжалованием многих дворян, но и новыми разногласиями между домами. Мы не можем просто так довериться вам.

— Вы хотите сотрудничества? — вызывающе спросил Линур. — Желаете видеть меня в рядах заговорщиков?

— Не делайте поспешных выводов, сударь, а внимательно слушайте.

— Этот регион долгое время был нестабилен, бессмысленная в глазах многих борьба между городами и семьями истощала здешние земли. Уже тогда Медии контролировали дорогу до Пондероса и всячески поддерживали армию оружием и продовольствием, но наслышанные о первом в своем роду Императоре Вермине Гладетис, которого в народе прозвали Вермин Щедрый, Лапидсы и Сальсы хотели занять их место, чтобы выслужиться перед правителем. Последний несколько лет наблюдал за развязавшейся между родами войной сложа руки, желая заполучить сильнейшего сторонника, наречь его князем и отдать под управление весь восток страны. Когда отметка погибших в битвах достигла десяти тысяч, Вермин вмешался, в пух и прах разгромил личные войска обоих домов, назвал их представителей предателями и в одночасье отобрал все, что у тех было. Медии же получили в награду за стойкость множество благ и обещанный титул. Какое-то время восток принадлежал им, но взошедших на престол по старшинству сыновей не устраивало, что одно

единственное семейство владеет сразу третью всех территорий Империи, опасаясь однажды его полного отречения. Таким образом вскоре над этими местами вновь воссияли гербы разных цветов.

— Этот турнир — последняя надежда Яра вернуть хоть какую-то часть могущества своих предков. У него имеется уговор с Даином Геммом, что в случае победы последнего он возьмет фамилию жены и после смерти отца, который сейчас номинально стоит у власти, начнет процесс объединения. Если же победа достанется кому-то другому, то Медио придет окончательный конец. Даин сильный боец и негласно главный претендент, но губернатор решил перестраховаться — поэтому мы сейчас здесь. Нам необходимо приложить все усилия, дабы Гемм выиграл.

— Разве это справедливо? — с легкой укоризной спросил Лир. — Вы извращаете всю суть соревнования, коль станете помогать или мешать кому-то.

— Прошу вас, будьте терпеливее и в этот раз дослушайте до конца! — с раздражением прошипел незнакомец. — В этом лагере имеется еще один искусный мечник — Харраф Фауд.

Фаудов юноша знал. Наравне с Либеро они легли в основание Империи, были первыми, кто предложил установить мосты между Ущельем и выделили для этого магов, что считались и до сих пор считаются одними из сильнейших представителей этого класса за все существование Системы. Несмотря на деградацию колдовства, это семейство и по сей день выпускает из-под своего крыла могущественных людей с уникальными способностями, что служат не только самому Императору, но и большому количеству домов.

— Победа Харрафа будет означать полную доминацию Фаудов, и занятие ими престола станет лишь делом времени. Безусловно Гладетисы не захотят отдавать власть, но им не хватит сил защититься, ибо многие губернии под влиянием выходцев этой семейки встанут на сторону последней. Если же Император Реираг начнет избавляться от многочисленных братьев, сестер, кузенов, кузин, племянников и племянниц Харрафа сейчас, то исход будет уже не столь очевиден, однако в обоих случаях грядет гражданская война, которая разорит государство и поставит его под удар Буревестников, Королевства и Царства. Единственное спасение — устранить Харрафа заранее, предотвращая смуту.

Линур взял немного времени на раздумья, пытаясь осознать, что пока он видел угрозу только со стороны Адрагона, над его страной повис ничуть не менее опасный Дамоклов меч, вот-вот грозящийся обрушиться на голову всему населению.

— Фауды не станут молчать и выдвинут обвинения, — высказал он очевидную вещь. — Что же вы хотите тогда предотвратить?

— Выдвинут — но кому? Яру? Другим родам, которых здесь пруд пруди? У них не будет никаких доказательств и их претензии сведутся максимум к плохой защите, но не заговору. Они не посмеют встать на путь войны.

— Не забудь рассказать про мутантов, — напомнил голос повыше.

— Здесь замешаны еще и мутанты? — Лир поразился сосредоточению интересов.

— У нас имеется информация о связи Харрафа и группы нелюдей неподалеку, которые зарылись в землю и не показывают оттуда носа. Не показывают, но при этом могут выступить в любой момент по сигналу. Люди губернатора поймали нескольких из них — двое висят у дороги, а остальных скоро ждет казнь. Харраф не глупый и понимает всю опасность своего нахождения здесь, поэтому, возможно, решил перестраховаться и в случае нужды сбежать под шумок.

— Вам нужны мечи, чтобы гарантированно разобраться с ним и его людьми, — подвел итог Линур. — Но почему я? Неужели Либеро ближайšie, к кому вы можете обратиться?

— В ваших же интересах помочь нам, сударь: вы обзаведетесь товарищами в лице нас и получите приятный денежный бонус от Медии. И все-таки вы не князь и не маркиз, а только бастард. Некоторым предлагать подобное оскорбительно и их попросту нечем подкупить, кроме мира и спокойствия.

— Предложение? — догадался парень. — То есть я могу отказаться?

— Конечно. — Мужчина позади улыбнулся. — но тогда мы заставим вас сохранить тайну.

— Как все будет происходить? — поняв, что выбора как такого нет, спросил Лир.

— Завтра на пиру не напивайтесь и внимательно смотрите по сторонам. Один из нас пройдет мимо и слегка коснется вашего левого плеча. Вы должны будете выждать минуту, после чего встать и покинуть тронный зал, за дверями которого вас уже будут ждать сообщники. Также советую взять хоть какую-то ткань закрыть лицо, чтобы не подставляться в случае обнаружения посторонними или неудачного покушения. И последнее, пусть это и очевидно, в случае, если вашим противником окажется Даин, поддайтесь. Несомненно он обойдет вас и так, но сохраните ему силы для более серьезных поединков. Теперь сделайте одолжение и не оборачивайтесь еще десяток секунд после того, как мы уйдем. И не болтайте лишнего, сударь, иначе я лично настигну вас, где бы вы не прятались.

За спиной звякнул металл, и быстрые удаляющиеся шаги почти сразу затихли. Линур простоял еще несколько минут, смотря в одну точку и думая лишь о том, что еще вчера он собирался рубить адрагонцев, а завтра уже станет насаживать князя на собственный клинок.

Раф неподвижно сидел на спальнике скрестив ноги и смотрел на вылетающие из огня искры. На его коленях лежал обнаженный меч.

— Ты задержался, — не повернув головы, констатировал он. — Кто с тобой разговаривал?

— Я заплутал и долго не мог найти дорогу в темноте до шатра. — одновременно и соврал, и сказал правду Лир. — А еще меня попытались отговорить от участия в турнире.

— Кто?

— Подчиненный Яра, который составляет списки. Он посчитал, что бастард не может составить конкуренцию законнорожденным детям, но все ограничилось советами — завтра я еду в замок.

— Не обманывай меня, Линур! — Князь поднялся и подошел к нему вплотную. — Быть не может, что никто не пытался подобраться ко мне.

— Не сомневаюсь в твоей правоте, однако те, кого ты подозреваешь, выбрали иной путь, нежели использование меня.

— Что они сказали тебе?! — Ралафар сорвался на крик. — Что я какой-то бездушный бес, готовый на все ради собственного благополучия? Что моральный урод с далекими от благородства поступками? Да, я не святой, но укажи мне хоть на одного, кто мог бы здесь таким похвастаться.

— Раф, ты параноишь.

— Я взял тебя с собой, дал коня и слово провести через Ущелье, но ты все равно предаешь меня! Что они пообещали взамен? Помощь в нахождение четверки или сразу поисках артефакта? И ты поверил?

— Я не лжец! — не выдержал юноша. — Никто не сможет предложить мне сверх того, что уже предложил ты.

— Деньги. — Раф показал зубы. — Тебя подкупили деньги. Ты оставил свою мечту ради железок!

— Заткнись! Еще одно обвинение и я больше не стану терпеть эти унижения. — Мужчина молча поднес лезвие к горлу товарища. — Ты не дурак, Раф, ты настоящий идиот.

Оттолкнув князя плечом, Лир вытащил собственный меч, надеясь образумить спутника, однако последний озверел от этого пуще прежнего. Его обычно аккуратно уложенные волосы растрепались, и из-под нескольких упавших на лицо локонов смотрели глаза хищника — ярость в темных очах пылала обжигающим огнем, а рука сжимала эфес до белых костяшек. Парень понял, что он убьет его.

— Тебя нельзя было брать с собой. Обычный мальчик-крестьянин, никогда не набивавший вволю желудок и не напивавшийся вдоволь вином, слишком подвержен соблазну. Стоило лишь поманить пальцем, и ты уже позабыл о протянутой мною руке помощи. Нет у тебя чести!

Тьма сгустилась вокруг Линура, и он пошатнулся, почти потеряв равновесие. Злоба настолько сильно овладела им, что всего через секунду, в момент, когда пелена сошла, его взгляду предстал уже защищающийся Ралафар. Удар оказался яростным и сильным — вибрация от встретившего сталь клинка прошла по всему телу. Дорогое оружие аристократа заиграло тусклым красным цветом, но последовавший без промедления второй удар тут же

изменил его на еле заметный оранжевый.

Крики и звуки борьбы были слышны на десятки метров вокруг, однако пьяные голоса поющих в лагере людей заглушали их, оставляя сошедшихся в дуэли товарищей на растерзание друг друга. Вошедший в кураж юноша не мог остановиться и продолжал беспрерывно рубить, заставляя меч противника переливаться цветами радуги: желтый сменился зеленым, за ним последовал голубой, ставший предшественником синего, и, наконец, округу наравне с костром озарило яркое фиолетовое свечение. Раф сделал шаг назад, впервые уклонившись от просвистевшего перед носом лезвия, взмахнул Цветовлаской и обрушил всю доступную ему мощь на Лиру — поставленный стальной блок разломился надвое.

Полными ужаса глазами Линур наблюдал, как на землю поочередно упали сначала черенок с гардой, а затем острое с рассыпающимся на части клинком. Все еще острые, но отныне не годящиеся ни на что толковое куски оружия, смешавшиеся с землей, не только лишили парня единственного средства обороны, но и поставили крест на его не успевшим начаться участие в турнире. Он медленно поднял взгляд.

На лбу князя выскочили капельки пота, намочив концы волос. Тот стоял неподвижно, одной рукой держа ставший обыкновенным меч, а второй готовясь применить способность. Проявившиеся на лице спутника спокойствие и хладнокровие напугали пришедшего в себя Лиру — он не смел двинуться, ожидая развязки и не спеша продолжать атаку хотя бы потому, что кроме запаса маны у него ничего не осталось. Выжидал и Ралафар.

Над деревьями пролетела ворона, громко и протяжно закаркав. Словно очнувшийся ото сна мужчина убрал сверкающую бликами от костра сталь в ножны, пригладил испортившуюся прическу и выудил из кармана всегда находящуюся там пачку бумажонок. Дым заполнил его легкие, но Раф не прикрыл глаза от ударившего в голову табачного никотина, как делал это обычно, а продолжил внимательно наблюдать за Линуром. Прошло не менее пяти минут, прежде чем окурок полетел в пламя. Отхаркнув скопившуюся во рту слюну, князь молча развернулся в сторону леса и медленно потопал вглубь зарослей, куда не дотягивался свет.

Как только фигура полностью растворилась во мраке, Лир с досадой осмотрел обломки верного клинка. Последний не успел сослужить ему долгую службу, но без привычного наворачивая под левой рукой чувствовать себя в безопасности парень уже не мог. Аккуратно собрав крупные осколки воедино, стараясь при этом не порезаться, он сложил их у своего спальника, полагая, что те еще могут ему пригодиться. Рукоять же с уцелевшим лезвием длиной всего пятнадцать сантиметров он положил рядом с собой — оно даровало ему пусть и ложное, но все же ощущение защищенности.

Разыгравшийся после прогулки аппетит улетучился, словно того и не было — юноше ничего не оставалось, кроме как сесть в одиночестве на пенек, уставившись в никуда, и погрузиться в перебивающие друг друга мысли. Ралафара он не боялся ни раньше, ни сейчас, с самого начала понимая, что при желании или необходимости тот играючи расправится с ним. Куда страшнее было бы промолчать в момент, когда твои честь и достоинство унижают, а тебя самого клеймят предателем — Линур предпочтет гибель, нежели добровольно будет оконут в дерьмо с головой.

О причинах опрометчивости и безрассудности Рафа, вспоминая его состояние последние дни, догадаться было несложно — в лагере присутствует некто, кто пугает товарища пуще смерти, заставляя совершать его сумасбродные вещи. Пришедшие на смену

надежности и продуманности князя эмоциональность и поспешность могут погубить и его самого, и подобранного им по пути парня.

Выждав с полчаса, Лир оставил костер тлеть, чтобы тот согревал землю еще какое-то время, а сам улегся поближе к углям и закутался в теплый самодельный спальник. Он собирался дожидаться Ралафара, но совсем скоро сон взял свое, забрав вместе с собой и все переживания человека. В этот момент между стволов деревьев, метрах в двадцати от места привала, вдруг треснула ветка и темный силуэт, шурша пологими одежды, быстро пошел в сторону лагеря.

Линура крутил меч в руках и все никак не мог смириться с мыслью, что тот может быть одновременно как легким и удобным, так и невероятно красивым. Албус был сделан из качественной стали, длина его клинка достигала восьми с половиной десятков сантиметров, а рукояти еще пятнадцать. Это немного длиннее предыдущего оружия юноши, однако идеальная балансировка компенсировала различие в размерах и позволяла ему чувствовать себя комфортно с новым оружием с самых первых секунд. Эфес украшался белой гравировкой по серебру, изображающей красивые узоры в виде вихрей и тянущихся вверх наподобие ростка тонких лучей белоснежного света; гарда была короткой и представляла из себя семь плотно переплетающихся между собой гладких сзади и выступающих зубчиками спереди прутьев, заканчивающихся с обеих сторон острыми наконечниками; рукоять вместо привычной обмотки из кожи состояла из металла внутри и темного дерева снаружи, не натирая ладонь и не выскользывая из рук во время использования. Последней и вместе с этим самой заметной деталью стало шестиугольное навершие с не пропускающим свет белым драгоценным камнем в центре, грани которого переливались под яркими лучами светила.

Помимо всего прочего оружие являлось артефактом, что поразило Лира до глубины души, ведь он никогда прежде не держал в руках магический предмет. Даже в самых смелых мечтах ему не могло почудиться, что он когда-нибудь станет обладателем настолько дорогой вещи. Сомнений быть не могло: оставленный у спальника меч однозначно предназначался для Линура, ибо на нем нет привязки, как нет и владельца. Волнение, охватившее парня с головой, заставляло его сердце биться чаще, а руки подрагивать. «Свой артефакт. Со способностью. С возможностью возвращения из любого уголка Рутткорда обратно к владельцу. Это просто немыслимо!» — не мог поверить в столь сладкую правду Лир.

Черные ножны с искусным белым рисунком рвущихся вперед двух коней и создаваемых ими потоков ветра уже висели на поясе, а удобная рукоять лежала в ладони юноши. Он собирался потратить всю ману на привязку прямо сейчас, но переживал остаться с пустой шкалой на долгое время прямо перед поездкой в замок и вовсе не выдержать силу артефакта. Детишки любят пугать друг друга страшилками о том, как матерые воины завоевывали в турнирах и битвах лучшие клинки и луки, но спрятанная в оружии неукротимая мощь не поддавалась даже сильнейшим и сводила их с ума, превращая в кровожадных безумцев или беспомощных дурачков. Однако в отличие от многих других сказок, рассказанных под ночным небом, эта являлась чистой правдой, ведь Рутткорду давно известно, что процесс внедрения артефакта в Систему человека определяет, кто в связке станет головой, а кто — руками.

Облизав сухие и потрескавшиеся губы, Линура напыщился и закрыл глаза, безуспешно пытаясь успокоиться, перехватил рукоять и, наконец, решился, влив в меч все до последней

капли. Многочисленные звуки природы тут же пропали, а воздух будто стал легче. Лира охватила легкая эйфория, и он вдруг стал видеть детали, которых раньше совсем не замечал: обычный лесной цвет теперь пестрил со всех сторон зеленью, очаровывая и завораживая, множество насекомых бесшумно пролетали мимо, спеша в родной улей или к привлекающим их пылью цветочкам, а теплые лучи с неба ласкали кожу, чуть ли не заставляя под ними извиваться. Длилось это всего несколько мгновений, затем сменившись на усиливающуюся с каждой секундой головную боль и заполняющей все вокруг непроглядную черноту. Последняя приближалась, как цунами, собираясь накрыть собой все живое, вырвав по пути самое могучее дерево с корнями, разрушив самую высокую гору и стерев с лица планеты самого Императора, забрав с собой и всю его Империю. Когда давление на череп достигло предела, а тьма уже касалась парня, пространство вдруг схлопнулось, чтобы тут же выплюнуть Линура обратно в реальность.

Припав на колени, он почувствовал переливающуюся через край энергию внутри себя — подчиненный артефакт насытил владельца до предела. Юноше хотелось прыгать и бегать, незамедлительно начать поединки на турнире и прямо сейчас сразить всех адрагонцев до единого. Но вместо этого он оставался на месте, сдерживая рвущуюся наружу прыть и смотря на протянутую руку. Приняв помощь, Лир поравнялся с находящимся в замешательстве князем.

— Почему ты еще здесь? Претенденты вот-вот отбудут — тебе стоит поспешить.

— Раф, вчера меня подкараулили и пытались втянуть в заговор против Харрафа Фауда, — затараторил Линура, спеша все рассказать. — Они хотят убить его и помочь Геммам выиграть турнир. С их слов, это спасет Империю от ужасной войны между домами, ставящей под угрозу существование и целостность нашего государства. Я молчал, ибо боялся, что нас подслушивают.

— Что ты хочешь у меня спросить? — безучастным голосом спросил Ралафар.

— Я не уверен, что заговорщики сказали мне правду. Я не знаю, стоит ли им помогать или наоборот, необходимо помешать и предупредить Харрафа об атаке. Что мне делать? Ты осведомлен об отношениях между семьями намного лучше меня — какой дашь совет?

Раф раздумывал недолго.

— Делай так, как будет лучше. Обмозгуй в первую очередь какими последствиями это обернется для тебя, и стоит ли результат принесенных жертв. Но чтобы ты не выбрал, это не начнет войну, как то преподнесли, а лишь увеличит шансы на ее начало. Или уменьшит.

— Тебе совсем начхать на судьбу Империи? — поразился Лир. — Ты можешь подсказать мне точный следующий шаг, после чего я приму верное решение вместо броски костей в надежде на успех, но почему-то предпочитаешь говорить загадками.

— Я боюсь брать ответственность. Переплетение связей и накалившиеся до предела страсти между родами не позволяют предвидеть ни самому лучшему стратегу, ни канцлеру, что за события произойдут в ближайшем будущем. Я могу ткнуть пальцем в небо и сказать желанные тобою слова, но это будет ничуть не объективней твоего собственного решения. Вот он, мой вклад. — Князь указал на новый меч. — Тебе осталось лишь им распорядиться.

Запрыгнув в седло, Линура хлопнул жеребца по бокам и помчался в лагерь. Из-под копыт вырывались клочки земли и грязи — при каждом движении по округе разносился звук стучания амуниции коня. Лиру предстоит тяжелый выбор, который сделать наугад ему не позволят любовь к своей стране и желание для нее самого лучшего. А коль Ралафар не знает верный путь, парню придется визнавать его у других высокородных фигур самостоятельно,

проявляя осторожность. Времени у него совсем мало, однако наблюдательность скажет ему многое — истина кроется в деталях.

В месте сбора творилось столпотворение, состоящее из подчиняющихся губернатору и носящих его герб всадников, титулованных людей в элегантных одеждах верхом на конях, их множества слуг, а также зевак, приехавших поглядеть на бои между людьми, которые для них заместо богов. Находился здесь и сам Яр Медико в окружении гвардии, лично приветствующий участников турнира. Его длинные седые волосы завивались у ушей, а белые бакенбарды и отросшая щетина скрывали второй подбородок. Нависшие веки выдавали в князе старого и уставшего человека, давно мечтающего навсегда отрешиться от политических игр и отправиться на покой в тихое и умиротворенное место.

Среди дворян Линур был белой вороной, собирая на себе десятки взглядов: разодетые в дублеты разных цветов и с вышитыми на них гербами аристократы смешались между собой, сверкая украшениями и красуясь позолоченной одеждой, пока юноша в обычных черной накидке и штанах стоял особняком от них. Аккуратно подстриженные и вкусно пахнущие статные красавцы разглядывали нескладного по сравнению с ними крестьянина, удивляясь его присутствию среди претендентов и даже побаиваясь храбреца, рискнувшего бросить им вызов. Лир держался достойно, хотя внутри него полыхали эмоции — любое неуместное действие или слово сейчас поднимет его на смех, перечеркнув все серьезность его намерений на данном мероприятии.

— Таки прибыли, сударь, — встретил Линура распорядитель мягкой улыбкой. — Я до последнего думал, что вы блефуете, однако вам хватило смелости замахнуться на такую награду. Или дурусти, уж извините.

Мужчина поставил галочку в самом низу списка напротив имени Лира, который оказался последним прибывшим, и передал пергамент Яру. Тот опустил глаза и пробежался по строчкам, после чего, приподняв лохматые брови в удивлении, оценил стоящую перед ним фигуру с медленно набирающими длину черными волосками на голове.

— Бастард Либеро, никак не мог предвидеть присутствия вашего семейства в моих владениях. — Губернатор был немного выше «бастарда» и смотрел на него сверху вниз, как и полагает статусу. — Я надеюсь, ты меня порадуешь своими искусными навыками боя и сразишь пару заигравшихся богачей, что мозолят мне глаза своими цветами?

Юноша почувствовал, как по спине у него побежали мурашки — князь знает, что отпрыск Рафа замешан в сговоре. Сговоре, который нацелен помочь Медико.

— Я не упущу возможности дать вам насладиться зрелищем, Ваше Сиятельство.

Яр зашелся смехом, отчего его раздутое пенными напитками пузо затряслось.

— Ты мне уже нравишься, мальчик — не подкачай на поле боя.

Как только всадники рассредоточились, а обыватели были прогнаны с дороги, колонна, состоящая из более сотни людей, двинулась. Во главе ехал губернатор вместе со своими лучшими мечами, переговариваясь с распорядителем о чем-то важном; по бокам вдоль всей вереницы шли копейщики, защищая аристократию то ли от внешней угрозы, то ли от возможных конфликтов между участниками турнира; последние находились посередине, растянувшись на несколько десятков метров — многие из них являлись товарищами и поэтому сбивались в пары или небольшие группы, обсуждая что-то между собой и не желая быть услышанными лишними ушами. Другие же восседали в седле в гордом одиночестве, не имея здесь знакомых или предпочитая оставаться наедине с собой.

Линур с радостью перебросился бы парой слов хоть с кем-то, но он совершенно не знал,

с чего начинать разговор, а посему просто разглядывал присутствующих. Большинства знамен Лир все также не узнавал, но зато ему удалось заметить герб Фаудов и самого Харрафа. На развевающейся по ветру чернейшей ткани было изображено бесформенное облако цвета пурпура разных оттенков с белыми вкраплениями, что означало сконцентрированную в выпущенном заклинании ману. Пурпурный цвет, наравне с фиолетовой кистью семьи Датара, говорил о невероятном богатстве рода, который может тратить огромные деньжища только лишь для поддержания статуса в глазах людей. Именно поэтому Харраф — высокий темноволосый мужчина с густой бородой, — был одет в роскошный даже по сравнению с остальными дворянами костюм.

Легкая кожаная броня аналогичных знамени цветов имела тонкие вставки темного дуруса на плечах, груди и у запястий. Украшенный драгоценными камнями пояс сиял и позвякивал скрытыми колокольчиками, а широкие черные штаны с маленькими золотыми звездами развивались по ветру, прилегая лишь у колен и сбоку ляжек благодаря металлу, дарующего защиту ногам. Из закрепленных на лошади ножен для меча торчала внушительная белая рукоять из кости с застывшими синими молниями внутри, сужаясь к навершию в виде острого наконечника.

Наряд, каким бы тот не был изящным, не мог скрыть могучее тело Харрафа — Линуру подумалось, что, даже имея численное преимущество, заговорщикам придется очень несладко в бою с отпрыском Фаудов. А уж кем должен быть Даин, чтобы являться главным претендентом на победу — боялся и представить.

— Добрый день, Линур! — сбоку появился всадник со столь же прекрасной гривой, как у белоснежного коня под ним.

— И вам того же, Луман. — Лир не мог не вспомнить имя утонченного блондина, который встретился им с князем днем ранее. — Вчера вы сказали мне не приближаться, а сегодня хотите вынудить еще и бегать от вас?

— По лагерю удивительно быстро распространяются слухи — они и заставили меня изменить свое мнение. Вы бастард Ралафара, не так ли?

— Это вовсе не слухи, а общеизвестный факт, — врать во второй раз оказалось уже легче. — Не устраивайте драму на ровном месте.

— Вы называете это драмой? — Лу не сдержал широкой улыбки, чуть не доставшей ему до ушей. — Я не настолько глуп, чтобы верить в эту брехню. Раф и его бастард, которого он выводит в свет в личном сопровождении. Очень уморительная история.

Ухмылка не сходила с его тощего лица: Луман был худым и вытянутым мужчиной, но за счет широких плеч и прямой спины казался больше. Тонкие пальцы убрали локоны длинных волос за уши, и насмешливое лицо исчезло, отвернувшись.

Семейство Лун имело на гербе преимущественно красного волка с черной окантовкой на серебряном фоне, олицетворяющего их воинственность: если остальные роды занимались еще другими видами деятельности, помимо воспитания первоклассных бойцов, то далекие предки Лу были заинтересованы в одних лишь сражениях. Именно поэтому развивающаяся на ветру мантия представлялась Линуру некогда выпущенной Луманом кровью его врагов, которая теперь напоминает владельцу о великих и не очень битвах — он носил ткань с невероятной грацией и торжеством.

— Вы плохо знаете Ралафара. — Лир не испугался возникающих в голове ассоциаций. — Должно быть, раньше вас что-то связывало, но это время прошло.

— Сколько бы лет не миновало, а наш дорогой князь все останется таким же. Будь ты

взаправду его сыном, то обязательно знал бы это. — Блондин недоверчиво посмотрел на Линура. — Непонятно мне лишь то, зачем Раф так долго убегал от прошлого, а сейчас решил вновь сорвать корку только недавно затянувшейся раны. И его нужда в вас, сударь, тоже неясна. Пусть это и единицы, но у Ралафара имеются доверенные лица, однако он предпочел именно вашу компанию — никому неизвестного человека. Оглянитесь вокруг. Заметили, как на вас смотрят? С осторожностью и опаской. И правильно делают, ведь нет страшней того врага, о котором ты ничего не знаешь. Что вы выкинете, как поступите и какой силой обладаете? Вы темная лошадка. Учтите, Линур, таких обычно выводят из строя еще до начала турнира, дабы не рисковать.

— А вы сами-то не страшитесь меня? — Лир решил давить на единственное место, которое смог усмотреть. — Играя с огнем, можно обжечься.

— Мы еще обязательно с вами поиграем на арене, сударь. Если, конечно, доживем. В лагере много волнений, нити заговоров переплелись между собой, и рано или поздно они со звоном порвутся. Запомните, что мы сидим на пороховой бочке, которую вы самолично подожжете, если станете делать глупости.

— Хотите, чтобы я уехал?

— И забрали Рафа с собой. Уговорите его отпустить мертвых и перестать измываться над их памятью. Содеянного не воротишь.

Ударив поводьями коня, Луман умчался вперед.

Каменный замок уходил на много метров ввысь, достигая пиками башен невероятных высот, отчего Лир, стоя с поднятой головой у величественных ворот, чувствовал себя блохой. Непрístupные стены из серых блоков, перед которыми расположился глубокий ров, на вершине являлись отвесными, защищая губернатора от штурмов при помощи лестниц и крюков. Однако такой выбор влек за собой использование более пластичных и хрупких материалов — тяжелые орудия и объединившие свои усилия маги при необходимости смогут разрушить защиту массивным ударом.

Форма строения представляла из себя треугольник, на каждом углу из которого выросло по одной идентичной двум другим башенке, в то время как в центре расположилась еще одна, внушительных размеров. Поддерживаемая фасадом с вимпергами и тимпанами над арками черная черепица накрывала просторные помещения замка, выдерживая его готический стиль. Между контрфорсами находились огромные разноцветные витражные окна, а со стороны зеленого сада были уложены прогулочные дорожки под аркбутанами. Но больше всего Линура впечатляли сидящие на балконах и выступах гаргульи — скульптуры застывших существ, что в последний момент жизни успели расправить крылья и угрожающе открыть пасть в попытках отогнать неприятеля. Они пробуждали в глубине души страх, но в то же время завораживали и добавляли зданию изыска.

Мрачность и загадочность жилища пришлись Лиру по нраву. Миновав главные стены, он вместе с остальными претендентами проехал мимо нескольких зданий ремесленников, где они оставили коней, и попал в донжон через еще одни ворота. Огромный холл с ведущими на второй этаж широкими лестницами тут же наполнился эхом разговоров гостей и криков командующих гвардией, что стояла у стен через каждые два метра. Убранство было столь богато и выразительно, что юноша никак не мог оторвать глаз от висящей высоко над головой огромной люстры, украшенных узорами перил и бронзовых статуй причудливых существ и храбрых воинов.

Когда холл остался позади, аристократы прошли через длинный коридор с узкими, но растянувшимися почти от самого пола и до потолка цветными окнами, которые даровали помещению много света и затейливые узоры, коль лучам светила на небе ничего не препятствовало. Нарядившиеся в свои лучшие костюмы богачи в такой обстановке выглядели немного несуразно и казались лишними среди царствующих в замке дорогой древесиной и камнем. Тем не менее несколько дворян явно знали, в какое место их приведут, и оделись куда скромнее остальных, преимущество в темные тона. По чистой случайности в их число входил и Линура, отчего чувствовал себя намного увереннее, чем прежде.

За коридорчиком следовала невероятных размеров гридница, которая уже была подготовлена для проведения пира в честь открытия турнира. Гости тут же рассосались по залу кто куда, и Лир смог не спеша рассмотреть все вокруг в мельчайших подробностях. В первую очередь ему бросились в глаза развешанные на стенах огромные полотна с гербами присутствующих семейств — он сомневался, что места хватило для всех, но эмблемы как минимум крупнейших родов украшали помещение своими цветами. Посередине стоял накрытый бордовой скатертью длинный деревянный стол, уставленный серебряным сервизом: каждому человеку предназначались тарелка, ложка и двузубая вилка, большой и чуть поменьше бокалы, а также полотенце, чтобы вытирать руки. На нем же расположились

и закуски в виде салатов, колбас, крутых яиц, буженины, пирогов, хлеба, солений, свежих овощей, паштетов и соленой сельди с луком. В качестве выпивки на выбор предлагалось вино и квас в двухлитровых кувшинах, что отличались друг от друга одной лишь формой.

В другом конце гридницы, напротив входа, на двадцатисантиметровом возвышении находился еще один стол, рассчитанный всего на троих: самого Яра Медио, мужчину, которого Линур прозвал распорядителем, и непосредственно главное украшение и одновременно с этим главный приз всего мероприятия, дочку губернатора. Последней пока видать не было, но Лир знал наверняка, что она совсем скоро предстанет перед собравшимися гостями во всей красе.

Между первым и вторым столом, как несложно догадаться, стояло идентичное двум предыдущим предметам мебели деревянное изделие, предназначенное для столь важных персон, как Даин Гемм и Харраф Фауд. Всего Лир насчитал девять или десять стульев.

К потолку, высота которого достигала десятка метров, при помощи прочных железных цепей крепились три громадные железные люстры, рассредоточенных таким образом, чтобы равномерно освещать весь зал. Украшались они закругленными вниз элементами в виде лепестков и маленькими белыми камушками, поблескивающими в свете свечей. Дабы темнота не добралась и до углов, на стенах также были развешаны лампы с внушительными свечами из пчелиного воска внутри — они горели не только долго и ярко, но и источали приятный аромат.

Стольники в красивых черно-красных одеждах без конца сновали туда-сюда, принося все новые и новые блюда и исполняя любую прихоть уважаемых гостей. Каждый из них был ухожен, вкусно пахнул и не переставал улыбаться — атмосфера высшего общества завораживала юношу и поражала его до бабочек в животе.

Тем временем большинство аристократов уже расселись на стулья, поэтому Линур поспешил занять себе место получше, не горя желанием оказаться в самом конце стола. Знакомых семей и тем более их представителей рядом с ним не было, посему он, взяв пример с остальных, налил себе немного вина и наложил в тарелку сразу несколько блюд — всего по чуть-чуть. Его рот тут же наполнился слюной в предвкушении доселе не испробованной еды, даже подумать о которой раньше было сродни безумию. Когда лакомый кусочек буженины растаял во рту, Лир закрыл глаза от удовольствия и почувствовал легкое головокружение — настолько это оказалось вкусно.

Для его семьи свежее мясо всегда являлось чуть ли не роскошью, баловать себя которой ее члены могли лишь по праздникам. К тому же Линур только сейчас осознал, что хоть и видел на протяжении всей жизни в матери хорошо умеющую готовить женщину, которая вкладывает тонну любви в каждый достающийся кровью и потом кусок баранины, однако сделать нечто подобное ей не удастся и до конца своих дней. Глотнув сладкого вина, Лир принялся пробовать все подряд, при этом стараясь оставить место в желудке еще и для горячего.

Пока за большим столом маркизы, графы и бароны разговаривали и смеялись, обсуждая предстоящие бои и знакомство с дочерью Яра, между сидящими обособленно от остальных князьями и парой маркизов повисло напряжение, исходящее от Харрафа и Даина. Они оба знали, что победа на турнире принесет им не просто деньги и славу, а, что куда важнее, изменит будущее Империи в их пользу. Все эти прелюдия и хороший тон боярам были ни к чему — они готовы сразиться немедленно.

Единственный, кому не было никакого дела до поедающих друг друга глазами мужчин,

оказался Лун, уплетающий закуски за обе щеки.

— Восхитительная селедка! — утерев рот полотенцем, воскликнул он. — Гимми, попробуй!

Смущенный Гиммирдий попытался жестами показать, что сейчас совсем не время, но Лу настаивал:

— Брось, Гимми, тут нечего стесняться, — он наложил ему в тарелку немного рыбы и кусочек пирога. — Это все для нас!

— Будь сдержаннее, Лу, — сделал ему замечание Даин, — мы собрались здесь для важного дела, а не на праздник.

— Бои начнутся только завтра, а до того времени — извини, но я не собираюсь портить пир будущей невесте своей кислой рожей.

— Когда-нибудь ты договоришься! — принял Харраф слова князя на свой счет, хлопнув ладонью по столу.

— Коль вам так не терпится, то устройте дуэль прямо сейчас, — предложил Лун, играя бровями. — Только не забудьте, что на турнире собрались и другие отличные воины.

— Кто? — в один голос спросили главные претенденты на победу, сойдясь хоть в чем-то.

— Я, например, — Лу выпил наполненный вином бокал, нарочно громко причмокнув.

— Тебе напомнить последний раз, когда мы скрестили мечи? — наконец расслабился Даин, наливая себе кваса. — Ты был в одном движении от потери головы, а мне оставил лишь пару ссадин.

— Два года миновало с тех пор. Тянуться к лучшим всегда проще, чем совершенствоваться, уже будучи им. Можешь недооценивать меня, но это обязательно сыграет с тобой злую шутку в ближайшие дни. Теперь все посмотрите вон туда, в середину стола. Видите там паренька в черном?

— Деревенский мальчуган в обносках? — нахмурился Харраф.

— Это бастард Либеро.

— Либеро испокон веков были лучшими кузнецами, а не мечниками — они никому из нас не соперники. И уж тем более бастард.

— В том и дело, что Ралафар, его якобы отец, не тот мужчина, что будет спать с кем попало и оставлять семя в простушке. А зная, с каким неуважением он относится к бастардам, неприкрытая ложь становится очевидной.

— Ты верно рассуждаешь, — не поднимая глаз, принял участие в разговоре Килан Омилиум. — Я знал Рафа лучше твоего и ручаюсь, что убогих и нищих он не трахал, а к достойным никогда не возвращался. Бастарда у него быть не может, — он залпом выпил полный бокал красного вина, — а жаль. Я бы с превеликим удовольствием размозжил его родную кровь своим каблуком.

Оставив высказывание Килана без комментариев, Лун продолжил мысль:

— Ралафар взял неизвестно кого и пытается выдать его за собственного бастарда, тем самым пропихнув на турнир. Какие цели он преследует, и кто этот малый, что заслужил быть здесь? Вы глупы, если вас теперь не тревожат эти вопросы.

— Ставлю платину, что этот сопляк дальше второго тура не пройдет, — щедро оценил способности Лира Харраф, — а значит переживать мне не о чем. Семейкой же Либеро и их планами пусть себе голову забивает Килан — это в нем до сих пор горит месть за предательство.

— Пожалуй не стоит так спешить с выводами, — сердце упомянутого мужчины больно кольнула давняя утрата, но он не выдал эмоций. — Раф ни разу даже не пересекся со мной после того случая, так зачем ему приезжать выяснять отношения сейчас?

Ухмылка исчезла и с лица Даина, когда к нему пришло осознание всей неоднозначности присутствия ободранной вороны среди важных аристократов.

— Лу, каковы твои предположения? Как далеко может зайти ненастоящий бастард?

— Я не собираюсь рисковать, поэтому хочу предложить вам немедленно убрать его из уравнения любыми способами. Меня очень позабавит посмотреть на ваши лица, когда вы падете от меча Линура, но даже такое сладкое представление того не стоит.

Блеснув глазами, Кил вдруг изменился в лице, что-то заподозрив.

— Лу, Лу, Лу, — вкрадчивым голосом подобрался он к тому, — зачем ты это делаешь? Раф всегда был твоим товарищем: всем известно, как вы безвозмездно помогали друг другу во всех начинаниях, а в бою стояли плечом к плечу, даже если отношения между вашими семьями в то время оставляли желать лучшего. Почему теперь ты столь ярко подговариваешь нас погубить его затею?

— Мне обязательно все разжевывать для тебя? — возможность увидеть раздраженного Луна его окружению представлялась крайне редко, однако сейчас это был именно тот случай. — Есть три варианта развития событий. В первом побеждаешь ты, Харр, и тогда, ни для кого это не секрет, между Фаудами вместе с их сторонниками и Императором развернется война. Не сразу, но не пройдет и половины десятилетия, как революционные настроения охватят нашу страну, и тогда она захлебнется в крови. Не всех устроит такой расклад, однако многие даже за этим столом уже давно жаждут свергнуть Гладетисов и не боятся говорить об этом вслух. Во втором варианте верх одержит кто-то другой, будь то любой маркиз и индивидуумы титулом ниже, маленькие и средние дома или тот же бастард Либеро. В разной степени, но для Императора это будет означать потерю верного союзника, что значительно ослабит его власть сначала на Востоке, а потом и в остальных регионах. Семейство Харрафа в этом случае аналогично предыдущему попытается захватить трон, но в этот раз кампания, скорее всего, затянется на годы и опустошит казны государства и многих родов. Будет славно, если в итоге мы не превратимся в захваченные Королевством или Царством земли. Это худший исход, к которому, тем не менее, некоторые личности упорно стремятся, считая себя способными при помощи земель и ресурсов губернатора Яра усилить Фаудов или Императорскую семью в соответствии верности одним из них. Последний и одновременно лучший лично для меня вариант — победителем становится либо Даин, либо я, объединяя Медии и Геммов или Луманов соответственно, тем самым получая возможность оказывать поддержку престолу не только металлами, минералами и другими полезными ископаемыми в случае Даина и множеством высококвалифицированных воинов в моем, но и продовольствием. Фауды будут обречены на провал в случае войны, однако и без нее потеряют почти все. Если коротко, то интересы Ралафара в отношении турнира меня абсолютно не интересуют, когда дело касается будущего всей Империи.

Разговор прервал Яр, громко стучащий по дереву золотым перстнем с черным опалом, привлекая к себе внимание. Когда голоса стихли, а слуги замерли, он начал вступительную речь густым басом, разносящемся по всей гриднице.

— Еще раз радушно приветствую всех собравшихся в этом доме и благодарю вас за преодоление столь дальнего пути, дабы сегодня здесь оказаться. Это великая честь для меня принимать столько разношерстных знамен под одной крышей одновременно — я не

покупились и сделал все возможное, чтобы турнир прошел гладко и зрелищно, — губернатор поправил высокий воротник украшенного красивыми орнаментами и драгоценными камнями кафтана. — Совсем скоро я представлю вам свою прекрасную дочь. Вне всяких сомнений, каждый из претендентов заслуживает стать ее мужем, который будет ухаживать, оберегать и любить мою Фею. Все вы — герои сражений, защитники своих матерей и отцов, жен и детей, искусные бойцы и мастера в своей отрасли. Однако я человек старый и с каждым днем теряю всю ту былую мощь, что была присуща мне в молодости, более не имея возможности оберегать своего единственного ребенка в полной мере. Эту ответственность должен взять на себя мой будущий зять — лишь победа над лучшими среди лучших убедит меня в его достоинстве такой награды и наличии способностей уберечь супругу от любых угроз.

— Наконец, после дороги до замка и скромного баловства едой перед горячим, я готов познакомить вас с главной драгоценностью, что у меня только есть!

Яр подал сигнал слуге позади себя открыть еле заметную дверь, из которой несколько минут назад вышел он сам — петли протяжно заскрипели, отворяя проход в следующее помещение, на пороге которого уже стояла молодая девушка. Виляя широкими бедрами больше нужного, она грациозно прошла несколько метров и остановилась рядом с отцом. Два аккуратных светлых локона близ ушей еще покачивались после движений, щекоча ее белую кожу и едва закрывая серые глаза; тонкие брови и маленький нос молодили Фейниль лет на шесть, из-за чего дать ей больше шестнадцати было нельзя.

Нарядили княжну в соответствии с невинностью той: прямое платье белого цвета с почти достигающими пола пологими могло похвастаться кровавой бармой с бляшками в качестве украшения и стоячим кареобразным воротником с золотой вышивкой и шелком на нем. Рукава одеяния представлялись узкими и оканчивались опястьем из красной ткани дорогого пошива и нанесенным сверху при помощи лучших ниток незаурядным орнаментом, а завершало сей образ красавицы висящее на шее дочери князя короткое ожерелье из белого золота с невероятно редкими в силу неподвластности моря для человека жемчужинами.

Длинная коса Феи свисала до талии и сверкала маленькими осколками разноцветного стекла, прикрепленных к длинной ленте, что цирюльники идеально вплели в затейливую прическу девушки. Ее скромная улыбка и невысокий рост, особенно заметный на фоне отца, дополняли сложившийся образ милой и очаровательной прелестницы — за такую красоту мужчины обязаны сражаться.

— Моя дочь Фейниль Медио, судари! — гордости Яра не было предела.

— Она определенно стоит этого турнира! — восторженно заключил сидящий рядом с Лиром боярин. — До чего же хороша!

— Феи уже двадцать два года, но она до сих пор не замужем, — более скептически отнесся к девушке другой аристократ, с черной, словно мазут, густой бородой. — Что Яру мешало укрепить свои позиции раньше? Надобно думать, с его дочуркой не все так радужно, как кажется.

— Не все ли равно, что скрывается под этой завораживающей личиной? В случае победы тебе дадут не только ее трахать, когда вздумается, но и к тому же подарят множество земель.

— Через несколько лет, если будешь хорошо себя вести, — совсем не разделял энтузиазма собеседника бородач. — Знавал я таких дев и скажу только одно — это бестия доведет тебя до белого колена. Бои лишь первое и самое легкое испытание.

Диалог Линур слушал вполуха: скользнув взглядом по Фейниль и мимолетно отметив ее бесспорную неотразимость, он беззастенчиво вытаращил глаза на то и дело посматривающих в его сторону Лумана, Харрафа и еще двух мужчин. Один из них, крупный, высокий, с рыжей шевелюрой на голове и острой щетиной на лице, должно быть, никто иной, как сам Даин Гемм — только такой здоровяк способен уложить отпрыска Фаудов на лопатки.

Не отводя взгляда от образовавшейся четверки ни на секунду, Лир бился в догадках, что общего главный претендент может иметь с Луном и своим сильнейшим соперником, и причем здесь он сам.

— Да начнется пир! — тем временем провозгласил губернатор.

Словно поджидавшие у дверей поварни стольники тут же стали вносить в гридницу один поднос с зажаренными тушами животных за другим. Аппетитный аромат разносился по всему помещению от жареных лебедей, целых поросят на вертелях, нарезанной говядины и запеченной свинины. Сочные, обжаренные в собственном соку куски мяса пронесли мимо первого и второго столов, отправившись сначала к хозяину замка, дабы позволить ему отрезать самые желанные части из приготовленного и лишь затем накормить остальных. Дальше приносили блюда размерами меньше, но оттого ничуть не менее вкусные: фаршированные овощами грудки, верченые почки, зайцы в лапше, жаворонки в шафране, рассольные петухи с имбирем, утки с огурцами и многое другое. К уже имеющимся напиткам добавилось несколько сортов более крепкого вина и различный хмельный мед, опьянеть от которого дело пары стаканов. Также слуги обновили закончившиеся закуски, выставив перед гостями свежеспеченный хрустящий хлеб и овощи.

Не заставили себя ждать и скоморохи, впорхнувшие в зал через главный вход и тут же начавшие играть на балалайках, домрах, гусях и свирелях, вдобавок распевая веселые песенки. Чувство праздника охватило и расслабило почти каждого из аристократов, позволяя им на какое-то время забыть о предстоящих сражениях и отдохнуть с удовольствием. Линур, ранее лишь воображавший вместе с деревенскими ребятами пиры, не остался в стороне и быстро поддался соблазну, став лакомиться всем подряд, включая алкоголь, вопреки вчерашнему совету заговорщиков оставаться в трезвости.

Большие куски мяса гостям приходилось нелепо разрезать на ломтики поменьше собственными кинжалами, а в случае их отсутствия аккуратно отрывать еду руками или кусать ее целиком. Лир из-за этого какое-то время мучился, без конца пачкая руки, пока юноша напротив примерно его возраста в красивом строгом кафтане не сжалился, поделившись с ним сталью. Трапеза пошла легче.

Многословностью в застолье Линур не блистал, разумно опасаясь сказать лишнего — он больше слушал, поддакивая и смеясь, нежели что-то рассказывал сам. Так парень узнал о прошлых турнирах, на которых бывали сидящие рядом с ним бояре, о запомнившихся им дуэлях, победителях и купленных судьях, коих после раскрытия факта о взятии посула четвертовали. Узнал он и о терзающих душу историях, когда участники подобных мероприятий сгоряча требовали боя до смерти, уже заранее проиграв, и родственники или товарищи этих глупцов бросались останавливать своих неразумных близких, чаще всего не добиваясь успеха и в течение следующей минуты наблюдая, как погибает их родная кровь или брат по оружию. Глупость и дурость посчитали одни за столом — отвага и честь возразили им вместе с Лиром другие.

Допив очередной бокал вина, Линур уже знал как, сколько времени и из чего делался пьянящий напиток в его руках, а также был осведомлен о крупнейших винодельнях по всей

Империи и семьях, помимо Датура, что ими владеют. Он даже успел похвастаться своим обновленным клинком, получив одобрение остальных, и оценил мечи будущих оппонентов, многие из которых оказались хуже подаренного Рафом.

Пир проходил задорно и пышно, поэтому когда некто дотронулся левого плеча ненастоящего бастарда, тот и не подумал, что случайное, как ему показалось, прикосновение в действительности может являться заранее оговоренным знаком, и лишь бросил неодобрительный взгляд вслед неосторожному мужчине. Лиру понадобилось не менее десятка секунд, дабы ясная мысль в голове, наконец, пробилась сквозь туманность разума и пробудила в нем воспоминания о разговоре ушедшего дня. Он посмотрел на стул, где до этого сидел Харраф, и обнаружил там пустое место.

Зачинщики могли рассказать ему не всю правду, могли вывернуть все наизнанку в угоду своим целям, однако Линур вразрез любым сомнениям обязан помочь им в убийстве Фауда хотя бы ради собственного благополучия — Яр сразу прознает, коль он останется в стороне, тем самым поддержав интересы одной из семьи-основателей. Вдобавок обещанное за помощь вознаграждение не только позволит Лиру отдать долг за купленную лошадь, но и не оставит его без еды на другой стороне Ущелья. Гляди и на новые вещи останется. Цена за материальные блага не из дешевых: подлое убийство неугодного многим человека, который стремится выиграть состязание.

Юноша встал из-за стола и на ватных ногах пошел на выход. Он чувствовал, что поступает неправильно, что в чем-то желающие забрать себе престол Фауды правы. Как Гладетисы и в частности Император Реираг смогут защитить страну от зарвавшихся адрагонцев, если допустили появления столь могущественного рода, способного свергнуть их, прямо у себя под носом? Не правильной ли отдать бразды правления тем, кто способен отстоять свои земли, кто имеет достаточно верных подданных, чтобы пресечь диверсию еще в зародыше? Реирагу стоило бы снять корону с головы и принять титул князя или маркиза, оставшись править клочком земли где-нибудь на задворках государства. Это унижительно, многие люди, в том числе его бывшие приближенные, будут еще долго насмехаться над ним за трусость, но в конечном итоге история запишет имя нынешнего правителя как героя, пожертвовавшим всем ради спасения людей. Однако этим миром правит далеко не самоотверженность.

Линур прошел вслед за коснувшимся его мужчиной через неприметную дверь и оказался в коридорчике с широкими окнами, ведущим к уборной.

— В святом месте, — с презрением посмотрев на собравшихся у дальней стены заговорщиков, пробубнил себе под нос Лир, — хуже и не придумать.

Он быстро вытащил из-за пазухи сделанную утром ткань с вырезами для глаз и рта и нацепил ее на лицо, получив нелепую, но не самую плохую маскировку от сообщников и самого Харрафа. Для лучшей конспирации Линур снял накидку и бросил ее в угол, оставаясь в одном камизе, что ранее не показывал ни в лагере, ни на пиру.

Подойдя поближе, Лир смог лицезреть лежащих на полу бездыханных стражников, поставленных самим воеводой или одним из дружинников для поддержания порядка даже в таком личном месте, как нужнике — с задачей солдаты не справились, умерев так быстро, что не издали и звука. Теперь Фауда от меча в груди отделяла лишь хрупкая деревянная дверь, которую пятерка безликих мужчин в мешках на головах вот-вот собиралась выбить. Один из них, с золотыми кольцами на пальцах, прикоснулся к косяку правой рукой, в другой держа клинок, и одним резким движением с применением способности отворил проем,

сорвав простенький механизм с петель. Разлетевшиеся в стороны доски и осыпавшаяся с потолка и стен каменная крошка предательски закрыла убийцам обзор, отчего те не успели среагировать на мимолетное движение готового к нападению Харрафа, тут же лишившего головы их клеветы.

Незамедлительно развернувшись, избегая ответных ударов и заклинаний, Харр выпрыгнул в окно, разбив мутное стекло плечом с разбега, и оказался в скрытом от лишних глаз массивными деревьями и пышными кустами саду. Рассыпавшиеся по земле осколки оставили ссадины на его лице и серьезно поранили бедро, откуда теперь сочилась кровь — убежать ему не удастся. Преследователи пролезали через оконную раму аккуратнее бородатого князя, стараясь не порезаться, однако снаружи замка все равно были уже через считанные секунды.

Харраф не узнавал одежду покусившихся на его убийство людей, хотя очень хотел бы понять перед смертью, что за аристократы решились на такую беспрецедентную наглость: он не обманывал себя ложными надеждами справиться со всеми или выстоять столь долго, что успеет подоспеть помощь, поэтому его единственным утешением станет высказанное перед всеми имя одного из заговорщиков. Это погубит последнего.

Глаза Харра судорожно пытались зацепиться хоть за какую-то деталь костюмов, что выдаст их владельцев, однако все было тщетно — за те мгновения, пока бояре занимали необходимые для одновременного удара позиции, он не успел соотнести ни одну личность с представленными нарядами. Лишь собравшись отражать устремившийся в сердце меч, отпрыск Фаудов вдруг осознал: на пиру одетых в черное гостей можно пересчитать по пальцам.

— Ложный бастард! — вырвавшиеся в последний момент слова стали непреодолимой стеной для четверых мужчин и неожиданно временным спасением для Харрафа. — Поверишь ли, мы только-только гадали о причинах, по которым Либерио взял тебя под крыло. Луман предполагал, что ты темная лошадка, способная выбить с турнира любого из нас, но все оказалось куда проще — черный жеребец всего-лишь жалкий наемник, убивающий за деньги.

Лир стянул мешающуюся и, после рассекречивания его имени, бесполезную маску с лица; ожидавшие легкой расправы над гадившим князем аристократы колеблись, теряя драгоценное время, однако юноша, наконец, для себя все окончательно решил.

— Закончим задуманное, судари, — хладнокровно произнес он, применяя способность в виде белых всполохов, заплывавших вдоль всего клинка.

Его первый удар был отражен столь просто, что могло показаться, будто меч встретился вовсе не со сталью, а каменной стеной — растерянный Фауд попался на всегда срабатывающую уловку, выставив слишком прочный блок от якобы усиленной маной атаки, тем самым глупо подставившись под сбившее фиолетовую оболочку оружие с наверху в виде водной девы, принадлежащее одному из заговорщиков. Тем не менее Харраф обладал достаточной ловкостью и изворотливостью, чтобы свободной рукой, испачканной в собственной крови, коснуться лба противника, на какое-то время затмевая его разум.

В настоящем бою Линур участвовал лишь однажды, и происходящие тогда суматоха и кровавая баня были очень далеки от того, что он наблюдал прямо сейчас. Точные, мощные выпады выбивали искры, а обманные и нанесенные вполсилы удары улетали в молоко или скользили по кромке меча, как коньки по льду, не достигая конечной цели. Каждое движение бояр являлось частью давно выученной связки, поэтому сражение скорее походило

на битву шахматистов, с каждым ходом продумывающих новые вероятности и свой следующий шаг, или изящный танец со спецэффектами в виде разлетающихся на кусочки оболочек и прочих способностей, нежели на запомнившуюся Лиру грубую схватку деревенщины и разбойников.

Сам Линур по большей части стоял в сторонке, лишь создавая иллюзию деятельности в бою и ожидая подходящего момента для реализации задуманного, который совсем скоро ему подвернулся.

Харр бился отчаянно, прикладывая максимум усилий, чтобы выйти из воды пусть не сухим, но хотя бы живым, и отчасти в этом преуспевал: несмотря на рассекший плоть на его предплечье вражеский клинок, только что он нанес владельцу последнего смертельный удар, проткнув тело мужчины насквозь через мечевидный отросток и тем самым сократил количество своих противников до трех.

Осознав, что лучшей возможности уже не будет, юноша решился действовать. Используя ману, левой рукой он запустил им уже излюбленный кинжал в полет. Оружие направилось напрямик в сторону скрывающего лицо человека и беспрепятственно пробило тому глотку — алая кровь из разрезанной артерии начала хлестать во все стороны под аккомпанемент захлебывающегося в собственной юшке сообщника Лира. Его же клевет, последний из выживших, не успел и опомниться, как Албус пробил грудную клетку того, пронзая сердце.

Когда на земле остались лежать три трупа, Харраф посмотрел на Линура тяжелым, непонимающим взглядом, одновременно с этим пытаясь отдышаться. Он не отводил своих кариев глаз, не моргал и даже не шевелился до тех пор, пока вдруг не поднял голову вверх, открыв рот и закричав нечеловеческим голосом. Из его пасти показался принявший свой истинный облик длинный язык, схожий с принадлежащим рептилиям органом, а на шее выскочила грубая чешуя. Подав сигнал ошивающимся по окрестностям мутантам, Фауд более не стал ждать и побежал прочь из замка, прихрамывая на одну ногу. Лир со смешанными чувствами внутри покинул место схватки столь же быстро, в срочном порядке обдумывая, как ему лучше смешаться с уже направляющимися к источнику звуков аристократами и стражниками Медии.

Десятки людей бежали по тропинке из гравия, громко хрустя маленькими камешками под своими ногами и звеня мечами на поясах. Образовавшаяся толпа по большей части состояла из стражников, выполняющих свою работу и моментально отреагировавших на подозрительный шум на задворках сада при замке, а присоединившиеся к ним аристократы, пожелавшие первыми узнать подробности только что произошедшего инцидента, численно дополнили гвардию Медо.

Лир прятался в тени пожелтевших листьев, подбирая момент поудачней, чтобы слиться с группой взволнованных людей. Окровавленное лезвие меча он успел вытереть о маску, запрятав ее у себя под одеждой так далеко, что найти ткань можно будет только оставив Линура стоять нагишом — единственная улика, указывающая на его причастность к неудачному покушению на Харрафа, более не выдаст бастарда.

Юноша выскочил из кустов и припустил за толпой. Где-то в ее начале раздавались недовольные крики Яра, безостановочно ругающего своих подчиненных за халатность и грозящегося отнять у них все звания к едрене матери. Ярость в его голосе звучала столь натурально, что Лир на мгновение даже поверил, будто это вовсе не губернатор приложил свою руку к несовершенному убийству, а некто другой, однако поистине настоящие эмоции у Медо проявились в тот самый момент, когда он увидел удручающий результат самой схватки.

Ругаясь такими грязными словами и выражениями, что позавидовал бы и заядлый сапожник, хозяин замка сорвал маски с мертвых бояр-наемников, раскрывая их личности. Все они, само собой, оказались баронами — люди титулом ниже на турнир просто не допускались и находиться в одном ряду с претендентами не могли, а графы и выше не стали бы так рисковать своим положением.

— Где этот мерзавец?! — взревел Яр, когда понял, чьей окровавленной туши из нанятых им убийц не хватает.

Линур и не дернулся, как бы не осознавая, что речь идет именно про него.

Уже сразу после содеянного Лир знал, каковой будет реакция губернатора — о чем еще, кроме предательства парня, можно подумать, узнав о побеге Харрафа и обнаружения трупов? Тем не менее жалеть ему было не о чем: он сделал неразумный, но правильный выбор.

— Связать преступнику руки! — заметив среди голов бритого вороненка и указав на него пальцем, приказал раскрасневшийся Медо.

Аристократы расступились, чтобы храбрая стража смогла тут же переместиться за спину не сопротивляющегося Линура и стянуть ему запястья прочными веревками, полностью лишая того возможности применить любую из своих способностей. Юноша был спокоен, как удав, несмотря на десятки обращенных на него осуждающих пар глаз. Он пока не знал, как станет выбираться из сложившегося для него не лучшим образом положения и не закончит ли вовсе на шибенице по соседству с мутантами, однако по какой-то причине не страшился гнева Яра, стоя с высоко поднятой головой.

Без конца до Лира доносились возмущенные возгласы и угрозы от знакомых и товарищей убитых дворян, что напрасно предполагали, будто лежащие в крови тела только его рук дело. Должно быть, они сильно разочаруются, узнав истинные намерения своих

друзей. О причастности Фауда к случившемуся пока знали лишь губернатор, сам бастард и, похоже, еще один человек — угрюмый мужчина с словно измазанной углем аккуратной прической, смотрящего на него своими черными глазами. Далекая от доброжелательности ухмылка не предвещала приятного разговора.

— С кем поведешься, Линур, от того и наберешься, да? У твоей ненастоящей семейки теперь изюминка такая, вонзять клинки в спины доверившимся им людям? В таком случае ты взаправду мог бы стать внебрачным сыном Ралафара, встав с ним на один уровень по подлости. — Страшно переигрывая, Килан по-дружески ударил собеседника кулаком в плечо. — Согласиться на убийство Харрафа, а затем предать заговорщиков, спасая его — вряд ли кто-то мог такое предвидеть. Я то считал, что вы с Рафом здесь ради помощи Даину, однако в итоге оба встали на сторону Основателей — коль уж и Либеро желают сместить Императора, то Реирагу однозначно пора бежать. Тем не менее я сделаю все, чтобы после государственного переворота вы не стали нашими союзниками, ибо это будет нанесение неприемлемого оскорбления моей семье.

Линур ранее не знал изображенного на груди незнакомца герба, но догадывался, что питающий к нему ненавистью мужчина является причиной, по которой Ралафар его вообще привез на турнир. Поэтому юноша благоразумно решил не вскрывать никаких карт, а лишь попытаться усилить посеянное в голове Кила зерно сомнений, но не успел и открыть рта.

— Или вы попросту не справились с Харром, — поджал губы Килан, признав поспешность в своем умозаключении. — Тогда я надеюсь, что ты и Раф сгниете в темнице губернатора. В ином случае вас постигнет расправа от сторонников Харрафа. Уж я позабочусь о том, чтобы каждый из них узнал о посягательстве на жизнь князя.

— Может, мое мнение и не к месту, но Ралафар никогда бы не стал предавать своего ближнего ради выгоды. Он не тот человек, что способен на это, потому как у него, в отличие от многих, даже после бесконечных политических игр осталось при себе самое главное — совесть.

Большого уведенный гвардейцем Лир сказать не успел, оставив Килана с его мыслями наедине.

Темница была мрачной, куда более угнетающей разум узника, нежели та, что находилась при здании гвардии в Милкане. Сырость и тошнотворный запах привлекали не только множество жирных крыс, но и стали отличным рассадником противных личинок, надоедливых мух и плетущих свои ловушки по углам пауков. Линур сидел на полу, оперевшись на стенку, и держал скованные кандалами руки над собой, не в силах их опустить из-за короткой цепи. Магия была ему все также недоступна, ведь для ее использования необходимо иметь свободные руки — таково требование Системы. Бастарду ничего не оставалось, кроме как ждать гостей и готовиться очень много врать ради самосохранения.

Теперь, когда последняя надежда Харрафа победить честно разбилась о суровую реальность, мужчина попытается забрать приз силой. Для этого ему даже не придется собирать войска Фаудов, ведь друзей семьи, которые поднимут мечи за сына ее главы, на турнире и так предостаточно. К тому же Лиру представилась возможность лично лицезреть мутацию князя, отчего в нем более нет сомнений о причине нахождения мутантов близ замка. Харр нападет вместе с ними так скоро, как только сможет, чтобы не позволить Яру успеть провести мероприятие и отдать дочку Даину.

Конечно Гемм может получить Фею и прямо сейчас, без победы над остальными

претендентами, увезя ее в свои края с соглашения отца и проведя обряд бракосочетания там, однако такой союз будет считаться формальным, и когда придет время, люди Медио не послушаются нового губернатора и не захотят ему подчиняться. Впрочем, теперь такой привилегии лишен и Харраф — отныне его единственной целью станет помешать своему супостату сыграть свадьбу с очаровательной девушкой любыми способами.

Линура второй раз за день терзала мысль о выборе баррикады, к которой ему в любом случае придется присоединиться в ближайшие дни: желание видеть на престоле могущественный род для него совсем не означало готовность принять в качестве Императора мутанта. Вероятно, в случае победы в войне Фауды начнут изменять многие аспекты сложившегося быта государства, в том числе сотрудничать с кланом Буревестников и приравнивать нелюдей к полноценным гражданам. Представить каково будет негодование народа несложно. Может, Гладетисы и их постоянство все-таки надежней?

Спустя какое-то время Лир вдруг вспомнил утренние слова Ралафара и, после стольких размышлений, наконец понял причину его нейтралитета — количество факторов при выборе той или иной стороны в борьбе за престол столь велико, что метаться туда-сюда можно хоть каждый час, открывая для себя все больше и больше ранее неизвестных нюансов. В случае бастарда выбирать и говорить нужно только то, что прикроет его зад от неприятностей, как и рекомендовал Раф. Прислушайся юноша к князю чуть раньше, и тогда бы он не сидел сейчас в темнице.

Вскоре в гниющем замке заскрежетал ключ, еле проворачиваясь, и массивная дверь распахнулась, впустив внутрь тусклый свет сквозь окна — вечерело. Жмурясь, Линур не смог сразу разглядеть посетителя, зато прекрасно узнал мягкий голос последнего.

— Сударь Линур, — поприветствовал узника слуга Яра, занимающий должность распорядителя, — в следующий раз, после сегодняшнего пира, я ожидал увидеть вас лишь на арене, а не в столь скверном месте. Мне искренне жаль, что вы здесь очутились.

— Поверьте, мне от этого досадно не менее, — не сдержал ухмылки бастард.

— Так или иначе, но сидите вы тут заслуженно — предательство князя наказуемо.

— Яр посвящает вас во многие свои дела, не так ли? Вы знаете, каково мое наказание?

— Вас повесят завтра на рассвете вместе с мутантами, прямо перед началом турнира. — Пожилой мужчина стоял заложив руки за спину и говорил столь спокойно, будто каждый день сообщал людям о их скорой казни. — Вот-вот подойдет и сам губернатор. Он желает услышать вашу версию событий.

— Мои слова еще могут повлиять на его решение?

— Будем откровенны, сударь, никто не видел случившегося в саду и не знает свьше собственных домыслов. Вы могли помочь Харрафу бежать, а могли попросту струсить, когда инициатива в бою перешла на его сторону. За первое вас следует прилюдно лишить жизни, а за второе с позором выгнать с территорий Медио раз и навсегда. Ваша судьба зависит лишь от того, как убедительны вы будете.

— Я не трус, но и не изменник! — воскликнул Лир, пытаясь встать, однако быстро оставил эту безнадежную затею.

— Не повторяйте своих ошибок, бастард. Я сказал, что вам не место среди законнорожденных аристократов, вы не послушали и теперь закованы в кандалы. Сейчас же я говорю, чтобы вы признали свой трезвый страх поединка с Харром и скорее уезжали. Ваша связь с сударем Фаудом лишена всякого смысла, поэтому Его Сиятельство Яр вас непременно отпустит.

— Я здесь ради помощи человеку, которого бросить просто так не могу, — вновь отрекся от советов распорядителя юноша. — К тому же мне есть что сказать губернатору.

В коридоре послышались тяжелые шаги, и в темницу вошел Медио. За несколько прошедших часов он успел успокоиться, но неприязнь на его лице читалась, как открытая книга.

— Давай, сука, рассказывай! — потребовал Яр, отчего у него затрясся второй подборок. — Как все было? Почему все остальные погибли, а тебе не досталось и царапины?

— Мы облажались с самого начала, Ваше Сиятельство. — Линур смотрел ему прямо в глаза. — Один из баронов, скорее всего, какое-то время удерживал заклинание в руке, что почувствовал Харраф — он успел подготовиться к нападению. Мы потеряли первого заговорщика сразу же, не успев и опомниться.

— Охрана нашла обезглавленное тело около нужника, — подтвердил распорядитель.

— Князь рванул на улицу, однако серьезно порезался об осколки, когда прыгал в окно, и продолжать бежать больше не мог. Ему пришлось принять неравный бой.

— Вы вчетвером не смогли добить раненого Фауда? — не выдержал губернатор.

— Не смогли. Вторая смерть наступила почти сразу, от мощной способности, перебивший моему сообщнику горло. Потом нас, оставшуюся троицу, оглушило. Ощущение было такое, словно по голове стукнуло деревянной балкой: глаза вразнобой, из-под ног уходит земля, а горизонт плывет, как в море качается вода в преддверии шторма. Стражники на улице не могли не слышать крика Харрафа.

— Вся гридница услышала этот нечеловеческий рык.

— Нечеловеческий, — кивнул Лир. — Сударь Фауд — мутант. Я видел это своими глазами.

— Гребанный выродок, — вновь начал закипать Яр. — Знай я раньше, удушил бы нелюдя собственными руками.

— Я посчитал, что будет лучше, коль вы окончательно убедитесь в связи Харра и засевавших в укрытие мутантов, нежели я лягу вместе с другими дворянами в саду. Это была не трусость, а холодный расчет.

Глава семьи Медио метался по темнице, обдумывая варианты и с каждым шагом пачкая свою дорогую обувь все больше. Бастард и распорядитель, чьего имени Линур до сих пор не знал, смиренно ожидали.

— Это ничего не меняет, — выдвинул вердикт Яр. — Наш план все такой же: провести турнир, в котором победит Даин. Но нужно больше защиты, мы должны обрасти шипами со всех сторон. Индо, от тебя требуется избавиться от всех поддерживающих Фаудов гостей в центре лагеря, чтобы они не нанесли нам удар изнутри. Также собери тех дружинников, что находятся поблизости, на срочный совет. Отправь по несколько всадников к каждому, и пусть приезжают незамедлительно. Если Харраф решится напасть, то мы дадим ему достойный отпор.

— Ваше Сиятельство, — попытался вставить слово все еще сидящий закованным Лир.

— А твою рожу, чтоб мои глаза больше не видели!

— Я остаюсь в лагере!

Индо тяжело вздохнул.

— Ты смеешь оспаривать мое решение? — брызнул слюной губернатор. — Ты подвел меня, а то и вовсе только что солгал прямо в лицо, однако я проявляю милосердие, даруя тебе жизнь и свободу. Большого просить ты не можешь.

— Вы думаете, что я не хочу лучшего для Империи? Что я готов отдать власть мутантам? Я буду сражаться за свою страну и с превеликим удовольствием стану убивать нелюдей, как только вы позволите мне встать с мечом в руках рядом с вами.

— Я не знаю тебя и не верю тебе. Ты мог всадить клинок в спину напарникам, а сейчас попросту выставляешь меня полным ослом, потому что понимаешь, что у меня нет времени искать доказательства твоей виновности. Проще избавиться от тебя, чем занять лишнюю тревогу. Казнить не стану, но и шататься поблизости не дам. Индо, пусть стража отдаст ему меч и выводит отсюда. Это мое последнее слово и предупреждение.

Линур потирал ноющие запястья, рассматривая уходящее за горизонт калидо. Большая часть аристократов покинула замок сразу по окончанию пира, но некоторые из них еще находились здесь, любясь с каждым днем все больше усыхающими цветами или прогуливаясь по просторным залам. Бастард не знал, что делать дальше: в лагере его ждут товарищи Харра, жаждущие крови напавшего на князя наглеца, а со стен и из каждого угла крепости за ним наблюдают гвардейцы, которым наказано проследить, как бритый вороненок покинет земли Медио. Даже отбросив смертельную угрозу, у Лира возникла несоизмеримая с остальными проблема: он больше не сможет помочь Ралафару свести старые счеты, а в таком случае надеяться на пересечение границы при его содействии точно не стоит.

Еще одна группа дворян запрыгнула в седла и поспешила вернуться в свои шатры до темноты. Они гнали коней галопом, оставляя за собой клубы пыли и поднимая в воздух вырванные копытами из земли комки грязи. Разыгравшийся к вечеру ветер развеивал их теплые плащи и поднимал подола искусных шинелей, оставляя вдоль вытопанной дороги тяжелый запах мужских духов.

Линуру нужно было немного повременить перед тем, как поехать — он собирается прийти к Рафу незаметно, продираясь через лес под покровом ночи. Князь должен узнать о случившемся и, может, хотя бы ему удастся найти выход из сложившейся ситуации.

Бастард вставил ногу в стремя и запрыгнул в седло, отправившись по дороге прогулочным шагом. Вдали, на севере, виднелись холмы. Владения Медио и родину Даина, где горы и хребты окружают селения, а их пики достигают молочных облаков, разделяет приличное расстояние, но даже здесь уже встречаются возвышенности и плато. Огромные скалы считаются для жителей Руткорда столь же неприступными, как и море — из-за обитающих на них смертоносных гралов. Лир вспомнил о каменных гигантах именно сейчас, потому что они всегда ассоциировались у него с мутантами. Впрочем, как и у любой другой семьи в Империи. Однако только сейчас он понял, что сравнение разумных существ, читай людей, занимающих высокие позиции в государственной иерархии, и движимых инстинктами животных, чьи потомки были гуманоидами, в корне неверное. Линур не верит, что нынешние мутанты могут некогда стать чем-то наподобие гралов.

— Сударь! — подскочил к юноше взволнованный Луман на коне. — Следуйте за мной, нам нужно спешить.

— Нам? — переспросил пытающийся собрать мысли воедино Лир. — Куда вы меня собираетесь заманить?

— Это касается Ралафара! Вы за этот день успели наломать дров, поэтому настоятельно рекомендую не ухудшать свое положение еще одной кровью на вашей совести и хоть раз прислушаться не только к голосу разума. Ходу, Линур, ходу!

Лу поскакал вперед с небывалой скоростью, из-за чего бастард с бардаком в голове был

вынужден его нагонять.

Ралафар ходил между двух сосен туда и обратно, в одной руке теребя золотую монету, а другой держа далеко не первую за последний час бумажонку. Он двигался дергано и часто замирал, прислушиваясь к подозрительным шумам или высматривая несуществующий силуэт между деревьев. Время близилось к восьми вечера, а Лир до сих пор не возвратился из замка, что наводило князя на неутешительные мысли. Деревенский паренек в его представлении был способным и смышленным малым, но в то же время чересчур порывистым — он мог сказать или сделать лишнего и влипнуть в большие неприятности.

Вдруг в кустах что-то зашевелилось — Раф вытащил из ножен меч, бросив на землю и золото, и окуроч. Ветки крушины с созревшими черными ягодами легонько качались, выдавая последнее местоположение внезапного гостя. Князь перехватил клинок по-кавалерийски, — горизонтально, под небольшим углом, чтобы острие смотрело вниз, — в готовности отразить внезапный выпад противника.

— Выходи, кем бы ты ни был!

Листья растений затряслись и из полумрака вылетела напуганная криком сова, ударив мужчину крылом по лицу и громко заухав.

— Зараза. — Ралафар облегченно выдохнул и опустил оружие.

Он оперся на колено и поднял драгоценную монету, вернув ее в звякнувший деньгами кошель, когда вновь услышал топот копыт — кто-то из аристократов вернулся в лагерь. За последний час князь слышал этот звук не менее десятка раз, но он всегда удалялся или затихал поодаль, однако сейчас цоканье копыт, наоборот, неустанно приближалось. Раф на половину корпуса спрятался за сосну, опасаясь выпущенной исподтишка стрелы, и принялся наблюдать за уже стоящими на своих двоих всадниками.

Не узнать бывшего товарища с рано проявившейся сединой на голове и тянущимся от подбородка до левой щеки уродливым шрамом, задевающим уголок губы, князь не мог. Мужчина и еще пять фигур приближались к еле горящему костру с обнаженными мечами и недобрыми намерениями. Ралафар вышел из тени, предварительно активировав перед собой невидимый щит — одну из многих разновидностей оболочки в Рутткорде.

— Привет, Раф.

— Дэгат. — Он склонил голову набок. — Наконец, хватило смелости окончательно покончить с прошлым?

— Твой бастард, как ты его представил высокому обществу, замахнулся на ключевого на этом турнире и в обозримом будущем Империи человека и не совладал с ним. Он понесет справедливое наказание от губернатора Яра, однако мы с ребятами посчитали, что и его воспитатель, не уследивший за своим отпрыском, виновен в инциденте не в меньшей степени и должен за это лишиться головы. К тому же мы оба знаем твой мотив посетить это мероприятие. Я не позволю предателю и подонку в одном лице сыпать соль на старую рану моего друга.

— Ты до того низок, что врешь даже самому себе. Может, ты еще и искренне уверовал в собственную ложь?

— Ты можешь называть это как тебе угодно, но зрение меня еще ни разу не подводило. Я видел, Раф, видел, как ты проткнул Лину кинжалом в сердце. Безжалостно, хладнокровно убил свою подругу и по совместительству сестру самого близкого человека. Сталь входила

медленно, чтобы она успела помучаться, но быстро, чтобы я не успел тебе помешать. Ты заткнул рот Лины тканью, засунув ее так глубоко, что она начала задыхаться. В тебе не было жалости, не было ни капельки сожаления о содеянном, лишь рациональный расчет об устранении почти случившегося союза, который оказался негоден семье Либере. Я никогда не забуду того кровожадного взгляда и звериного оскала на твоём лице.

Ралафар дрожал от кипящей в нём ярости, все больше сжимая эфес Цветовласки и сдерживая рвущийся наружу крик.

— Ты мразь, Дэг, ты тварь, ты ублюдок! Единственное, чего я желаю больше, чем поведать всю правду Килану, так это размозжить тебя, замучать, удушить, порезать и закопать заживо, чтобы слушать твой изможденный крик из-под земли, попивая терпкое вино и любясь закатом. Сегодня ты сгинешь!

Раф бросился на Дэгата с криком, замахнувшись мечом. В момент, когда их клинки сошлись, выбив яркие искры, звенящий звук металла был слышен не только в лагере, но и в самом замке Медии — сблизившиеся лица недругов осветило красно-малиновым цветом.

Аристократы успели только раз скрестить оружие в честном поединке, прежде чем князю пришлось спешно уклоняться от выпадов активизировавшихся приспешников Дэга из дома Притов. Одно из лезвий просвистело в опасной близости с его ухом, едва не задев мочку, второе попало в магический щит, способный выдержать еще пару подобных атак, а третье Ралафар встретил жестким отпором. Столкнувшись друг с другом сталь неприятно заскрежетала, и он отвел удар в сторону, толкнув высокого противника родом из семьи Хенчма плечом в грудь. Раф активно перемещался по скромному площади становищу, бесконечно уклоняясь и маневрируя между деревьями, чтобы не оказаться в патовом положении, когда отступить станет некуда.

В семействе Либери принято не только обучать своих детей военному ремеслу с самых ранних лет, но и вынуждать отпрысков использовать полученные в имении навыки в настоящих сражениях, путем отправления в горячие точки и занятия позиций чуть ли не в первых рядах пехоты. Такая практика сурова и часто трагична для родителей, но зато эффективна и прагматична. Некогда и Ралафар проходил через похожее испытание, и с тех самых пор он знает каково это — вести бой, когда вражеские силы окружают тебя. По этой причине князь отчетливо понимал, что из стычки с шестью профессиональными воинами живым не уйти и лучшему фехтовальщику, однако он до скрежета зубов желал добраться до Дэгата и пронзить его сердце Цветовлаской. Жгучая мысль о мести придавала ему сил.

В очередной раз используя ствол сосны, как защиту, Раф выставил правую ногу вперед, перенеся на нее вес своего тела для мощного и точного удара, вынуждая коренастого Аврона Эффе отступить назад или поставить блок. Ввиду своей неповоротливости, но при этом наличии могучих рук, выбор дворянина незамедлительно пал на второй вариант, что стало его последней в жизни ошибкой. Острие меча задело кору хвойного дерева на половине маневра, критично затормозив Авра, чем Ралафар, не задумываясь, воспользовался. Непримечательный выпад превратился в смертоносный прыжок, а нацеленный в бедро клинок полностью изменил траекторию движения и вместо бедренной кости разрубил плечо Эффе, моментально погибшего от болевого шока.

Почти в это же время за спиной Хенчма внезапно возник ярко-огненный, словно умирающий в пламени феникс, силуэт человека, рубанувший тому по шее клинком — голова неестественно завалилась набок, и изо рта и раны пульсирующей струей полилась алая кровь. Исчезла загадочная фигура также быстро, как и появилась, оставив всех, кроме Рафа,

в недоумении — он прекрасно знал, кому принадлежит столь эффектная способность.

Под разъяренные крики Дэгата из темного леса стремглав выскочили двое всадников, сбившие одному из мужчин магическую оболочку и едва не затоптав второго копытами. Получив сокрушительный отпор и осознав безнадежность сражения с одним из лучших мастеров в обращении с мечом Луманом и его двумя приятелями, Прит вместе с остатками своих людей скоростно ретировались, под покровом защитных заклинаний попрыгав в седла и поскакав обратно в лагерь.

Как только из поля зрения Ралафара пропал Дэг, ярость князя сняло, как рукой, оставив после себя лишь отчаяние и душевную боль. Держа налившийся слепящим фиолетовым цветом меч, Раф обернулся и одним легким движением срубил дерево. Беззлобно, как выполняющий свою ежедневную работу дровосек. Сосна закричала, затрещала и с грохотом повалилась на землю, переломав во время падения ветви прочих растений, что росли поблизости.

Лу слез с коня и подошел ближе к своему некогда боевому товарищу, скрестив на груди руки.

— Линуру есть что тебе сказать.

Лир бросил на Лумана быстрый взгляд, как на заложившего его перед родителями старшего брата, и нехотя принялся говорить:

— Раф, своей глупостью я подставил нас обоих под удар.

— Я уже знаю о причинах нападения и твоего затяжного возвращения, — он остановил бастарда жестом, — но не знаю, что к ним привело. Ты не смог убить Харрафа, но выжил? Или все-таки не захотел его прикончить?

— Не захотел? — опешил Лун. — На чьей он вообще стороне?

Юноша вновь посмотрел на длинноволосого блондина, теперь с недоверием, однако все-таки озвучил правду.

— Я помог Харру уйти. И не раз уже пожалел об этом решении.

— Не очень мудро, — вынужден был согласиться Ралафар. — Надо думать, с турнира тебя выгнали?

— Как и с территорий Медио. Коль Яр или его люди еще раз увидят бастарда Либеро неподалеку отсюда, то мне несдобровать.

— Я потерял всякую логику в ваших действиях, — Луман выглядел растерянным. — С какого хера твой ненастоящий сынок помогает Фаудам, если ваша семья и ты в частности всегда поддерживали Императора?

— В данный момент мы действуем исходя строго из собственных интересов, а не государственных, пояснил Раф. — Я прекрасно осведомлен о твоей нелюбви к Харрафу и яром желании разгромить оппозицию нынешней власти, но если хочешь помочь, то оставь препирания на потом. Нам нужно как можно скорее передислоцироваться во избежание потенциальных нападений.

— Коль это такая жизненная необходимость, — находиться на турнире, — то я, конечно, мог бы предоставить свой шатер в качестве укрытия, но действия Лира заставляют меня сомневаться в правильности такого решения. Я готов помочь другу, но не стану делать того же для сторонника Фаудов.

— Раз мы раскрываем карты. — Лир глянул на Ралафара и получил одобрителный кивок. — То я узнал о грядущей гражданской войне лишь вчера, когда меня насильно втянули в заговор. Я не знал и не знаю многих деталей, поэтому сделал выбор сгоряча, чуть

не лишившись из-за этого жизни. Отныне я стану лишь помогать Рафу, и в политику не полезу хоть с петлей на шее, хоть со сталью у оной.

— Вечно ты умудряешься создать проблему из ничего, Раф. Надеюсь, что из нас троих хотя бы я не прогадаю с выбором.

Лу вернулся в лагерь, чтобы не вызывать лишних подозрений, договорившись встретиться с товарищем и ненастоящим бастардом глубокой ночью неподалеку от тракта, который проходит рядом с озером Алунт. Последние же собрали пожитки и отправились далеко в глушь — переждать несколько необходимых часов.

— Зачем он нам помогает? — наконец, задал вопрос Линур после выслушанной отцовской тирады о том, как глупо он поступил, пойдя против губернатора, будучи на его территории, и собранных для костра веток и хвороста.

— Луман один из немногих, кто хорошо ко мне относится, и к кому хорошо отношусь я. Это жест доброй воли. Тем более Харр выбыл из честной игры и теперь может лишь попытаться убить дочь Яра, тем самым лишив ее отца союза с Геммами — Медио нужны любые мечи на своей стороне прямо сейчас, что отлично понимает и Лу.

Лир оторвал кусок позаимствованного у князя мяса и с аппетитом принялся его разжевывать.

— И все же так рисковать, — не сдавался он. — За тобой идет охота, меня кончат при первой возможности как приверженцы Фаудов, так и люди губернатора, а самого Лу видели, когда мы спасли твою жизнь. Шатер Лунов это капкан для нас троих.

— Дэг, — человек, что напал на меня, — не столь влиятельный, чтобы ему поверили и сразу пошли что-либо выяснять. С Лунами же считаются все до единого, а некоторые даже боятся их. Вполне по рациональным причинам, стоит заметить. Да и распространяться о нападении на члена семьи Либеро Дэгат не станет. Ты, должно быть, понимаешь, чем ему это грозит, прознай про это сторонники Императора, — Ралафар закурил, взяв время на обдумывания. — Завтра несомненно будет битва. Мы используем ее, как прикрытие, и подберемся к одному очень важному для меня человеку. Прорваться сквозь оборону лагеря извне не выйдет, поэтому предложение Лумана — единственный выход.

— Я встретил его сегодня. Темноволосый, угрюмый мужчина. Он презирает тебя.

— Я бы тоже презирал на его месте. Имя ему Килан Омилиум. Он мой старый и единственный за всю жизнь друг. Вернее, был им. Лу знает эту историю, но не откажет себе в любопытстве узнать новые детали, а я не смогу сказать нет. Наберись пока терпения, ибо мне тяжело вспоминать о произошедших событиях в тот злободневный день, не говоря уже о повторении рассказа.

Линур поковырял палкой в углях, распределяя их равномерно, подкинул в огонь ветки потолще и принял бумажону из рук Рафа. Головокружение и чувство экстаза накатили на него волной.

— Это более забористая, чем в прошлый раз.

— Какие времена, такое и курево, — пожал плечами князь.

Лир затянулся еще раз и улегся на землю, уперев взгляд в закрытое тучами ночное небо, через которые лишь местами проглядывали яркие звезды.

Весь день в его голове царит сплошной сумбур, а сердце стынет в предверии то подлого убийства, то собственной казни, то прятков ото всех подряд прямо в центре лагеря. На людях юноша почти не показывал ни страха, ни тревоги, но обмануть самого себя ему так и не удалось — конечности непроизвольно то и дело потряхивало, в животе жужжали насекомые,

время от времени покаявая кожу изнутри, а слюна застревала посередине скованного горла каждые полминуты, не желая сплываться. Для Линура было невероятно тяжело выслушивать и, что куда важнее, осознавать заговоры и преследуемые аристократами цели, которыми теперь его мозг просто кишит. При этом всем от него требовалось играть роль бастарда, принимать важные решения и маневрировать между интересами очередного князя и губернатора, друзей Фауда и приверженцев Императора. Лир ясно понимал, что ошибся и загнал себя в почти безвыходное положение, однако расклад в итоге мог быть куда хуже.

Больше не будет притворства и игр в дворянина, не будет вранья и виляний. Теперь у Линура лишь одна задача: отплатить Ралафару услугой за услугу и смотаться с турнира вместе с ним как можно скорее. Наконец, нужен только его меч и умения им правильно воспользоваться в необходимый момент. Не нужен язык, не нужны уши и не нужно разгадывание загадок. Глаза и клинок — вот истинное оружие деревенского парня.

— Привяжите коней где-нибудь здесь, — сказал Лу, когда троица встретила под деревом с висельниками. — Я отдам приказ своим людям и они заберут их.

Раф и его мнимый бастард заранее переоделись в чистую, преимущественно темную одежду, используя вещи из гардероба мужчины. Ралафар надел жилетку из кожи естественного цвета поверх черной просторной рубахи, кожаные штаны, темно-синюю шинель чуть ли не до пола и цилиндр в качестве головного убора, завершивший образ таинственного для людей в лагере человека. Юноше досталась одежда попроще: полностью черная туника, шальвары больше нужного размера и серая мантия с застежкой на шее и глубоким капюшоном, подолы которой уже успели испачкаться в дорожной пыли.

— Ты доверяешь своим подчиненным? — шурша растущей на берегу озера травой, спросил Раф у Лумана. — Они увидят, что мы зайдем в жилище и не выйдем обратно.

— Одну часть я рассредоточил подальше от шатра, попросив тишины, а другой отдал приказ вольно — мужики не упустят возможности тяпнуть меда, поэтому лишних глаз я не ожидаю.

Троица пошла не по мосту, а через лесок, опасаясь наличия служащих Яру гвардейцев вдоль протоптанных тропинок. Такой путь занимал намного больше времени, но для мужчин это означало в первую очередь полное отсутствие риска быть замеченными. Как только по указанию дружинников придут солдаты, губернатор несомненно выставит круговую защиту вокруг места проведения турнира, однако пока этого не произошло, попасть внутрь можно безо всякого труда.

Миновав водную гладь, они обошли палатки с востока и зашли там, где не было скопления людей. Веселые возгласы по всему становищу аристократов ушедшего дня сменились выразительными ругательствами и громкими спорами. Несмотря на поздний час, между желающих видеть разные семьи на престоле дворянами до сих пор возникали конфликты, точило издавало характерный звук, когда к нему подносили лезвие очередного дорогостоящего меча, а разговоры о предстоящих турнирных боях резко превратились в подготовку к побоищу. Некоторые участники вовсе решили не рисковать, и в спешке разъехались по домам, однако большинство все же было намерено отстаивать интересы Медио и Фаудов.

Луман провел гостей через оставленную им самим лазейку, мимо собственных дозорных, поэтому троица добралась до нагретого переносной печкой с дымоходом на улице шатра без каких-либо эксцессов. Оказавшись в теплом помещении, хозяин последнего сбросил епанчу, взял из угла дровишек и подкинул их в раскаленную топку. Обставлено

жилище было роскошно: оружейная стойка с парой мечей и длинным копьем, два массивных сундука под личные вещи, широкий стол из сосны с резным орнаментом и образующими крючки ножками, несколько тяжелых стульев, разноцветные ковры с затейливыми узорами, мягкая перина без присущих высшему обществу изысков, скромный по меркам князя гардеробчик и глубоко врытый в землю ящик с крышкой для хранения десятилитрового бочонка вина и небольшого количества пряностей.

— Ты никогда не отказывал себе в удобствах, — подметил Ралафар. — Везти столько всего ради нескольких дней.

Лу разлил по бокалам вино из заранее наполненного алкоголем кувшина и, удостоверившись в его качестве, подал товарищам по емкости.

— Хочешь сказать, что спать на морозе под деревом тебе нравится больше?

Раф ухмыльнулся и предложил выпить за столь приятную компанию — компания поддержала.

Избавившийся от красной мантии Луман в глазах Линура превратился из грозного воина в добродушного дядюшку, что появился в нужный момент и безвозмездно протянул столь необходимую ему и Ралафору руку помощи. Даже внешне он не был похож на остальных претендентов на Фею. Аккуратное, сохраняющее юношескую молодость лицо, не знавшее шрамов и дробящих кости ударов; худощавость тела и тонкие кисти рук принадлежали скорее подсчитывающему прибыль фирмы торговцу, нежели побывавшему далеко не в одном ожесточенном сражении воину. Выдавали Лу, как это обычно бывает, глаза: в них читались и некогда пережитые раны, и смерти друзей на поле боя, и пренеприятные встречи с несправедливостью этого мира и с постоянно творящимися бесчинствами.

Рассевшаяся на стулья троица недолго посидела в тишине, отогреваясь и размышляя каждый о своем.

— Я весь во внимание, Раф. Что за подробности твоей трагичной истории, которыми ты так хочешь с нами поделиться?

— Не лучшее время для шуток. — Князь сделал громкий глоток. — Ты помнишь то время, когда семьи Омилиум и Приты собирались заключить союз путем бракосочетания Дэгата и Лины?

— И стать по площади соизмеримыми с Либеро. В наших кругах говорят, что именно появление опасного соседа в обозримом будущем вынудило твое семейство совершить убийство. И ты, как самый приближенный к жертве, стал кинжалом, что пронзил сердце девушки.

— И ты в это веришь?

— Будем честны, ты всегда ставил себя выше семьи, поэтому нет. Коль Либеро и собирались предотвратить этот союз, то выбрали в качестве убийцы кого-то иного. Но какова твоя версия? У тебя есть основания кого-либо подозревать?

— Больше. Я видел все своими глазами. Она умирала на моих руках и просила никогда и никому не рассказывать правду. Я дал ей слово, нарушить которого не посмел. До сего момента.

— Не томи. Уж восемь лет миновало с тех пор. Думаю, это достаточный срок, чтобы твоя совесть осталась чиста.

— Это Дэг. Дэг убил Лину. С присущей ему кровожадностью. Я пытался спасти девушку, но все было тщетно, — Раф стал выглядеть жалко и подавлено, а его глаза блеснули

от мокроты. — Она истекла кровью слишком, слишком быстро.

— Лин была тебе близка, я понимаю. — Луман сочувственно потрепал его за плечо. — Но все же что-то не сходится. За какие заслуги будущему мужу понадобилось убивать собственную невесту, если свадьба была выгодна для обеих сторон?

— Не знаю, Лина не пожелала об этом сказать, а все тараторила о Килане и чтобы ни слова ему. Он очень любил свою сестру и пошел бы хоть на край света, чтобы за нее отомстить, и тем самым обязательно развязал бы войну между родами. В таком случае Омилиумов мог ждать только упадок и скорый закат.

— Она всегда была прагматичной до мозга костей женщиной. Жаль, что я не успел ее узнать поближе в свое время.

Лир сидел все это время молча, внимая разговору, однако сейчас вдруг почувствовал, что должен подтолкнуть Рафа на верный путь.

— Скажи ему. Скажи Килану. Расскажи всю правду и он поверит тебе. Не сможет не поверить.

— Это разобьет ему сердце.

— Линур прав. Время лжи во благо прошло, нельзя лишить Килана знания истинны. Я поддержу тебя, если окажусь рядом в этот момент.

— Благодарю. За сделанное и еще нет.

Лу повторил напитки и потер закрывающиеся от усталости глаза.

— Дэг за последние годы прославился, как отпетый мерзавец. Ничего удивительного, что его руки оказались запятнаны кровью и в этой истории, а посему поистине поражающая меня до сих пор вещь — это ваше присутствие, сударь Линур. Скажи, Раф, на кой тебе этот парень?

— Мы помогаем друг другу. — Лиру крайне не понравилось, что к нему отнесли, как к пустому месту. — Услуга за услугу.

— Да-да, я знаю как это работает, спасибо. Но почему конкретно этот юноша? Ты знал, что он не справится, знал, что среди аристократов он будет белой вороной, и все-таки взял его с собой. Почему не своих близких и доверенных людей?

— Теряешь хватку, Лу, — через силу улыбнулся Ралафар. — Неужели и вправду не догадываешься?

— Просвети меня, пожалуйста.

— Человек из народа не может быть связан с Дэгом или кем-либо еще, не обременен обязательствами перед князьями и графами и имеет лишь один интерес, выражающийся в помощи мне.

— Или в деньгах, которыми здесь его могут засыпать по самое горло.

— Не Линура. Да, он человек с дороги, которого я не знаю, однако мне хватило того небольшого количества проведенных вместе дней, чтобы уверовать в его честность и благородие. Этот юноша может спасти нас всех. Шансы малы, но, в отличие от остальных, он хотя бы попытается. Лир слишком умен, чтобы брать деньги, которые вот-вот превратятся в бесполезный мусор.

— Это не похоже на тебя. — Задумчивость Лумана говорила о его неудовлетворенности ответом товарища. — Впрочем, все желаемое я уже узнал, а значит пора отдохнуть перед завтрашним днем. Что бы ни произошло, он обещает быть тяжёлым.

Гости Луна расположились у печки на стульях, сделав из теплых вещей хозяина шатра уютные спальники. Последний улегся на перину, совсем скоро сладко уснув, словно

невинный младенец. Раф же с Линуром, несмотря на усталость, еще долго ворочались, борясь с мыслями о грядущем. Первый не мог перестать прокручивать в голове диалог с Кираном, подбирая слова, а второй надеялся поскорее покончить с этим всем и незамедлительно отправиться к Ущелью. Тем не менее не прошло и получаса, как оба уже негромко посапывали.

С трибун доносились воодушевленные крики людей. Еще за час до начала первого боя практически все места оказались заняты участниками-дворянами турнира и простым людом, приехавшим специально полюбоваться зрелищем. Проходили последние подготовительные работы; воины, чьи имена находились в самом верху расписания дуэлей, активно разогревались, крутя в руках мечи и проводя цепочки ударов; готовил инструменты лекарь, и потирали руки «щитовики», что станут накладывать оболочки на аристократов в целях их безопасности.

Погода выдалась облачной, но на радость гостей без дождя, ограничившись развевающим бесчисленное количество знамен ветерком. Вдоль определяющего размеры арены забора неподвижно стояла гвардия Медии, предназначенная для защиты претендентов на победу от толпы. Стояла она и у палаток, и на внешнем периметре буквально кишящего солдатами лагеря. В замке осталось лишь пару сотен стражников, которые, у губернатора не было сомнений, смогут отстоять стены его дома, чего он не осмеливался сказать про собственную дочь и поставленных на ее защиту людей — битва в почти открытом поле, когда силы врага неизвестны, это как игра в кости.

Яр с Фейниль и своим подчиненным Индо прибыли немногим позже рассвета и с тех самых пор крутились у судейской стойки, разбираюсь с бумагами и раздавая приказы. Сидеть за ней и принимать решения о продолжении или прекращении боя будут четыре человека: сам инициатор мероприятия, выбранный им доброволец, в данном случае Индо, и два военных эксперта, отправленных Реирагом Гладетисом из самой Императорской канцелярии. Еще одно, пятое место за стойкой, расположенной на возвышении наподобие амфитеатра, займет Фея, что хоть и не будет иметь право голоса, но станет отличным напоминанием цены поражения.

Подготовленная заранее программа включала в себя прошедший пир, показательную казнь троицы мутантов, вступительную речь губернатора и начало самого турнира, который продлится всего два дня. Изначально первый раунд состоял из тридцати дуэлей и двух технических побед, чтобы уже в следующем раунде соперник достался каждому, однако после отъезда нескольких участников количество поединков сократилось до двадцати четырех — первая часть состязания будет состоять ровно из тридцати боев, а вторая, то бишь весь завтрашний день, вместит в себя оставшиеся двадцать пять.

Несмотря на праздничное настроение крестьян, их веселый гогот и улыбки на лицах, назвать атмосферу иначе, как напряженную, было нельзя. Аристократы без конца осматривались, взглядом анализируя округу на предмет опасности, политические союзники собирались в группки и отсаживались как можно дальше ото всех остальных, а одиночки и вовсе сторонились трибун, наблюдая за ареной издали. Ко всему прочему сопровождающие в дороге своих князей и графов солдаты, не смея нарушить приказ господина о предельной внимательности, постоянно мешались под ногами снующим туда-сюда подчиненным губернатора, тем самым создавая хаос и неразбериху. Яр лицезрел эту безрадостную картину свысока, и его сердце билось все чаще и чаще.

Луман вышел из шатра в классическом для своей семьи кожаном обмундировании, с большим гербом на груди и серебряными звездами вдоль всей одежды, что придавали ему не только воинственный, но и торжественный вид. За спиной блондина трепыхалась привычная

для него красная мантия, а чуть поодаль смиренно стояли мужественные воины Лунов. В отличие от большинства, князь не боялся предстоящего кровопролития, будучи равносильно уверенным как в своем клинке и способностях победить любого противника, так и в братьях по оружию, что всегда прикроют спину. Тревожила его лишь необходимость траты маны в дуэли, если та все-таки состоится. Пусть имя Лу в списке первого раунда и находится почти в самом низу, но Харраф может тянуть с атакой до последнего, а то и вовсе не рискнуть напасть и помчаться в поместье Фаудов — не использовать магию и проигрывать бой, чтобы в итоге Фейниль забрал непонятно кто, исключено.

Походка мужчины была грациозной: медленные и широкие шаги неподвижно становили его обувь на грунт, мыски смотрели наружу, колени сгибались ровно настолько, чтобы при малейшей опасности у него всегда оставалась возможность молниеносно уйти из-под внезапного удара, ни больше ни меньше, высоко поднятый нос и взгляд неизменно были направлены в небо, а правая рука почти не двигалась в такт движению, постоянно оставаясь в готовности выхватить меч. Даже среди аристократов Луман, ровно как и Даин с Харром, выделялся своим статусом — его уважали и боялись. Все трое в свое время пережили ежегодно завязывавшуюся битву под ныне разрушенным Пондеросом, что почитается свыше любых прочих наград, каждый из них выиграл далеко не один турнир, получив в награду деньги, земли, славу и полноправное владение титулом князя, а также Император обязан им победами как в маленьких, так и в больших сражениях против Царства, Королевства и Буревестников. Лу читал свои заслуги в глазах каждого человека из высшего общества, стоящего на ступень, две, три ниже него.

Даин в окружение подчиненных уже восседал на трибуне, откинувшись назад и широко расставив длинные ноги. Показательная беззаботность и расслабленность растворились в момент, когда мужчина, продолжая неподвижно сидеть, поприветствовал незаметно подошедшего для него сзади Лумана.

— И тебе не тужить, — расположился последний рядом с Геммом, проигнорировав попытки одетых в серое солдат воспрепятствовать этому. — Это Яр постарался, поставив тебя в самый конец списка?

— Я сам попросил его. Оружие Харрафа в основном будет нацелено на меня и Фею, и облегчать ему задачу пустой шкалой маны я желанием не горю. Фортуна изменила мне только с оппонентом: он придерживается интересов Фаудов. Иначе могли бы договориться.

— Значит смухлевать до конца вам не удалось?

— Ты знаешь процесс жеребьевки не хуже меня. Выбрать желаемого соперника не представляется возможным. Зато, помимо себя, я выбил местечко на две дуэли раньше последней и тебе.

— Ты столь благородно беспокоишься о сохранности моей жизни?! — Лу взметнул брови вверх в изумлении. — Это так мило! Благодарю, Даин, от всего сердца благодарю!

Рыжеволосый мужчина не сдержал смешка.

— Иногда мне кажется, что ты вовсе не притворяешься и вправду наивен, как боярская дочь. Чтобы я и паясничать? — округлив глаза, блондин приложил руку к сердцу. — Никогда!

— Ты могуч и отстаиваешь схожие с моими интересы. Я закономерно хочу, чтобы такой ценный союзник не погиб в первые же минуты резни.

— Даже не думай об этом, — послышался звук резко сжатой кожаной перчатки. — Мутанты почувствуют на себе всю силу Лунов! — вокруг раздалась одобряющие

перешептывания выходцев школы искусства боя, что является главным достоинством воинственного семейства.

— Окажи мне ответную услугу, Лу. Где Ралафар? Ты отправил его восвояси?

— Я?! — Глаза мужчины полезли на лоб. — Это забота Яра и только его.

— Некоторые дворяне видели, как ты уехал из замка вместе с бастардом Рафа или, Система его знает, кем он тому приходится на деле. На кой было ехать с парнем?

— Я спас своего товарища от Дэгата Прита. Этот идиот со своими прихвостнями напал на него, пока в охваченном суетой лагере полыхали споры.

— Идиот ли? Дэг взялся совершить возмездие за свою убитую невесту в обход закона и выбрал для этого лучшее время.

— Если я буду бездействовать каждый раз, когда кто-то желает восстановить справедливость, перерезав горло моему приятелю, то совсем скоро у меня их не станет. Пусть Раф хоть трижды перебьет всю семейку Притов, но как-либо потакать Дэгату я все равно не стану.

— Замечательная позиция, но все-таки куда после стычки уехали наши достопочтенные Либеро?

— А мне почему знать? Я не спрашивал — Ралафар самостоятельно выкладывать карты не спешил.

— Надеюсь, Линур больше не помешает. У меня сложилось стойкое впечатление, что подобный ему человек в нашем обществе это сплошной источник эксцессов, а от сюрпризов сегодня я с радостью отказался бы.

— Все пройдет как надо, — заверил Лу. — Послушаем пока губернатора.

Пузатый мужчина вышел в центр арены, встав на деревянную шибеницу-конструктор, собранную из заранее заготовленных деталей с пазами за десяток минут. Он был защищен сразу несколькими оболочками, а стоящие вместе с ним на арене гвардейцы при помощи артефакта могли установить целый купол, способный накрыть собой небольшую область и обезопасить всех находящихся внутри людей от любой дальнобойной атаки. Яр на настоящее мероприятие выбрал более строгий костюм, нежели днем ранее на пиршество. Занимающий четыре пятых части одежды черный цвет недвусмысленно предупреждал о неизбежных смертях, что произойдут сегодня на земле Медио, а количество оружия на поясе губернатора, что и он сам примет активное участие в битве.

— Участники и гости турнира! — Суровое лицо Яра не выражало никаких прочих эмоций, кроме озлобления. — Считаю необходимым сделать отстраненное от зрелищных боев короткое вступление, чтобы донести до вас всех очень важную информацию. Не секрет, что Империя в политическом ключе сейчас переживает очень непростое для себя время — это отражается на жизни каждого человека, будь то крестьянин или аристократ. В связи с этим между высокородными семьями зародилась ежедневно разрастающаяся и подпитываемая титулованным людом вражда. Вчера некоторые из здесь присутствующих, в том числе я лично, стали свидетелями подлой попытки сорвать мероприятие путем убийства моей дорогой дочери. Имя несостоявшегося убийцы — Харраф Фауд, что не желает укрепления Медио на востоке страны, хоть это и означало бы возможность, наконец, сосредоточиться не на обороне мостов через Чертово ущелье, а на наступлении на вражеские крепости. Его действия могут привести к деструктуризации нашей обороны и подрыву власти Императора. — Мужчине пришлось повысить голос из-за начавшегося недовольного гула Фаудовских союзников. — Более того, Харр, скорее всего, напрямую связан с

мутантами! Большая группа нелюдей ошивается поблизости, собираясь вот-вот напасть на лагерь. Поэтому я пригнал сюда стражу из замка и солдат моих дружинников — для вашей защиты. В петле за моей спиной должен висеть предатель Харр, но он, к большому разочарованию, умудрился сбежать, поэтому пока что это место займут его трое дружков-уродцев.

Шум поднялся несмолкаемый. Возмущенные дворяне вскакивали и выкрикивали угрозы, бурно что-то доказывали друг другу и активно жестикулировали, пока обыватели хлопали в ладоши и кричали «смерть нелюдям!» Меньше чем за сутки становище во второй раз оказалось на грани поножовщины.

Даин приблизился к Луману поближе, чтобы тот смог его услышать:

— Порох у старика в пороховницах еще имеется. Если сейчас от турнира откажется слишком много людей, то он потеряет необходимый Яру вес, что сделает мой с Феей союз пустышкой. Однако это уже не будет иметь значения в случае, если крестьяне переживут бойню и собственными глазами увидят подтверждение сказанного только что губернатором — информация о Фаудах, как о приверженцах мутантов, разойдется по всей Империи. Когда начнется полномасштабная война, им не дадут крова, еды и не поддержат крепкими деревенскими мужиками. Харраф проиграет сегодня, когда не убьет всех до единого. Дерзкое и отчаянное, но очень действенное решение.

Часть аристократов продолжала ругаться и кричать, а некоторые из них окончательно потеряли самообладание и стали кидаться с кулаками на поддерживающих Медии простолюдин, из-за чего слугам приходилось оттаскивать и успокаивать своих господ, пока те не отрубили кому-нибудь голову. Верные Реирагу выходцы из известных семей не проявляли столь явно радостных эмоций, как крестьяне, лишь сдержанно улыбаясь и одновременно с этим любуясь выводимыми откуда-то из-за трибун мутантами со связанными за спиной руками, что через пару минут повиснут бездыханными телами.

Луман, наблюдая за происходящим, тоже не смог сдержать победного оскала — все складывалось как нельзя лучше. Ежели союзники Фаудов сейчас не стерпят обвинений и достанут мечи, то погибнут в то же мгновение, коль откажутся от участия в дуэлях и предпримут попытку уехать, то несомненно найдется причина, чтобы их задержать и заковать в кандалы, а самые умные затаятся, проиграют первый раунд и при идеальном развитии событий, в которых Харраф не решится напасть, по завершению всего мероприятия беспрепятственно уедут домой. Яр только что полностью поменял правила игры, окончательно покончив с притворством.

Вид у мутантов, — двух взрослых мужчин и еще не созревшей девочки, — был жалки и испуганным. Они горбились и прятали глаза у себя в ногах, изредка озираясь на жаждущих их смерти зрителей. При этом явной мутацией обладал только один упырь из трех: из-под светлых волос торчали медвежьи уши, а виски заросли волосами с головы до самых щек спереди и середины шеи сзади. С трибун полетели тухлые овощи и послышалось освистывание, тут же переросшее в слившийся из множества голосов призыв казнить нелюдей. Когда в голову ребенка прилетел очередной помидор, невинное дитя не выдержало, и по белоснежным щекам потекли горькие слезы. Девчушка повернулась лицом к беснующейся толпе и закричала что было мочи: «Почему вы такие?!» Идущий позади нее недовольный остановкой стражник пихнул хрупкое тельце вперед, заставляя заключенную продолжать идти, но та не удержала равновесия и упала на колени, пачкая босые ноги и край коричневого короткого платья. Удар мыском ботинка по ребрам быстро заставил девочку

подняться обратно.

— Посмотрите на них! — Яр указал рукой на встающих на табуреты и засовывающих головы в петли мутантов. — Вы можете видеть в этих существах перепуганных и беззащитных, иногда даже полностью идентичных вам людей, однако это лишь обманчивая иллюзия, созданная чтобы разжалобить доверчивый люд. Внутри этих оболочек пылает ярость и властвует тьма, что станет приговором для нашей расы, если мы не продолжим все вместе выжигать эту заразу. Мое правосудие начнется прямо сейчас и не закончится до тех самых пор, пока каждый причастный к покушению на Фейниль не будет казнен. Слово князя!

Рука губернатора взметнулась вверх и тут же опустилась смертным приговором. Табуреты вылетели из-под ног нелюдей и с грохотом упали за пределами деревянной конструкции — опора пропала, оставив тела висеть в воздухе. Светловолосый мужичок с медвежьими ушами из-за своего высокого роста умер сразу, от перелома шеи, а девочка и второй мужчина еще какое-то время бились в конвульсиях под бурные аплодисменты, синевя и задыхаясь.

— Так будет с каждым, кто поддерживает Харрафа Фауда!

Яр вернулся на свое почетное место, к дочери Феи и приближенному Индо. Через пять минут, когда толпа успокоилась, и трибуны частично опустели, повешенных сняли, а шибеницу стали спешно разбирать. Первая пара воинов уже стояла под навесами напротив друг друга, убеждаясь в остроте своего оружия и снаряжаясь защитными оболочками. Ни Лу, ни Даин не знали имен выступающих: в Империи живет столько баронов, что запомнить хотя бы тех, кто подтвердил свой титул достижениями на поле боя, уже является проблематичной задачей — о всех сразу и заикаться не стоит. Исходя из этого, нетрудно догадаться, что губернатор принял мудрое решение поставить в начале первого тура пары самых слабых претендентов и продолжить по возрастающей — это оправдывает нахождение Гемма и Луна в самом конце списка.

Арена замерла в ожидании начала турнира. Дворяне встали по центру и повернулись лицами к ложе, каждый опустившись перед главой Медио на правое колено, тем самым отдавая дань уважения существовавшим еще до Системы традициям. Князь встал со стула, поприветствовав участников поднятой рукой с раскрытой ладонью и, выждав несколько секунд, резко сжал кулак, объявляя о начале дуэли. Зрители взревели, громко аплодируя и оглушающе свистя.

Один из аристократов был крупнее соперника за счет своей внушительной мышечной массы. Курчавые волосы ниспадали на его могучие плечи, а длинная бородка едва не доставала широкой груди. Слегка смуглый оттенок кожи выдавал в нем жителя южной части страны, где летом не скрыться от лучей калида, а холодной зимой не всегда лежит снег. Его оппонентом являлась словно специально подобранная противоположность: немного сгорбленный, излишне худощавый и болезненно-бледный юноша. Никто не имел сомнений по поводу того, кто выиграет этот поединок.

Претенденты на Фею разошлись на расстояние в пять метров и поклонились друг другу, после чего сразу заняли боевые стойки. Применять дальнобойные способности в рамках данного мероприятия было строго запрещено — дворяне начали стремительно сближаться обратно, уже с обнаженными мечами в руках. Незамедлительно последовавшим скрещенным клинкам сопутствовали далеко разносящиеся по округе радостные возгласы мужчин и испуганные вскрики женщин.

Толпа жаждала искусного фехтования и красочной магии, однако паренек с резко контрастирующими с его белоснежной кожей темными волосами заигрывать с противником на потеху зрителей не собирался: столп пламени из земли ослепил южанина, закономерно не успевшего из-за этого среагировать на выскочивший из огня острый наконечник, который и лишил его первой оболочки. Остаться в долгу крепыш не желал, попытавшись провести контратаку при помощи появившегося в его левой руке двухметрового лассо с еле заметным белым свечением, но специфическое орудие только и сделало, что просвистело в миллиметре от цели, оставив ту совершенно невредимой, и бесследно исчезло.

Следующей трате маны предшествовало ровно два звонких лязга металла, после чего юный барон нутром учуял неладное и вовремя отступил назад, избежав вошедшего глубоко в землю меча. Потеря своего основного оружия смуглого мужчину нисколько не смутила — имея про запас два кинжала, он словно почувствовал себя еще более раскрепощенно. Вероятно, его находящийся в раже соперник не заметил случившихся изменений и потому ринулся завершать дуэль, поплатившись за невнимательность оболочкой: Квилоны так быстро шинковали воздух, что отразить молниеносные удары было чем-то за гранью реальности.

Аристократы встали поодаль друг от друга — оба восстанавливали слегка сбитое дыхание. Продолжать тратить ману они боялись, держа в голове мысль о потенциальном нападении мутантов, но при этом задаром отдавать столь близкую победу им не позволяло самолюбие и мнимый статус перед прочими титулованными личностями. Воины будто специально тянули время, все не решаясь сделать выбор. Поначалу затихшие трибуны вновь стали оживать, выражая свое недовольство задержкой, однако возмущенные выкрики быстро сменились истошными воплями и четко-поставленными командами — где-то на границе лагеря завязался бой.

Люди бежали по ступеням вниз стремя голову, создавая хаос и излишне нагоняя ужаса на остальных обывателей, что из-за передавшейся им паники еще больше препятствовали передвижению гвардейцев Медио и личных солдат дворян. Находились и такие умники, что прыгали на толпу сверху, желая поскорее оказаться впереди, в результате чего сбивали публику с ног в месте приземления и травмировали ее, особенно детей и хрупких женщин, которым и без того доставалось больше остальных. Лу с Даином стояли смирно, лишь вместе со своими подчиненными отогнав паникерствующих крестьян. Без сомнений, Харраф пробьется через оборону и сам придет к ним — лучшим решением будет сначала избавиться от его сторонников среди рядов Яра, а затем перегруппироваться, зажав мутантов на становище в тиски.

Ралафар сидел на застеленной перине, держа меч между ног и пытаясь сосредоточиться. Его концентрацию будто специально сбивал подпрыгивающий от каждого громкого звука и носящийся по шатру, как дикая лошадь по загону, Линур.

— Лир, прошу, перестань меня нервировать! Пусть там хоть адрагонцы на нас нападают — мы не выйдем из укрытия, пока битва не доберется досюда.

— Как бы не было поздно. А коль губернаторские войска вовсе не пропустят Харрафа на территорию лагеря?

— Пусть на это надеется простой люд, а я выжду сколько будет необходимо и совершу задуманное.

— Да мы тут словно загнанные в угол звери, — не успокаивался юноша. — Ты жаждешь разыскать Килана, но вместо поисков спрятался в этой тканевой клетке, воображая из себя охотника.

— Терпения, сынок, тебе не хватает терпения. Я все еще помню о твоей спешке и о нависшей над Руткордом угрозе, но лишний час погоды не сделает. Мне пришлось ждать почти десяток лет, чтобы, наконец, собраться с силами рассказать жестокую правду Килу и совершить кровную месть Дэгату — вместо несообразной торопливости я лучше потрачу еще каплю времени в мучительном ожидании.

Линур облокотился на стол и тяжело вздохнул. Его пальцы часто постукивали по дереву, а голова покачивалась в такт несуществующей мелодии. Паренька охватил невероятный стресс в преддверии сражения, справиться с которым ему никак не удавалось. Его страх оправдывался большим, попросту бессчетным количеством недругов вокруг себя. При первой же возможности Лира не убьет только Раф и Луман, а все остальные не моргнут и глазом, когда от их рук падет очередной человек. Может, только еще Харраф считает не очень справедливым кончать собственного спасителя, однако прочие мутанты церемониться однозначно не станут.

Продолжать не замечать здоровую тревогу спутника князь больше не мог:

— Ты все время будешь рядом со мной — наши союзники, многие из которых тебя и так уже отлично запомнили, не посмеют тронуть бастарда Либера, как не сделают этого и гвардейцы Медо.

— Если только один из дворян не догадался, что я помог Фауду, и не пустил этот слух среди товарищей.

— Верь в лучшее и помни, что это цена за твою цель. Не дрейфь, Лир, я в тебе разглядел не труса, а готового пойти на все ради своих стремлений мужчину. А я не ошибаюсь в людях. К тому же грядущий разговор вызывает у меня не меньше беспокойства. Килан мог серьезно измениться за прошедшие года, а если он не поверит, что Дэг истинный убийца, мое сердце будет надолго разбито. Тем не менее я, как видишь, спокоен. По крайней мере снаружи.

Внутри шатра восстановилась долгожданная Ралафаром тишина, сквозь которую закономерно стали просачиваться крики извне и непрекращающаяся беготня близ стен жилища. Несколько минут назад со стороны арены раздались полные ужаса звонкие голоса, за которыми последовали активные телодвижения принадлежащих семейству Медо солдат — не догадаться о приходе Харрафа, для кого-то неожиданным, а для других долгожданным, было тяжело. Как результат, нервы Линура, сидящего без дела взаперти уже который час в

ряд и все это время безуспешно пытающегося найти себе место в доме Лумана, окончательно сдали и лишили его такой важной способности, как умение ждать своей минуты сияния.

На счастье бастарда, долго продлиться его мукам суждено не было — в помещение внезапно ворвался пестрящий черно-красным одеянием гвардеец. Запыхавшийся мужчина, казалось, не разбирал дороги перед собой, смотря на все вокруг безумными и непонимающими глазами. Ошарашенные столь наглым вторжением в чужое жилье, Ралафар и Лир застыли в недоумении всего на секунду, быстро сориентировавшись и поместив клинки в одну руку, а готовые вырваться наружу заклинания в другую. Подчиненный одного из дружинников Яра в свою очередь пусть и не сразу заметил две фигуры, находясь которым внутри опочивальни семьи Лунов однозначно было не положено, но при этом достаточно быстро сообразил, что ему полагается сделать, как исполняющему обязанности стражника лицу — он сразу потянулся к рукояти меча, однако острота Цветовласки у шейной артерии тут же заставила его остановиться на полпути.

— Извольте иметь беспардонность спросить, что обычный солдат забыл в шатре отсутствующего князя Лумана? — в свойственной ему манере спросил Раф у, само собой находящегося по статусу намного ниже, подпрапорщика. — Под шумок пришли красть дорогие вещицы?

— Ваше Сиятельство, я могу задать вам тот же вопрос, — не растерялся уже начавший лысеть в силу возраста мужчина. — Прячетесь от недружелюбных по отношению к вам аристократов, а заодно укрываете вороненка, на имя которого Яр Медио озвучил смертельный приказ, наказав гвардейцам прикончить преступника, как только мы увидим его на здешних территориях?

— Мне ничего не стоит перерезать глотку вора прямо сейчас. — Ралафар хладнокровно нанес неугодному гостю маленький порез около кадыка, который, тем не менее, стал активно кровоточить.

— Мутанты. Они напали на лагерь с двух сторон, пытаются зажать нас здесь и затем выжечь, как крыс в подземелье.

— Как это связано с твоим проникновением в чужой дом?

— Их много, очень много. Они словно слетевшие с катушек звери: бесстрашно прыгают на выставленное оружие и умирают с нездоровым оскалом на измазанном кровью лице. В них немерено силы и отваги, а мутации разрушительны и смертельны для меня и моих братьев. Их нельзя остановить!

— Ты... испугался, — понял, в чем дело, Раф.

— Да, сука, я испугался! — закричал мужчина — И что?! Я человек, в отличие от них!

Князь резко ударил левой рукой по затылку голосащего стражника, отчего глаза последнего тут же закатились, и туша громко упала лицом в пол.

— Он живой? — поинтересовался Линур скорее для заполнения паузы, нежели действительно переживал за здоровье мужчины.

— Ежели я не переборщил с маной, то конечно. — Ралафар встряхнул ладонь. — Хватило же мозгов бежать с поля боя, а будучи пойманным за руку, кричать и дерзить мне. Эдаких дураков вряд ли что-то способно исправить.

— Однако никто, кажется, нас не слышал.

— Уже не важно. Дела у обороны, должно быть, идут совсем дерьмово — пора присоединиться к битве. Не отходи от меня ни на шаг, сынок. — Раф повернулся было к выходу, но тут же вновь посмотрел на собеседника. — И не стоит беспричинно лезть на

рожон, особенно в случаях, когда не уверен.

— Ну хватит нравоучений. — Лир почувствовал себя дитем. — скорее идем, пока не стало совсем поздно.

Снаружи укрытия завязавшаяся недавно бойня предстала перед прятавшимися людьми в совершенно новых красках. В небе витал густой, черный дым, исходящий от выпущенных на свободу оранжевых пожирателей всего живого, что плясали на трупах, холмах и деревьях, придавая воздуху отвратительный запах горелых дровишек вперемешку с человеческим мясом. Приглушенные до этого звуки налились силой, и с каждой из двух сторон стали без конца доноситься крики боли и отчаяния, не прекращающиеся размашистые удары косою и заливающаяся громким хохотом всемогущая смерть, устроившая сегодня пир.

Мимо проносились солдаты и иногда дворяне, но никто из них не замечал ни скандального князя, ни его ненастоящего бастарда, спеша то ли поскорее ворваться в бой, то ли, наоборот, убегая от него так быстро, чтобы только пятки и сверкали. По мере приближения к битве, Линур все больше испытывал необычное, совершенно новое для себя ощущение. В какой-то момент ему начало казаться, что он способен потрогать воздух, что тот обволакивает его со всех сторон, а дыхание становится все тяжелее, но при этом в несколько раз насыщенней, нежели обычно.

— Раф, у меня галлюцинации или это происходит в самом деле?

— Природа насыщается маной. Привыкай, в крупных сражениях подобное происходит всегда. В первый раз ты ощущаешь себя будто под водой, но с каждым последующим разом все больше и больше привыкаешь к удивительному окружению, и вскоре весь антураж пропадает.

— Каково же было людям, когда появлялось общеизвестное ныне Ущелье, или когда разрушался Пондерос?

— Больно. Думаю, ты тоже слышал истории, как свидетели столь давней битвы магов лишились слуха и зрения, а некоторые и вовсе задохнулись, надышавшись выплеснувшийся энергии. Воздух сдавил их словно железная струбцина. Повезло, что головы лопаться не начали.

Юноша еще немного поводил руками перед собой, представляя, что мешает кисель, и продолжая дивиться столь необычному явлению.

— Сосредоточься, Лир! — Князь щелкнул пальцами перед носом парня и в эту же секунду оказался исподтишка сбит мелькнувшим перед глазами силуэтом.

Линур не успел увидеть ни куда отлетел товарищ, ни кем был напавший, с трудом сохраняя контроль над собственным телом и пытаясь побороть головокружение. Он шатался из стороны в сторону, кое-как удерживая равновесие, и часто хлопал глазами, сясь углядеть хоть что-то сквозь появившуюся на роговице плену. Накатившая на лагерь волной напасть подкашивала ноги и затуманивала разум, делая даже из могучих воинов дезориентированную и беззащитную добычу.

Лир, после минутной борьбы с гравитацией, все же не совладал с последней и покатился по земле, не имея ни одной здоровой мысли, что с ним происходит: пространство дало трещину подобно прошлогодней битве у Пондероса, иль это так проявляется точечная способность противника? Может, оно и правда, однако бастарду не хватало ресурсов одновременно сосредотачиваться на трясущихся конечностях, которые нещадно подводили при любых попытках встать, и расплыться на даже простейшие размышления — он покончил с ними, пародируя спустившего все до последнего медяка на выпивку пьяницу за

таверной.

Когда количество падений перевалило за двадцать, Линур через, казалось, непреодолимые невзгоды, наконец, смог вернуть себя в вертикальное положение, тем не менее сразу замерев статуей, не смея даже дышать. Зрение прояснилось, и пред юношей материализовались виновники его свалившегося, как снег на голову, недуга.

— Адрагонцы, — не веря самому себе, прошептал Лир. — Адрагонцы! Адрагонцы!!!

Никто его не слышал — ни пропавший Ралафар, ни исчезнувшие люди, что только-только пробежали мимо. Он крутился на месте, с ужасом осознавая, что все внимание вальяжно подходящих с разных сторон трех фигур достанется ему одному.

Жители Адрагона были одеты не по погоде, в легкие стеганные металлом доспехи и плотно прилегающие штаны. Их кисти с еле заметным оттенком кожи красного цвета держали две внушительные сабли, больше походящие на зубы морского чудища, и одно длинное копье. Хвосты с обрубком на конце покачивались в такт движению, радужка горела племенем, а из-под аккуратно убранных назад волос проглядывали маленькие рожки.

Бастард не знал, как ему действовать, разрываясь между адрагонцами и все никак не примеряясь с мыслью о столь ранней встрече с закадычными врагами Рутткорда. Его тело потряхивало, а голова немного кружилась то ли от страха, то ли от пережитой ментальной атаки. Пальцы Линура сжали эфес, но никакой уверенности, как в замке Медио, ему это не придало, отчего он растерялся еще больше.

К этому времени один из противников подобрался к трусившемуся парню достаточно близко для выпада — выставленный на рефлекс блок ознаменовал начало боя. Воины, как это обычно бывает в настоящих схватках, не стали бездумно применять способности с первых секунд, предпочитая сначала изучить врага: определить его стиль, скорость и силу, найти слабости и подметить ошибки. Для опытного человека и тем более для адрагонца это дело нескольких ударов, после которых уже можно смело надавливать на недостатки в хореографии вражины при помощи магии.

В случае Лира такой подход, наоборот, дал последнему дополнительное время, чтобы успокоить нервы и принять реальность происходящего. Атаки хоть и были сокрушающими, но при этом отличались особенной медлительностью и последовательностью — юноше не составляло труда уклоняться от них и успевать отражать то пару клинков, то копье, свободно перемещаясь между палатками и используя их в качестве укрытий. Наконец, после недолгой, но изматывающей беготни, его руки покинула дрожь, а в мозгу воцарился холодный расчет — Линур решил перехватить инициативу. В очередной раз зайдя за шатер, он за секунду незаметно влил в ткань ману, делая ее намного прочнее обычного, и сделал несколько шагов назад, заманивая адрагонца в ловушку. Хвостатый мужчина начал крутящее движение древком перед собой, отгоняя бастарда и исключая возможность его коварной атаки, в результате чего, как и задумывалось человеком, наконечник копья задел край чьего-то жилища. Во всех прочих случаях лезвие рассекло бы брезент, как нож подтаявшее масло, однако сейчас оно застряло в нем намертво, полностью обескуражив владельца. Юноша в свою очередь драгоценного времени попросту не терял, нанеся незамедлительно принесший определенные плоды удар: проявившийся красный щит на выставленной неприятелем правой руке рассыпался вдребезги. Во избежании повторной атаки товарищи краснокожего не постеснялись применить магию, чтобы оттеснить Лира и позволить брату по оружию очухаться.

Воодушевившись собственной удачно реализованной связкой, парень продолжил

огрызаться, совсем не замечая, как стусился таинственный туман вокруг, покрыв собой кроны деревьев. Он подбирался все ближе, ограничивая безопасное пространство, за чьими пределами таилось нечто смертельно опасное. Внутри же круга засверкали способности, поджигая траву и листву, разрушая многочисленные палатки, между которыми лавировал Линур. Бой перетек в новое русло, где решало количество маны и убойность заклинаний, а не навыки ближнего боя.

Из-за численного преимущества у противников и своего скудного арсенала бастард больше уворачивался и убегал, нежели действительно сражался, при этом четко осознавая какую-то неправильность всей схватки. Вместо того, чтобы наброситься организовано, задавив врага числом и превосходящей силой, адрагонцы продолжали действовать поодиночке, медленно и неторопливо — они игрались с ним. Юноша с самого начала на подсознании понимал, что ему не справиться сразу с тремя столь опытными и могущественными воинами, но такого откровенного унижения оставить без внимания он не мог. Ярость овладела им за мгновения, и инстинктивное желание выжить вдруг сменилось на характерное для человека безрассудство, когда собственная жизнь уже не кажется такой ценной.

Мимо просвистела выпущенная из рук стрела, загоревшись ярким пламенем в самом конце. Лир более не боялся снарядов, что так и будут пролетать в сантиметре от его лица, пока обладатели рожек и хвоста не окажутся в настоящей опасности, поэтому бежал напролом. Сталь Албуса переливалась и сверкала, а вихры на эфесе и ножнах ожили, завиваясь между собой и придавая парню дополнительной скорости; нарисованные белые кони на черном фоне заржали, их мощные ноги снова и снова отталкивались от земли, неумолимо везя своего всадника вперед. Подобравшись достаточно близко, Линур прыгнул и вытянулся словно струна, обеими руками направляя наконечник меча в грудь адрагонца. Заигравшийся краснокожий мужчина позорно для себя потерял контроль над ситуацией и не успел ничего противопоставить атаке — клинок вошел неглубоко благодаря разлетевшемуся на искры щиту, однако этого сполна хватило, чтобы бастард смог применить способность своего артефакта.

Мороз пополз по грудной клетке, сначала замораживая мясо и кожу, затем добираясь до мышц, нервной системы и костей, и лишь после захватывая органы, вены и, наконец, останавливая сердце. До сего момента устрашающий и невозмутимый боец родом из Адрагона в мгновения ока закричал от боли и страха, на его лице возникла гримаса ужаса, а конечности затряслись, быстро синяя и отмирая. Брошенное его товарищем копьё пробило Лиру живот насквозь, выйдя наружу в районе пупка. Превозмогая невыносимые муки, юноша улыбнулся, наблюдая, как задыхается и мучается его супостат, как от боли по его щекам потекли слезы, тут же превращающиеся в льдинки, прежде не всегда успевая выйти из глаз, и как его вздувшаяся грудь под давлением газа лопнула, обдав уже затвердевшими ошметками неимоверно счастливого Линура.

— Су-ка, — поникшим голосом констатировал подбежавший адрагонец.

— Какая услада для ушей, — из последних сил еще шире улыбнулся человек прежде, чем лишиться головы.

Вороненок громко втянул воздух ртом, рывком поднявшись с земли. Он судорожно ощупал живот и шею, но не обнаружил там ни ран, ни крови, ни шрамов. Все больше приходя в себя, Лир заглянул в интерфейс, с изумлением отметив полную шкалу маны и не ушедшее в перезарядку специальное свойство Албуса.

— Вставайте, сударь! — перед его носом появилась протянутая рука. — Ну же, скорее!

— Индо? — принимая помощь, продолжил поражаться парень. — Вы то что тут делаете? Где губернатор Яр и его люди?

— Пытаюсь выжить, сударь, а Его Сиятельство, возможно, уже мертв. Надо торопиться!

Луман скакал вокруг солдата, непрерывно нанося тому удар за ударом и то и дело выкрикивая «ха», «хо» и «ху». Играючи увернувшись от снабженного энергией выпада, он провел лезвием по горлу союзника Харрафа, оставляя того захлебываться собственной кровью.

— Годы идут, а ты все такой же, — неодобрительно покачал головой Даин. — Однажды ты доиграешься.

— Не надо дискредитировать мой стиль, — показал зубы Лу. — Я надеялся позлить тебя этим на арене, но, к великому сожалению, до этого не дошло.

— Тебе вовсе не нужен турнир, чтобы меня раздражать.

— Зануда.

На границе лагеря, где раздались крики в самом начале, вспыхнул огненный шар, перехватив внимание князей на себя.

— Плохи дела. Гвардейцы Медио не справляются.

Думаю, тут мы закончили, — осмотрев обрамленные кровью и трупами трибуны, заключил Лу. — Яру нужна наша помощь.

Оставив за спинами лежать свыше десятка аристократов и чуть ли не сотню их подчиненных, выжившие и дееспособные сторонники губернатора побежали на звуки только набирающего обороты боя.

По пути оставшейся скудной группе из двадцатка лиц встречались разорванные шатры, разбросанные вещи и большое количество перепуганных до смерти людей, не знающих, где можно скрыться от бойни, и поэтому забивающихся по углам. Многие из них были измазаны в грязи, у некоторых синели и набухали синяки, а кто-то так и не смог остановить кровь, текущую из разбитой головы, ссадин и ран.

— Бегите в противоположную от замка сторону! — кричал им Луман, показывая нужное направление. — Бегите, пока не поздно!

Почти все крестьяне охотно слушались его, но особо упрямых, а может просто контуженных, приходилось насильно поднимать на ноги и отправлять в безопасное место. Даин всем своим видом показывал, как он недоволен постоянными задержками, но Лу не обращал на него никакого внимания, продолжая оказывать помощь, отчего тот хмурился еще больше.

По мере приближения все чище ощущалась находящая свободу в применении способностей мана, четче и громче раздавались команды надорванными голосами, и все ярче ощущался трупный запах. Заметивший подоспевшую группу дружинник быстро соориентировался:

— На северо-восток! Там Его Сиятельство Яр пытается закрыть прореху — ваша посobie будет более чем кстати.

Не смолвя ни слова, люди побежали дальше. Рядом с образовавшимся фронтом они уже не встречали ужасающих простолюдин — их место заняли храбрые и мужественные солдаты, что убивали мутантов и сами отдавали концы. Сказать какая из сторон клала голов больше пока было нельзя.

Гвардейцы заняли передовую в наиболее удобной для себя позиции и держали ее, почти не сдвигаясь. Подчиненные Харрафа налетали вихрем, пробивались при помощи магии и

пытались задавить ослабленные точки числом, но все потуги привели лишь к одному удачному прорыву, которым прямо сейчас занимался губернатор.

— Ох, хвала Системе! — искренне обрадовался Яр, завидев князей. — Возьмите еще столько же людей, сколько уже имеете, и зайдите с правого фланга, отрежьте этих уродов от основных сил, и тогда мы сможем добить прорвавшихся. Скорее, пока их не стало еще больше!

Мужчины родом из известных домов вновь ничего не ответили, лишь кивнули и ускорили шаг. Проходя за спинами сурово сражающихся воинов, они вытягивали из пыли бойни самых крепких ребят и шли дальше. Несколько раз к ним дорывались мутанты и тут же жалели об этом — придумать более скоростной путь к адрагонцам непросто. Погибло и пару ребят Даина: один от стрелы во лбу, другой от шальной способности, ударившей ему точно в грудь.

Даже не дойдя до самой привлекательной точки для начала контратаки, группа спасения увязла в бою. Лу прекрасно знал, что от мутантов нужно ждать сюрпризов, поэтому действовал в разы аккуратнее, нежели с людьми, дотошно выбирая наиболее удобные ситуации и оценивая свое сиюсекундное положение каждый раз перед тем, как нанести точный удар. Тем не менее выработанный годами дуэльный стиль Лумана, требующий много свободного пространства для резвого перемещения, в крупных сражениях играл против него самого, из-за чего первая оболочка аристократа долго не продержалась, разлетевшись вдребезги. Благо, в его запасе находились еще целых две: первая от артефактного меча, а вторая в качестве стационарного щита, активирующегося через интерфейс.

Стоя плечом к плечу с солдатами и одновременно имея как внушительный рост, так и широкий торс, Даин справедливо чувствовал себя намного увереннее товарища в абсолютно аналогичной обстановке. Он не страшился меряться силой с мутантами, лихо отбивая летящие в него клинки, и не боялся сближаться с противниками, активно мутузя их свободной рукой при любой выдающейся возможности. Однако и топорная тактика имела свои недостатки, выражающиеся в кратковременности столь яркого выступления. Гемм подобно вылетевшей из костра искре взметнулся в воздух на несколько секунд и тут же потух, исчезнув во тьме ночи: навлекая на себя чересчур много внимания, он лишился всей магической защиты и был вынужден отойти во вторые ряды, чтобы взять короткий передых.

Излишняя осторожность в действиях дворян и гвардейцев была совершенно оправдана: некоторые специфичные возможности вставших под крыло Харрафа нелюдей несли разрушительный характер, а не только уродовали своих владельцев, как превратившийся в чешую рептилии участок кожи на лице, несуразный и бесполезный отросток на теле или еще какое-либо недоразумение. Как раз один из таких мутантов решил действовать по-крупному — он оттолкнулся от земли мощными лапами, по строению схожими с орлиными, но куда более жилистыми, с огромными когтями и по размеру превосходящими человеческую стопу в два раза, и приземлился рядом с Яром, намереваясь покончить с главой дома Медии здесь и сейчас.

Губернатор не был готов к столь внезапной атаке, что свалилась на него буквально с неба, но сумел быстро сориентироваться и уйти в сторону, избегая острого лезвия. Прыгая в тыл врага, уродец с птичьими ногами уже понимал, что живым обратно он не вернется — терять ему было нечего, и в ход пошел весь доступный арсенал. Мимолетным движением мутант поднял в воздух пыль и расчертил в получившемся облаке несколько бессвязных дуг, которые вдруг ожили и отправились в полет смертоносными лезвиями. Яр не обладал

достаточной ловкостью, чтобы уклониться от них, зато присущая ему масса даровала князю силу, которую тот направил на прочные, как камень, блоки оружием, справившиеся со своей задачей на ура. Дождаться следующего фокуса Медио не стал, воткнув наконечник меча в землю и применив собственную способность, повысившую температуру почвы под орлиными лапами до экстремальной, а затем, когда конечности увязли в мягкой и вязкой, как нуга, земле, резко схватила их в тиски, обрекая нелюдя стоять на месте до тех пор, пока ему не удастся разломать затвердевший материал.

Долго мучаться мутанту не пришлось — нескольких точных выстрелов из лука в спину хватило, чтобы стрелы пробили доспех и задели его жизненно важные органы. Мертвая туша упала не до конца — поясничный отдел и лопатки так и остались висеть в воздухе.

Тем временем Луману оборачиваться назад было некогда. Половина пути оказалась уже позади отряда, чья задача состояла в том, чтобы отрезать прорвавшихся союзников Фаудов от основных сил — они встречали все больше сопротивления. Нелюди стали действовать агрессивнее, жестче и опаснее. Лу вытащил свой излюбленный козырь из рукава и в эту же секунду исчез с поля боя, чтобы появиться за спинами супостатов в виде огненного силуэта. В несколько мимолетных движений он лишил головы сразу нескольких врагов, пропал и вновь появился на прежнем месте, убив еще и ошеломленного таким трюком мужчину с костными отростками вместо бровей.

Даин с личной малочисленной гвардией заметили представившуюся возможность сделать рывок вперед первыми и незамедлительно воспользовались ею, отогнав мутантов еще дальше и почти полностью перекрыв им кислород. До выполнения изначальной цели паре аристократов осталось сделать считанные шаги, однако они обещали быть самыми тяжелыми: воины растянулись тонкой вереницей, сражаясь сразу на два фронта и одновременно с этим стараясь пробиться дальше. С другой стороны, то ли получив команды от губернатора, то ли проявив инициативу, также активизировать солдаты, прорубаясь сквозь противников навстречу. Осознавая, что люди позади, находясь между молотом и наковальней, долго продержаться не смогут, а мутанты вокруг них уже потратили самые убойные способности, князья поставили на кон свои жизни и ринулись завершать начатое вдвоем.

Луман на пару с Даином выкладывались на максимум, выплясывая и полосуюя тела. Они сосредоточились на клинках и копьях нелюдей, совсем не обращая внимания на лица убитых. От их рук гибли как мужчины, так и женщины с подростками, взявшие в руки оружие и пытающиеся завоевать свободу для себя и будущих поколений. Истории жизни большинства этих отвергнутых обществом существ трагичны и печальны — накопленная ими обида, пережитые унижения и пролитые слезы преобразовались в ярость, что выплескивалась в беспощадной битве, и которая тем не менее полностью разбивалась о профессионализм мастодонтов фехтования.

Красный волк и голубой алмаз вновь воссияли на поле боя. Сталь аристократов сверкала, в их глазах горел огонь, а с лезвий стекала кровь свыше десятка убитых. Пойманный кураж придавал им сил, чтобы двигаться дальше и продолжать шинковать врагов, пока последние боялись подойти, неизбежно сдавая позиции — они не могли побороть появившийся животный страх. Из-за их спин раздалась громкая и жесткая команда вперемешку с бранью и угрозами, и ряды вновь стали уплотняться, но было слишком поздно — полминуты и гвардейцы вытеснили супостатов из образовавшегося кармана. Командир мутантов то лисо зла, то ли просто в отместку бросил копье издали в Лу столь метко, что

тому пришлось потратить второй щит, в этот раз артефактный.

— Урод! — его недовольству не было предела.

Добить остатки окруженных противников являлось делом техники, поэтому князья отступили и возвратились к Яру, оставив солдат под начальством дружинников довершать это самим.

— Где Фейниль? — Даина по-настоящему волновала лишь одна вещь.

— Я отправил ее в замок под опекуном Индо. Не знаю, сколько Харрафу понадобилось лет, чтобы собрать такое количество подобных себе ублюдков и организовать их, но они напали одновременно и на замок, и на лагерь с двух сторон. Мои стены выдержат, но я должен быть рядом с дочерью.

— Я поеду с тобой.

— Нет! — отрезал губернатор. — Вы оба нужны на втором фронте, ибо там творится что-то неясное. Возьмите ситуацию под свой контроль и не дайте прорваться нелюдям дальше. Я возлагаю эту ответственность на вас.

— Фея под твоей защитой! Если с ней что-то случится...

— Это моя дочь! — не удержался глава Медии, брызнув слюной. — Уж если кто и печется о ее безопасности, так это я! Не теряйте драгоценного времени, — он развернулся и быстрым шагом направился в сторону конюшен, к беснующимся животным.

Пара товарищей бежала по почти пустому лагерю, где лекари и равнодушные люди оказывали помощь раненым воинам. Выдвинутый из чьего-то шатра стол они использовали в качестве лежанки для солдат с увечьями, которых требовалось заштопать или, наоборот, лишить отмирающей конечности. Вскоре у лекарей кончилась мана, и им пришлось активно использовать зелья вместо способностей — благо склянок было в достатке. Но несмотря на наличие подручных средств, образовавшаяся куча трупов по соседству с забинтованными солдатами говорила о том, что большую часть вытасненных с поля боя гвардейцев знахари и целители все равно не успевали спасти или попросту не могли этого сделать.

Когда аристократы достигли жилища Лумана, последний остановился, как вкопанный, не желая продолжать движение.

— Дальше ты идешь один — у меня имеется еще одно дело.

Даин замер в замешательстве всего на секунду, быстро сопоставив одно с другим.

— Ах ты сука! — В два шага рыжий здоровяк оказался перед лицом худощавого блондина. — Я подозревал, что ты мог прикрыть своего друга, но чтобы лгать мне в лицо, не поведя и бровью, а после иметь наглость так легко уходить прочь в момент, когда всему семейству Медии требуется наше с тобой участие в битве — даже не смел и подумать. Раф у тебя в шатре, не так ли? И его бастард, надобно думать, тоже там прячется? А ты знаешь, какой приказ отдал Яр? Незамедлительно убить вороненка, если он появится в здешних окрестностях.

— Не надо. — В голосе Лу царило спокойствие. — Тебе не справиться с нами тремя.

— Вон оно как, — обернулся уже шагавший к брезенту мужчина. — И все же мое достоинство не потерпит этого.

Гемм ворвался внутрь с намерением порубить на куски любого, кто встанет на его пути, но жилище оказалось совершенно пусто, если не считать валявшегося без сознания на полу гвардейца. Беглым взглядом он осмотрел убранство, плюнул прямо на ковер и вышел обратно на улицу, где его ждал готовый к любому развитию событий Лу.

— Ты правда считаешь, что я буду драться из-за этого поганца? — невесело улыбнулся

Даин. — Что скрещу мечи с тобой, когда на пятки наступают мутанты? Уходи, беги отсюда в поисках Ралафара, как трусливая шавка. Однако я не забуду беспардонной лжи и твоего поступка, когда в тяжелую минуту ты поставил себя выше интересов Империи. Прощай, Лу.

Оставшись стоять посреди лагеря в одиночестве, князь подходил к шатру с опаской, испытывая смешанные чувства и боясь увидеть внутри кровавую картину. Ничего, кроме столь нежеланного обнаружения, не могло вынудить Рафа покинуть укрытие — Луман знал друга достаточно хорошо. Когда завеса, наконец, приоткрылась, опасения подтвердились, но лишь наполовину, что позволило блондину выдохнуть с облегчением. Сбежать, не завершив задуманное, Ралафар не мог, а значит оставался лишь один вариант — он отправился на поиски Килана вместе с Лиром, так и не дождавшись поддержки.

Разглядывая плывущий по небу и перекрывающий собой зеленую округу черный дым, Лу активно пытался вспомнить, в какой части лагеря разместился Омилиум, и где он находился в момент начала сражения. Килан во время пира явно склонялся к позиции Харрафа, и с высокой долей вероятности он уже может быть мертв, но при этом в побоище у арены мужчина участия не принимал, а значит либо его взгляды после вскрывшейся правды о мутации Фауда изменились, либо у него был собственный план действий. Не стоит также забывать о его незыблемой дружбе с Дэгатом — их сблизили искренняя ненависть к Ралафару и желание убить последнего. Правда, по разным причинам. Вполне возможно, что эта парочка действует вместе.

За неимением прочих толковых вариантов, Луман отправился вслед за Даином, в поисках опочивальни Кила. Продвигаясь все дальше, степень его удивления увеличивалась пропорционально: местами почва была выжжена, брезенты изрезаны, а внутренности палаток хаотично разбросаны по земле. Никогда прежде Лу не видел столь явных следов битвы и при этом без единой капли пролитой крови — что бы здесь не случилось, это было нечто за гранью нормального. Последующие шаги он делал выверено, страхась сам не зная чего. В этой части лагеря, в отличие от той, где трудились лекари, отсутствовали трупы, но ощущение, будто все вокруг вымерло, появилось у него только сейчас.

Между редко растущих неподалеку деревьев вдруг раздался испуганный мужской крик. Желая поскорее покинуть пропитанное смертью место, Луман побежал к обозначившей себя живой душе со всех ног — он мечтал избавиться от гнетущего чувства и совершенно не задумывался о том, бежит ли на встречу к мутанту, или попавшему в беду товарищу.

Мчась сквозь высокую траву, Луман неосознанно отметил витающую в воздухе пыльцу неизвестной ему природы, что залетела в нос и заставляла его периодически чихать. Она осаждалась на желтые листья и кустарники тонкой пленкой, отчего они светились на свету подобно гляncу, еще больше убеждая князя в неестественности происходящего. Почувствовав легкое головокружение и тут же запнувшись на ровном месте, он, кажется, стал догадываться о причинах оставленного людьми беспорядка и их общей ротации.

— Кил, нет, одумайся! — прозвучал совсем рядом знакомый голос.

Блондин преодолел еще несколько метров и остановился в недоумении: растрепанный и испачканный в грязи Раф стоял на коленях с мечом в руке у подножия холмика, с которого он только что скатился, общаясь с видимым только ему собеседником.

— Поверь мне!

Лу недоверчиво подошел к другу и тронул его за плечо, тут же отскочив в сторону, едва не лишившись потрохов. Словно обезумев, Ралафар несколько раз взмахнул клинком перед собой, после чего, наконец, разглядел товарища и остановился. Он обернулся в

растерянности, пытаюсь найти существовавшего лишь в его голове Килана, и, закономерно не обнаружив последнего, вновь сосредоточил взгляд на принадлежащем к семейству Лунов человеке.

— Где он? Куда он делся? Ведь только-только стоял передо мной... — Раф зарылся пальцами в волосы и почти упал на землю, пытаюсь осознать произошедшее.

— Здесь не было Кила. — Луман аккуратно присел рядом. — Это всего-лишь видение, навеянное каким-то алхимическим препаратом. Я полагаю, мутанты распылили его.

— Но я же все ему рассказал, во всем сознался! — Мужчина был на грани срыва. — Он не поверил, жаждал мести. Я пытался дать отпор, но не смог поднять меча на убитого горем друга.

Либеро и Луны стояли плечом к плечу во многих сражениях, но ни разу Лу не видел, чтобы у Ралафара, всегда стойкого и сдержанного, на глазах наворачивались слезы. Они немного посидели в тишине, чтобы Раф пришел в себя и окончательно осознал, что случившиеся откровение было лишь иллюзией.

— Нам все так же нужно найти Килана?

— Если ты в состоянии рассказать правду еще раз.

— А где Лир? Ты видел его?

— Нет. Испарился, как и все прочие.

— Жаль. Но он найдет нас. Я надеюсь, — наведя порядок на голове, Либеро встал и отряхнулся. — Пока мы ехали сюда, я не смел надеяться на твою помощь, но... ты со мной?

— Ты прослыл эгоистом среди аристократов и, вспоминая наши былые приключения, мне тяжело с этим не согласиться. Однако ты не обманываешь себя, в отличие от других. Лицемер из тебя никудышный. Мой красный волк. — Растрогавшийся Луман приложил ладонь к своей груди, где был изображен герб его семьи. — С твоими парусами.

Лир и Индо бежали сквозь феноменально отражающий лучи калида лес, не оглядываясь. Они преодолели метров пятьсот, прежде чем бастард взял передышку, чтобы разобраться с творящемся в его голове сумбуром.

— Остановитесь, наконец! Что происходит? Куда мы несемся?

— Некогда толковать, сударь. Вы должны мне помочь!

— Я обещал сделать то же для Ралафара, но его и след простыл после того, как на меня напали андрагонцы.

— Адрагонцы? — Распорядитель скривился. — Но когда я вас обнаружил, вы сражались с пустотой.

— Я убил одного из них, после чего копьё пробило мой живот насквозь. А затем появились вы, и все пропало. Вы можете это как-то объяснить?

— Извините за бестактность, но только вашим сумасшествием.

— Так ответьте мне хоть на что-то! — потерял терпение Линур.

Индо опасно осмотрелся по сторонам и все-таки согласился со справедливостью требований вороненка.

— Его Сиятельство Яр отправил свою дочь в замок, наказав мне довести ее в целостности и сохранности. У нас имелось сопровождение в виде нескольких гвардейцев, однако когда по пути нашу группу перехватил скромный отряд мутантов, они ничего не смогли им противопоставить и отдали свои жизни, чтобы мы с Фейниль хотя бы попытались избавиться от погони. В той суматохе я ничего не соображал и погнал коня куда глаза глядели, само собой совершенно потеряв из вида Фею. Мне немного стыдно признаваться, но я так мчал, что вскоре не справился с управлением, вылетел из седла и продолжил побег, будучи уже на собственных ногах. Затем кровь отхлынула, и ко мне пришла ясная мысль, но было слишком поздно — я заблудился. И только после этого появились вы, пытающийся побороть воздух и разговаривающий с самим собой.

— Другими словами, вы ничего не знаете и хотите, чтобы я помог вам отыскать дочь губернатора?

— У меня нет к вам доверия, как и иного выбора — просить больше некого.

Размышлять Лиру тут было не о чем, поэтому он лишь тоскливо огляделся, понимая, что его с Рафом договор трещит по швам.

— Это не моя война, сударь. Вы знаете, что я здесь по одной единственной причине, и остальное меня не интересуют.

— Вы не можете и дальше продолжать придерживаться нейтралитета. Возможно, сейчас вам и кажется, что это обойдет вас стороной, но когда начнут умирать родные, а дом запылает ярким огнем, то дергаться уже будет поздно. Необходимо пресечь революцию еще на этапе ее зарождения.

— Это не имеет значения, если все мы, будь то Либеро или Медио, Фауды или Гладетисы, Империя или Королевство лишимся нашего общего дома — Рутткорда. Пусть я не князь и даже не бастард, а обычный деревенский парень, но именно поэтому мне доступно увидеть то, чего в упор не замечает или не хочет замечать вся аристократия. Вы выбрали один фронт, а я другой. Прощайте, Индо, и удачи вам!

Глянец остался позади, и пространство вновь наполнилось звуками битвы и природы. Луман непроизвольно поблагодарил Систему, что этот кошмар, наконец, закончился, впервые за прошедшие полчаса ощутив приятное дуновение ветра и полное отсутствие тревоги.

— Раф, почему ты так уверен, что они остались сидеть на месте? Если Килан и Дэгат взаправду планируют помочь Харрафу, то оставаться в столь очевидном и незащищенном месте глупо.

— Незащищенным от кого? Пока нелюди атакуют лагерь, о спрятавшихся по шатрам и палаткам никто и не вспомнит. Они дождутся нужного момента и ударят гвардейцам в спину. У меня нет сомнений, что мы идем правильно.

— А если все-таки нет? Проявишь ли ты ответное благородство или вновь исчезнешь из высшего общества на неопределенный срок?

— Я не думал об этом. Помимо Кила, у меня имеется еще одно важное дельце — завершение путешествия далеко, и игра вряд ли стоит свеч, — рассуждал Ралафар вслух. — Тем не менее иногда стоит делать что-то бескорыстно, как считаешь?

— Либеро совсем скоро будут втянуты в конфликт не меньше Медии и Фаудов, так почему ты продолжаешь делать вид, будто плевал с высокой колокольни на все эти разборки?

— Потому что так оно и есть. Чувства проворачивают со мной злую шутку, но я с каждым днем словно убеждаюсь все больше, что набирающее обороты кровопролитие более не пугает меня. У Империи, помимо двух соседних государств, имеется один страшный и могущественный враг. Кто-то должен им заняться.

— Ты, должно быть, смеешься.

— Я не говорю про прямое столкновение, упаси от такого безрассудства. Но у людей могут появиться новые союзники.

— Раф, ты говоришь мне какие-то сказки.

— Сделай одолжение, не погибни в ближайшие пару лет. Уже мечтаю посмотреть на твое лицо, когда я приведу целую армию.

— Либо ты гений, либо в край обезумел.

Князьям пришлось дойти практически до южного фронта, чтобы увидеть стоящие с самого края лагеря жилища искомых аристократов. Никакой активности ни внутри, ни снаружи заметить было нельзя, что лишь укрепило сомнения Лумана о истинном местонахождении Килана.

— Как будем действовать? — уточнил Лу.

— Прямолинейно и открыто. Кил не станет бездумно бросаться с оружием, а сначала выслушает меня.

— Должно быть, ты прав, однако меня беспокоит, что внутри мы наткнемся не только на Омилиума и Прита, но и их личных гвардейцев, а также парочку-другую прочих титулованных ребят. Более того, зная скромность и покладистость твоего друга, нет ни единого шанса, что в образовавшемся отряде командует всем кто-то иной, кроме Дэгата. Если диалог, который может вовсе не состояться, ни к чему не приведет, то это конец для нас обоих.

— Никто не обещал, что будет просто. — Ралафар волновался не меньше товарища, но безрезультатно пытался скрыть это.

— Килан, я знаю, что ты здесь! — подойдя к шатрам на расстояние в пять метров,

громко произнес Раф. — Выходи, я хочу поговорить!

Первым на улицу выскочил Дэг с улыбкой до ушей, не веря в столь щедрый подарок судьбы.

— Не может быть! — Его радости не было предела. — А куда запропастился бастард? Неужели отпрыск Либеро уже погиб?

— Закрой пасть, трусливый пес. — Церемониться со строящим из себя шута Дэгатом Ралафар не собирался. — В тебе нет ничего, кроме пустого трепя. Ты даже не смог организовать людей, чтобы вшестером быстро и без эксцессов прикончить меня, и в итоге сам чуть не лишился головы. Поэтому будь хорошим мальчиком и дай мужчинам поговорить.

— Дэг, помолчи, пожалуйста, — показался снаружи мрачный, как сама смерть, Килан. — Ты знаешь, что эта встреча для меня значит.

Темноволосый мужчина медленно подошел к Рафу — между ними осталось жалких полтора метра.

— Восемь лет. Восемь лет прошло с тех пор, как ты убил мою сестру. И вот дражайший друг, наконец, соизволил посмотреть мне в глаза. Ты не представляешь, насколько мне больно возвращаться в прошлое, но одновременно с этим и любопытно узнать, что тебя вынудило прийти сюда. Неужели ты обрел совесть?

— Лина была прекрасным человеком, и я не мог не выполнить ее последнего желания.

— Опять эта шарманка лжеца, — махнул рукой Дэгат.

С одного бока от Прита стояло трое товарищей последнего, а с другого еще четверо личных гвардейцев. Кил же имел в своем распоряжении только двух солдат, которые расположились позади князей, тыча оружием им в спины.

— Пусть рассказывает! — повысил голос раздраженный непрошенным комментарием Килан.

— Ты помнишь, что я относился к твоей сестре с трепетом и уважением, и никогда бы не посмел даже допустить ее смерти, не говоря уже про убийство. Пусть моя семья и вправду была очень огорчена ее союзом с Дэгатом, но не о каких планах по устранению жениха или невесты не шло и речи.

— Кому тогда понадобилась смерть моей сестренки? — Голос мужчины задрожал, а дыхание участилось. Иногда калидо проглядывало сквозь серые тучи, и Килану приходилось щуриться, но даже на таком расстоянии сквозь образовавшиеся щелки Ралафар заметил в глазах друга глубокую тоску и сожаление об утрате находившейся всю жизнь рядом с ним Лине, которую он по собственной глупости не смог уберечь от недоброжелателей.

— Тому, кто заменил меня в твоей жизни. Тому, кто сейчас стоит позади.

Кил обернулся с надеждой, что это неправда, но наткнулся на не сумевшего сдержать тень улыбки Дэга.

— Нет, нет, не может быть. — Он вновь посмотрел на Рафа. — Как? Почему?

— Турнир, проводимый твоим отцом в честь предстоящей свадьбы. Закончился день дуэлей, и после веселого застолья все разошлись по шатрам. Я забежал в свой, чтобы взять подарок и направиться к будущим супругам. Ночь была особенно темной — ориентироваться приходилось при помощи стоящих у брезентов факелов. Я немного заплутал из-за потушенных огней у жилища, попутно удивившись этому факту, и, должно быть, именно поэтому упустил момент, когда Лину еще можно было спасти. Внутри стояла подозрительная тишина, и меня потянуло проверить, находится кто дома, или мне предстоит

томительное ожидание у входа. Твоя сестра лежала на полу со связанными руками и кляпом во рту. Кинжал, совсем немного пройдясь по ее ребрам, как раз входил в живот — Дэгат вводил его медленно, чтобы Лина извивалась от мучений. Он заметил меня и тотчас побежал наружу, вырвав из плоти клинок и порезав им одну из стен шатра. Я же бросился к истекающему кровью телу, надеясь успеть помочь или позвать лекаря. Знаешь, какую фразу она произнесла первой, когда кляп полетел в сторону? Не говори Килу. Я не успел ничего узнать, лишь попрощаться, а она все твердила о своем: не пытайся что-либо доказать. Лина не хотела, чтобы ты знал правду, иначе развязалась бы война, последствия которой ты можешь осмыслить только сейчас. Проведя с ней последние секунды, я скрылся, пообещав не размолвить увиденного. Меня заклеямили в ту же ночь на следующие восемь лет, а теперь я надеюсь на прощение и понимание, что мне пришлось стать заложником ситуации. Как и тебе, Килан. Нам не дали право выбора. Подарок, который я хранил все это время, предназначен тебе. Пусть это станет символом нашего примирения, если ты готов взять его.

Омилиум несколько раз моргнул и на трясущихся ногах подошел к Рафу, приняв из его рук вытащенные из-за пазухи серьги. Ромбообразные алмазы цеплялись за штифту и швензу в виде клипсовой застежки из белого золота и сияли на свету разными цветами, завораживающе переливаясь. За украшение в свое время князь отдал добрую горсть монет и очень жалел, что Лина не успела примерить на себя такую красоту.

— Они бы ей подошли, — окончательно растрогался Кил, утерев рукавом потекшие сопли и слезы. — Я принимаю этот щедрый подарок за Лину и благодарю тебя от всего сердца.

Тем временем Дэг подошел совсем близко — его лицо выражало полную безразличность. Килан загладил волосы назад и посмотрел на него.

— Зачем ты это сделал? — В его голосе одновременно звучали нотки злости и отчаяния. — Что вынудило тебя разрушить союз?

Никакого смысла отнекиваться после несдержанных эмоций уже не было — Дэгат вновь улыбнулся, словно не существовало в мире лучшей улады для его ушей, чем жалостливые вопросы убитого горем друга.

— Тот самый союз, что существует более восьми лет и образовался в результате объединения усилий по поимке Ралафара? Позвольте и мне рассказать историю, коль вам так интересно узнать причину убийства. Ее исток берет начало целое десятилетие назад. Я прибыл в гости к Омилиумам на скромное мероприятие, которое заключалось в сытном ужине и деловых переговорах следующим утром. Моя семья как раз загорелась идеей сотрудничать со своим территориальным соседом и образовать коалицию, чтобы непрекращающиеся атаки морских чудищ перестали регулярно забирать такое большое количество жизней. В будущем ее результатом станет мой брак с Линой. Именно в тот день, когда меня отправили устанавливать дипломатические отношения, я познакомился с человеком, ставшим причиной нашего нынешнего разговора.

— Вечером я вышел прогуляться по берегу: послушать море и утрясти еду в желудке. Не самое безопасное решение, о чем меня предупредила и стража, но я всегда любил ходить босым по песку и вглядываться в таинственную темноту воды. Там появилась и она. Безумная женщина разделась догола и помчалась купаться, нырнув в тьму пучины с головой. Даже толком не разглядев ее лица, я влюбился в сумасшедшую девушку с полувзгляда и остался дожидаться ее возвращения. Она вылезла из моря через четверть часа, показавшись передо мной во всей присущей ей красе. Загоревшая от долгого проживания на юге кожа,

черные кудрявые волосы до лопаток, невероятно большие глаза, густые брови, широкие плечи воинственной красавицы и изящная фигура, будто вырезанная из камня скульптором — мастером своего дела. Ох, а ее гипнотизирующая попка стоит отдельной пьесы. Как итог, я остался еще на несколько дней, сославшись на плохое самочувствие — Килан должен это помнить. За то недолгое, но насыщенное время мы искренне полюбили друг друга, договорившись о скорой встрече уже в другом месте. Имя этой девушки — Лакари Гладетис, дочь Великого Князя Сохо Гладетис. Я ясно осознавал всю ничтожность вероятности получить одобрение ее отца на брак из-за разницы в титулах, однако оставлять свою любовь просто так не желал.

— Упуская из внимания все детали, через два года мольбами и обещаниями я таки добился расположения Сохо с несколькими условиями. Для меня это означало начало совершенно новой жизни, куда богаче и насыщенней, чем до этого. Однако у моего отца имелись иные планы, и всего через неделю он объявил о помолвке своего сына Дэгата Прита и Лины Омилиум — это аннулировало уговор с отцом Лакари и лишило меня всякой надежды жениться на любимой. Тогда и появилась идея, как можно одновременно устроить надежный союз и избавиться от навязанной женщины. Я выбрал именно турнир, ибо на нем присутствовало большое количество людей, и обвинить кого-то иного было незатейливым делом. Благодаря моим усилиям на застолье Лина перебрала лишнего и еле держалась на ногах. Потушив огни на улице вокруг шатра и расставив свечи так, чтобы снаружи не заметили теней, я связал девушке руки под предлогом сексуальной игры и приступил к кровопусканию. Кил знает про мою особую кровожадность и склонность играть с людьми перед их смертью, но лишать жизни Лину я не хотел — это было вынужденной мерой. Твоя сестра, Кил, была умной и хорошей женщиной, которая могла составить компанию и поддержать как интеллектуальный, так и ребяческий разговор. К сожалению, не свыше этого — полюбить ее я себе не позволил. Ралафар видел одно, но на дело произошло другое — быстрый удар и моментальная смерть, если бы он мне не помешал.

— Вопрос о виновнике решился сам собой, когда я побежал к лекарям требовать о помощи. Никто не сомневался в правдивости моих обвинений в сторону Рафа, ведь он сбежал сразу, как только Лина перестала дышать. — Дэг причмокнул, задумавшись. — Она невероятно мудрая женщина, раз даже в последнюю минуту своего бытия рассудила все верно. Ты не хотел верить в предательство друга и даже не присоединился к требованиям в адрес Либерио выдать его, когда все же смирился с существованием в мире подобной подлости. Меня же ты настиг бы и разорвал на кусочки за несколько дней, коль мог знать правду восемь лет назад. Так или иначе, мой план сработал, но ровно наполовину — передумывать Гладетис не собирался ни под каким предлогом.

— Подумать только, — у Килана не нашлось сил, чтобы злиться, — столько лет ты лгал и обманывал, притворялся будто тоже жаждешь мести. Как ты в глаза мне и отцу моему все это время смотрел? Внутри тебя кроется истинный монстр.

— Всяко лучше, чем превратиться в собственную тень. Я видел в тебе настоящего мужчину, Кил, пример для подражания. Храбрый, могучий, не поддающийся сомнениям человек со стальным характером и четко поставленными целями. Идеал воина и правителя. Однако истинный Килан умер вместе со своей сестрой. С каждым годом ты становился все расхлябанней, только ныл и страдал, как баба. Ты разучился радоваться жизни, перестал думать хоть о чем-то, кроме покойной Лины. До помолвки мне импонировала перспектива стать с тобой ближе, но сейчас ты прицепился, как пиявка, и высасываешь из меня все соки.

А от паразитов необходимо избавляться.

— Вновь турнир. Вновь рядом неуютный член семьи Омилиум. Вновь убийство, — догадался Кил.

— И вновь вынужденное. Нет моей вины в том, что ты тугодум и столь прилипчив. На деле моя душа широка до той степени, что долгое время я бился в сомнениях, стоит ли отказать себе в удовольствии раскрывать перед тобой карты. Все же смерть в неведении куда снисходительнее, нежели предшествующий клинку в сердце жестокий рассказ. Несмотря на невероятное желание посмотреть на твое лицо в момент, когда ты все осознаешь, я так и не смог принять окончательное решение — это сделал Ралафар, придя сюда. И, надо сказать, Килан, ты меня разочаровал, не пустив скупую слезу. Впрочем удивиться тут нечему, ведь в твоей голове всегда была догадка, что Рафу не хватило бы духу лишить жизни Лины. А если не он, то остается лишь один вариант. Однако трусость так и не позволила развить эту мысль.

— Причина не в этом, — вдруг улыбнулся Кил. — Впервые за восемь лет я по-настоящему вижу. Вижу, кто мой друг, кто мой враг, и как сестра одобрительно машет мне рукой из-за горизонта. Пришло время покончить с этой историей. Ты хотел, чтобы правда умерла вместе со мной, так сразимся в честном поединке. Дуэль один на один. — Он подошел к нему почти вплотную.

— Ты так и не понял, насколько я могу быть ужасен. — Дэгат широко улыбнулся и не глядя всадил вытащенный за долю секунды из ножен клинок в печень непредусмотрительного аристократа.

Ралафар и Луман обнажили мечи одновременно, но Раф поспешил больше нужного и поэтому оказался немного впереди друга, совсем ничего этим не выгадав — мощный толчок в грудь отбросил его назад, выбив из легких весь кислород.

Кашляя и жадно втягивая воздух, поверженный и вновь извивавшийся в земле мужчина из-за темноты в глазах не сразу заметил протянутую ему руку.

— Надеюсь, я вовремя.

— В самый необходимый момент, сынок, — приняв помощь, с трудом поднялся с грунта пытающийся восстановить дыхание Ралафар.

Силы в набирающем обороты сражении были неравны: паре подчиняющихся Омилиумам солдатам вместе с двумя князьями и подоспевшим Линуром противостояли сразу восемь человек, четверо из которых были аристократами. Несмотря на удручающий расклад, никто из образовавшейся пятерки даже не подумал о трусливом побеге, стремясь отомстить за господина, друга или потому что пообещали оказаться рядом в этот момент.

Имеющий нескромное право называться ветераном боевых действий Луман быстро оценил расклад сил противника и принялся насаждать на гвардейцов Прита, которые мало что могли противопоставить ему поодиночке. Товарищи Дэга пытались препятствовать искусному воину доминировать на поле боя, перехватив инициативу, но порхающий вокруг подобно бабочке Лу был неуловим и непредсказуем. Мешали им это реализовать и остальные, будто потерявшие страх враги, безразличные к полным шкалам маны союзников Дэгата.

Способности пошли в ход лишь после первых потерь. Взбешенный телодвижениями Лумана лидер отряда расщедрился сразу на несколько снарядов, которые разбились о доселе неиспользованный длинноволосым блондином магический щит, оставивший того без третьей, последней защиты; Лир подобрал удачный момент и, отведя вражеский клинок в

сторону, ударил дворянина в плечо снабженным маной кулаком — бастард выбил его из равновесия и ранил брошенным вслед излюбленным со времен погони в Милкане кинжалом; Цветовласка, наконец, засверкала фиолетовым цветом, позволив Рафу провести сокрушающую атаку, результатом которой стало брызжущее кровью во все стороны располовиненное тело супостата.

Когда основная фаза боя, длившаяся не дольше минуты, утихла, расстановка сил изменилась в пользу товарищей Килана. Напротив Дэга и его друга стояли целехонький Линур, грязный и покачивающийся от головокружения Ралафар и серьезно раненый в ногу Луман.

— Все равно тебе не поверят! — крикнул испугавшийся Дэгат и развернулся, чтобы помчаться к привязанной неподалеку лошади и скрыться, однако не пробежал и нескольких метров, заработав сквозное ранение в районе икроножной мышцы.

Кил с трудом двигал конечностями и натурально позеленел, а его лицо было изуродовано выпирающими из-под кожи венами. Смазанный ядом клинок почти убил аристократа, но в последнем еще теплилась жизнь, и горел огонек мести — он смог обратить оружие недруга против него самого.

Дэг кричал от боли и отчаяния, пытаясь подняться или хотя бы доползти до шатра, где у него находилось противоядие, но токсин действовал слишком быстро, смешивая мысли и нарушая координацию. Его последний оставшийся в живых сторонник не отличался особой верностью и аналогично товарищу попытался ретироваться, однако не успел сделать и шага назад: Луман использовал одну из своих бесполезных способностей для привлечения внимания, пока Лир атаковал аристократа со спины. Мужчина отвлекся, но в последний момент успел среагировать на удар — мечи скрестились намертво. Юноша приложил всю доступную ему силу для того, чтобы наконечник Албуса достал до кожи противника, а когда это произошло, активировал свойство артефакта — голова союзника Дэгата посинела, глаза выпучились, а из ушей потекла кровь. Прошло всего несколько секунд, прежде чем череп не выдержал давления и лопнул, забрызгав Линура кусочками мозга дворянина.

В то же время Раф без угрызений совести вонзил клинок в лоб тихо стонущего Дэга, покончив с потомком семьи Прит и испытав от этого неимоверное удовольствие. Рядом с ним лежал уже бездыханный Килан.

— Бедный Кил. — Ралафар присел рядом с телом, закрыв его широко открытые глаза. — Сгубила тебя непомерная любовь к сестре.

Он залез ему за пазуху и вытащил оттуда недавно отданные серьги.

— Я всегда буду хранить их в память о тебе и Лине.

Луман сидел на земле и кряхтел, обрабатывая рану на ноге при помощи магии.

— Даин меня не дожидется, — попытавшись встать и зашипев от боли, подвел итог лечения Лу.

— Насколько все худо?

— Поездку в седле осилю, но для пешего хода мне понадобится несколько часов на восстановление — кость, вроде, не сломана. Вам придется достать мне коня.

Ралафар в задумчивости посмотрел на юг, откуда до сих пор раздавались звуки ожесточенной битвы.

— Время на исходе. Тебя нужно спрятать на случай, если мы не успеем найти кобылу до того, как сюда доберутся мутанты.

— Не бросай меня, Раф, слышишь? — обеспокоился Луман. — Ты не можешь этого сделать.

— О чем ты говоришь? — изумился Либеро, подойдя к товарищу и посмотрев ему прямо в глаза. — После оказанной тобою неоценимой помощи, я не оставлю тебя здесь.

Неожиданный хлопок над ухом заставил Линура отвлечься от сдерживания рвотных позывов и чистки своего лица и одежды от извилин убитого им аристократа. Получив по затылку уже продемонстрированный ранее Ралафаром удар ладонью, Лу обмяк и упал в руки осторожно положившего его на землю друга.

— Что ты сделал?! — закричал перепугавшийся юноша.

— Закрой рот и слушай меня! — Наигранное спокойствие Рафа бесследно растворилось. — Харраф прямо сейчас атакует замок Медио, где прячется Фейниль, и нет сомнений, что совсем скоро он прорвется внутрь, чтобы забрать девушку. Тебе нужно дождаться этого момента, незаметно пробраться в опочивальню дочери губернатора и выкрасть ее раньше Фауда с мутантами под любыми предложениями.

— Ты понимаешь, о чем меня просишь, или совсем уже свихнулся? — Возмущению Лира не было предела. — Ты только что чуть не убил своего друга, который дважды выручил тебя в трудный момент, а теперь отправляешь меня в самую гущу событий за находящейся под стражей сотен гвардейцев Феей. Сумасшедший! Я не сдвинусь с этого места, пока не услышу хоть каплю рационализма в твоих словах!

— Упертый баран! — скорее рефлекторно дал волю эмоциям Ралафар, нежели действительно хотел задеть спутника. — Извини, может ты хочешь принести сюда самого Яра или какого-либо другого законнорожденного князя? Однако я ума не приложу, как ты будешь волочить эти тяжеленные туши!

— На кой они тебе вообще сдались?

— Не мне, сынок, вовсе не мне. Остается Даин, но я понятия не имею, где он находится.

— Фейниль не добралась до замка, — вспомнил Линур. — Я встретил Индо, который ее сопровождал, и он поведал мне о нападшем на них отряде. Возможно, она уже мертва.

— Пусть нам повезет — найди и забери ее. Уговорив или ударив навершием по голове и положив на плечо — выбор за тобой. Но мы должны забрать девушку. Коль вернешься без нее, поедем до Ущелья согласно уговору, однако дальнейшее развитие событий тебе не понравится. — Раф обернулся. — Луману незачем было это слышать. Я пока оттащу его в кусты попышнее, найду скакунов и окончательно попрощаюсь с Киланом. Потрудишься

возвратиться как можно скорее.

Лир ступал быстро, но опасливо, стараясь не заблудиться и не издать лишнего шума, что привлечет внимание солдат. Впервые за все время своего путешествия он не понимал смысла поставленной перед ним задачи — Ралафар с самого начала, как только они встретились с юношей, затеял многослойную игру, финал которой с большой долей вероятности окажется совсем иным, нежели его представляет Линур. Непринужденно отправивший Лумана в небытие князь с тем же успехом мог послать своего ненастоящего бастарда за княжной, пока сам собирался оседлать коня и направиться в сторону Ущелья в одиночку.

Однако Лир шел. Может, и обведенный вокруг пальца, но он шел, продолжая верить в лучшее и рассчитывая на честность товарища, ибо другого ему не оставалось.

Побоище медленно перетекало в локальные стычки между гвардейцами и мутантами, вспыхивающими в лагере и лесу вплоть до самого замка. Звонкую сталь было слышно за десятки метров, что позволяло крестьянам, трусам и раненым обходить бои стороной.

Фея после зыжжного бега от нелюдей сидела у массивного ствола старого дерева уже как пятнадцать минут, не в силах побороть страх и заставить себя подняться. Подобранное в унисон строгой одежде отца черное платье испачкалось в земле и траве, а местами даже порвалось — когда девушка случайно задела облепленные шипами кустарники. Ее голова раскалывалась на части от нескончаемых криков и витающей в воздухе маны — больше всего дочь губернатора мечтала оказаться в замке и зарыться в подушку, чтобы ничего больше не слышать. К несчастью, она даже приблизительно не знала, в какую сторону нужно двигаться, чтобы попасть домой, из-за чего ей только и оставалось уповать на помощь одного из отрядов гвардейцев своего отца, или, что будет еще лучше, он найдет ее сам.

Вытащив припрятанный в сапожках нож, предназначенный скорее для самоутешения, нежели для серьезного отпора, Фейниль маленькими шажочками стала продвигаться вперед. Для обороны у нее имелось несколько способностей, которые при должном использовании могли нанести нешуточный урон врагу, однако против настоящей угрозы они становились фактически бесполезными; часто княжна замирала за очередным укрытием, прислушиваясь к звукам и высматривая людей вокруг — предусмотрительность уберегла ее от пробежавших мимо мутантов, чьи намерения не сулили ничего хорошего.

Вскоре Фея наткнулась на окропленную кровью полянку с изуродованными телами и до сих пор горящими после боя опавшими листьями и травой, местами превратившуюся в солому в силу золотой осени. Зрелище открылось пренеприятнейшее: у некоторых мертвецов отсутствовали конечности, в других зияли сквозные отверстия, а третьи были превращены в кашу или угли в зависимости от примененной против них магии. Не будучи брезгливой, девушка осматривала место сражения пристально, пытаясь рассудить, где кровопролитие началось, а где оно закончилось. Большинство из погибших принадлежали к войску Харрафа — столкновение было завершено в пользу людей. «Если найти следы выживших и пройти по ним, то мне не пропасть», — заключила Фейниль.

Чтобы распознать отпечаток подошвы ботинка на земле, следопытом быть не нужно — княжна разобралась с этим без труда, хотя следопытом, конечно, благодаря отцу называться могла. Система не одарила ее боевыми заклинаниями, вместо этого присвоив совершенно бесполезный класс танцовщицы, что тем не менее не помешало Яру обучать дочь охоте, стрельбе из лука и даже фехтованию. Тренировки вскоре принесли плоды — она получила способности вне своего призвания. «Должно быть, это испытание огнем», — подумалось ей,

ведь ранее Фея в настоящей битве ни разу не участвовала. Оглядевшись еще раз, красавица заметила и сразу же подняла меч поменьше да полегче, несколько раз взмахнула им и продолжила красться.

Чудный запах леса и поющие задорные мелодии птицы, вместе дарующие умиротворение и спокойствие, сменились на падающий с неба пепел от пылающего повсюду огня. Война между величайшими домами Империи началась в краях Медио, поражая своими масштабами в первую очередь самого губернатора здешних земель. Прямо сейчас он спешил в осаждаемый мутантами во главе с Харрафом замок, собираясь ударить им в спину, после чего атака, по его расчетам, неизбежно захлебнется. Вслед за Яром скакало не меньше трех десятков всадников, слегка вымотанных после первого жесткого столкновения, но одновременно с этим воодушевленных из-за одержанного в нем верха.

Такой скромной, но способной на многое силой они двигались по вытоптанной за последние дни дороге, ведущую напрямик к каменному строению. Несмотря на творящееся безумие в чаще, за ее пределы, — на открытую местность, — почти никто не выходил, боясь попасть под копыта лошадей и обстрел лучников. Впрочем, гвардейцы и князь гнали тяжело дышащих животных с таким энтузиазмом, что даже не обратили бы внимания на выскочившие фигуры.

Отряд доехал быстро и без нежеланных приключений, однако радость его членов была недолгой, ведь сюрпризы для них только начинались: вместо рассредоточенного у главных ворот и стен противника, люди обнаружили буднично бродящих по стене дозорных и малое количество трупов на земле со стрелами в груди, свидетельствующих о все-таки случившемся бое. Заприметив на горизонте Яра, стражники поспешили отворить двери перед ошеломленным хозяином замка, впустив его и остальных всадников внутрь.

— Где моя дочь? — не распыляясь на прочие мелочи, спросил губернатор самую важную вещь у выросшего из ниоткуда дружинника.

— Ваше Сиятельство? — пришел в недоумение воевода. — Она уехала с вами на турнир и после этого не возвращалась.

— Я отправил ее сюда с Индо! — Мужчина покраснел то ли от гнева, то ли от накатившего ужаса за родного ребенка.

— Но и Индо здесь не появлялся. Без нашего ведома старик за стены не попал бы.

Глава семьи Медио осмотрелся в отчаянии.

— Харраф отступил беспричинно, не так ли?

— Верно, Ваше Сиятельство. Мы сначала диву дались и даже обрадовались, но теперь, кажется, все встало на свои места — они поехали за княжной.

— Анги, чтобы через пять минут за моей спиной было еще полсотни человек в седлах! Мы станем искать ее до победного!

Пока дружинник выбирал лучших из подчиняющихся ему воинов для присоединения к поисковой группе, а в конюшнях кипела работа, Яр в заслуженную свободную минутку сполз с коня и отошел в тихий угол — перевести дух. Его чаша рассудка переполнилась и вот-вот собиралась пролиться наружу в виде яростного крика или горьких слез. А может, всего вместе. «Я не могу потерять мою драгоценную малышку, не могу, иначе у меня совсем ничего не останется, — плакал он в душе, — Система, лучше заведи меня, старого дурака, но оставь Фею — пусть она живет!» Князь метался в разные стороны, никак не находя себе места, пока вдруг не замер, закрыв глаза.

— Ваше Сиятельство, все готово — мы можем отправляться, — оповестил Анги.

Губернатор повернулся с полуулыбкой на лице, кивнул и уверенно пошел к своей лошади.

Отряд рассекал вдоль деревьев, растягиваясь вширь и охватывая как можно большую площадь леса для эффективного поиска; они ориентировались по звукам, двигаясь в том направлении, откуда доносились голоса и мечи. Дважды гвардейцы, налетев вихрем клинков, помогли братьям по оружию отбиться от мутантов, после чего численность образовавшейся дружины увеличилась — у нее появилась пехота. На третий раз по округе разнесся многоголосый радостный восклик, который, казалось, можно было услышать в радиусе нескольких километров.

Фейниль ойкнула и прижалась к земле, скрывшись в высоких зарослях. Она приближалась к металлическому лязгу, надеясь встретить там знамена своего дома — за ним последовали оглушающие возгласы, раздавшиеся совсем рядом с ней. «Кто-то победил», — догадалась девушка. Несмотря на испуг и сдающие нервы, она продолжила подбираться к звукам, уже ползком, чтобы узнать, чьи люди все-таки оказались сильнее. Сжимаемый правой ладонью меч мешал ей, но выкинуть оружие, лишаясь единственной возможности дать отпор, станет неразумным решением, поэтому эфес оставался теплиться в руке Феи вопреки неизбежным потерям в скрытности и скорости передвижения.

Ветки разошлись в стороны, открывая вид лишь на малую часть поля боя. Герб семьи Медиио, — черная крепость с мостом на огненно-красном фоне, — был повсюду. Почти все нашитые на одежду и нарисованные на щитах рисунки оказались испачканы в крови, изрезаны или претерпели еще какой-либо урон, а их владельцы уже не дышали. Гвардейцы лежали повсюду, залив землю краснотой и оставив свои потроха свисать с веток и клинков врагов. Казалось, чаща превратилась в братскую могилу, ведь разобрать изуродованные лица убитых, чтобы похоронить хотя бы некоторых из них со всеми положенными почестями, не представлялось возможным.

К горлу княжны подобрался ком, а живот неприятно защекотало. Она попыталась отползти назад, однако острое меча предательски задело кусты, отчего те затряслись.

— Кто там? — Раскрывшее местоположение девушки движение растительности не ускользнуло от внимательного взгляда мутанта.

Смысла бежать не было — кроха на тонких ногах по скорости не соперник рослым мужчинам. Вместо этого она, наоборот, затаилась, собираясь нанести удар первой. Ее глаза пристально следили за нелюдем, приближающимся в одиночку и желающим убедиться, что увиденное им — лишь испуганный зверек. Дочь губернатора задержала дыхание, боясь лишиться раз и моргнуть, а время для нее вовсе остановилось. Когда настороженный, но в то же время слишком самоуверенный мужчина сократил расстояние до минимального, она исполнила рывок кобры, целясь в шею. Лезвие прошло сквозь плоть и сонные артерии, застряв посередине из-за слишком крепкого спинного мозга.

Убитый почти не издал звуков, если не считать грузно упавшего тела и одного отчаянного, захлебывающегося в крови вдоха, однако наблюдавшие за всем товарищи мутанта и без этого прекрасно видели стоящую в полный рост Фейниль с темно-красными брызгами на лице.

— Это она! — закричал один из них. — Брать живой!

На этот раз Фея уже не думала, а просто бросилась назад, побежав так быстро, как только могла, но не преодолела и ста метров, как из-за деревьев выскочил всадник, сбив ее щитом с ног — из-под волосяного покрова потекли несколько струек юшки, а мир поплыл,

как встревоженная камнем водная гладь. Ее руки оказались в путах быстрее, чем она успела даже осознать случившееся.

Аристократку посадили у ствола дерева, очистив ее лицо от крови и отыскав для Ее Сиятельства воина, до сих пор имеющего в запасе лечебные способности, при помощи которых тот запустил ускоренный процесс регенерации полученных ранок. Она осматривала стоящих вокруг нее существ с неприкрытым отвращением, пусть многие из них выглядели, как обычные люди, и относились к ней бережливо, упуская из внимания момент поимки. Особенно противными девушке казались особи с явно проявившимися признаками мутаций: змеиными глазами, деформированными ушами, лишними конечностями и прочими ненормальностями. Но даже среди них имелись еще большие уродцы, что обросли шерстью и имели морду зверя со всеми вытекающими. «Зверолюди! — засмеялась она про себя. — Скорее человекоподобные животные».

Харраф ждать себя не заставил и подоспел уже через десяток минут. Мужественный князь с изящной бородой спустился с коня и подошел к своей пленнице на здоровых ногах — рана или успела зажить, или была временно обезболена зельем.

— Не бойся, детка, никто тебя не тронет и пальцем. — Он опустился на колени и посмотрел в ее красивые серые глаза.

— Не пытайся показаться добрым, пока разоряешь дом Медио и убиваешь принадлежащих к нему людей. Мне известно, что ты хочешь от меня получить, поэтому не стоит устраивать из этого игру — говори прямо!

— Даю слово князя, что ни единая душа тебя не обидит. Мне нет проку наносить вред столь прекрасному созданию, как ты.

— Слово мутанта! — рассмеялась Фейниль ему в лицо. — Слово шлюхи и то стоит дороже.

Харрафу было крайне неприятно слышать такое в свой адрес, как и всем остальным вокруг, однако они удержались от грубостей.

— Грязный мутант! Низшее сословие! Ошибка природы! Вы все до единого просто отродья!

— Ничего, Фея. — Он покачал головой. — Скоро ты узнаешь, что это вовсе не так.

— Яр! — вдруг раздался грубый голос вдалеке. — Яр Медио здесь!

— Наконец-то! Охраняйте княжну — не позволяйте ее забрать, — приказал Фауд и побежал в сторону разгорающегося сражения.

Численно нелюди превосходили солдат, но одновременно с этим имели куда меньше всадников, отчего шансы сторон были примерно равны — исход битвы зависел только от мастерства владения оружием. В силу предшествующих этому столкновений, что потрепали всех участников без исключений, у последних совсем не осталось мощных способностей в запасе и заполненных шкал маны, поэтому надеяться на магию никому не приходилось.

Губернатор не боялся вражеских лезвий и врывался в отряды мутантов, как настоящий лидер. Он кричал и надрывал глотку, воодушевляя своих подчиненных, а в его глазах пылал огонь, превратив толстого и не знающего настоящих боев уже несколько лет в ряд мужчину в кровожадного зверя. Гвардейцы рубили головы, отстреливали разбегающихся из-под копыт противников из луков и пронзали их сердца клинками. Харраф пришел в ярость и негодование, когда увидел подобную разобщенность, незамедлительно взяв все в свои руки — последовали команды для быстрого построения структурированной обороны.

Фейниль могла видеть лишь малую часть происходящей бойни со своего места, поэтому

не надеялась быть замеченной союзными войсками до тех пор, пока они не перебьют всех до единого, однако силы Медио, помимо противостояния лоб-в-лоб, дополнительно пытались окружить мутантов и закономерно наткнулись на охраняемую пленницу намного раньше, нежели та предполагала. Вокруг засвистели отбирающие жизнь за жизнью стрелы, и засверкала сталь. На крики сбегалось все больше воинов, общими усилиями устроившие рядом с девушкой страшное побоище, отчего та окончательно перестала что-либо соображать.

— Бегите, Ваше Сиятельство! — Один из набранных из замка стражников разрезал веревку. — Мы найдем вас позже!

Повторять Фее не требовалось — она среагировала моментально, удаляясь прочь со всех ног. Некоторые мутанты, должно быть, заметили ее, но не могли ничего с этим поделать, будучи занятыми без остановки наседающими гвардейцами. Княжна неслась по пока нетронутому войной зеленому пустырю, уверенная в успешном побеге, однако набросившийся сбоку мужчина за мгновение разрушил ее иллюзии. Они покатались по земле кубарем, сделав не меньше пяти оборотов, и в итоге оказались друг на друге. Превозмогая головокружение, девушка применила замедляющую и частично парализующую существо способность, выхватила нож из сапога и почти нанесла удар, как вдруг голова неприятеля слетела с плеч сама по себе, покотившись дальше без тела.

— Идемте со мной, Ваше Сиятельство, я отведу вас в безопасное место. — Лиц протянул руку аристократке.

— Кто вы? — Она все еще держала занесенное над головой оружие.

— Линур, бастард Либеро. Я должен был участвовать на турнире за вашу руку.

— Тот самый бастард, что еще вчера сидел в темнице моего отца, а после был прогнан с этих земель? У меня нет никаких оснований вам доверять!

— Прогнан потому что не совладал с Харрафом и сбежал, а не принял верную смерть от его рук. Зато я жив и теперь могу помочь вам, в отличие от моих погребенных сообщников. Княжна, мы отыщем коня и поскачем отсюда как можно дальше, чтобы потом вернуться, когда все утихнет. Ну же, принимайте решение скорее!

Фейниль уже хотела протянуть руку в ответ, как вдруг вдалеке заметила медленно подбирающийся к ней бой, где в ожесточенной дуэли сошлись Харраф и Яр. Могущественный мужчина, являющийся единогласным претендетном на победу, тягался силой с нежелающим сдаваться стариком, обрушив на него нескончаемый град ударов. Задыхающемуся губернатору было мучительно трудно противостоять одному из лучших мечников в Рутткорде, но кипящая в нем смесь ярости и страха вернула князя в прошлое на два десятка лет — он обрел заветную пожилыми людьми неисчерпаемую энергию молодости, перехватив инициативу в принципиальном сражении.

Глава дома Медио имел лишь одно преимущество перед Фаудом — силу, которую он использовал на полную, нанося тяжелые, как камень, удары. К несчастью, его соперник был слишком быстр и умен, чтобы подставляться под смертоносные выпады, поэтому Яр выдохся еще до того, как лишил Харрафа хоть капли крови. Последний усмотрел тяжелое дыхание и все больше замедляющиеся движения врага и стал оказывать давление на того пуще прежнего, вскоре добившись успеха: лезвие рассекло плоть губернатора от правой подмышки до шеи, лишив того возможности продолжать бой.

Девушка закричала во все горло от бессилия что-либо сделать, но ее боль не было суждено услышать миру из-за приложившего ладонь ко рту и обхватившего за талию

рвущуюся вперед Фею Лира.

— Ваше Сиятельство, уходим сейчас же, — прошептал он ей прямо в ухо и потянул на себя. — Мы не можем терять еще и вас.

Они бежали стремглав, не оглядываясь и прорываясь сквозь почти полностью голые ветки и хвойные растения. В лагере Линур чудом отыскал нетронутого коня и отвязал его от вкопанного в землю и почти разломившегося надвое бревна. Испуганное громкими звуками и ярким пламенем животное забрыкалось и заржало, тем не менее позволив себя оседлать — люди помчались в сторону тракта галопом.

Конь медленно перебирал копытами по грунту, без конца фыркая и то и дело останавливаясь пощипать травки. На прежнем месте Рафа не оказалось, поэтому вороненок двинул на тракт, придерживая подавленную Фейниль, чтобы та случайно не выпала из седла. Они проехали уже десяток верст, но князя все не было.

— Зачем мы едем так далеко? — наконец, подала жалобный голос девушка. — Думаю, нам пора остановиться.

— Согласен, Ваше Сиятельство, но я ишу своего отца, который обещал ждать меня где-то у дороги. Уверяю, что вернуться мы еще успеем.

— Ралафар Либеро? Ваша семья ведь поддерживает Императора, а значит мы с вами по одну линию фронта. Вы меня не обидите?

— Мы не с Фаудами, если вы об этом. Иного с вас, извините, княжескому роду насильно не взять.

— Еще сегодня утром я была нужна всем, а сейчас едва ли дороже бабы с деревни, — раздосадовалась ответом Фея.

— Вовсе нет. В вашем распоряжении теперь находятся все земли Медии, поэтому княгине стоит лишь выбрать из множества желающих брака аристократов понравившегося, и тогда его семья станет таким же полноправным правителем, как Яр до этого.

— Нет у меня земель. Будь отец жив, мало кто посмел бы посягнуть на лакомый кусок территорий, но сейчас губернии разграбят и союзники Фаудов, и бандиты, и даже недовольные жители. Никто не возьмется их защищать.

Линуру продолжать спорить не стал, мало что понимая в тонкостях политики и не желая обсуждать только что случившуюся смерть родственника девушки.

Всадникам понадобилось еще три четверти часа сменяющейся галопом ходьбы и наоборот, чтобы наткнуться на искренне радующегося приезду товарища мужчину.

— Нашел-таки!

— Нашел-таки, — кивнул Лир. — А ты таки нашелся. Я уж и не знал, что думать, отец.

Ралафар смутился всего на секунду, нахмутив брови и бросив взгляд на понурую спутницу юноши, тут же все осознав.

— Безопасность превыше всего, сынок. Счастье и удача, что по дороге ни мне, ни вам никто не встретился.

Он закурил, подойдя ближе к Линуру и понизив голос.

— Что с нашей княжной? Она словно и не рада спасению.

— Яр Медии все, — парень показал характерный жест у шеи. — Теперь она княгиня.

— Тем лучше.

— Тем лучше? — он полностью перестал понимать ход мыслей Рафа с тех пор, как умер Килан, вовсе став сомневаться в его вменяемости. — Мутанты на престоле по-твоему лучше?

— Для нас с тобой лучше, что погони не будет. Итог же войны мы увидим нескоро. Фауды не забрали земли Медии себе и никогда не заберут их полностью, а Харраф раскрыл свою натуру мутанта — многие люди побегут в страхе обратно под крыло Императора. Фейниль уже не имеет ни значения, ни ценности в этом конфликте.

— Зачем же я тогда рисковал жизнью, спасая ее?

— Ты поймешь через несколько дней, сынок, а пока перестань задавать вопросы.

— Не желает ли Ваше Сиятельство отдохнуть после дороги и отвесть жареного зайца? — предложил Ралафар Фее, подойдя к коню.

— Вы издеваетесь надо мной? — она в момент превратилась из заплаканной девы в стержневую женщину. — Думаете, что поесть это действительно то, чего мне сейчас хочется?

— Нам надо уйти от тракта, подальше в глушь. Я просто пытался быть вежливым, а заяц — лишь предлог, чтобы удалиться от дороги. Впрочем, я действительно поймал зверька, который накормит нас вечером.

— Коль вы действительно хотели проявить вежливость, то могли бы посочувствовать моей утрате. Ваш сын, должно быть, уже все рассказал.

— Я не привык врать беспричинно. Ни к вам, ни к вашему отцу я не никогда не питал искренней любви — только с практической точки зрения.

Девушке понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

— Прошу прощение за несдержанность. Я с радостью приму предложение, Ваше Сиятельство.

Княгиня вылезла из седла и прошла немного вперед, чтобы взять лошадь за узды, но Раф опередил ее и в третий раз удачно провернул трюк с оглушением.

— Ты когда-нибудь перестанешь так делать? — уже не интересуясь причинами, спокойно спросил Лир.

— Прямо сейчас. Найди какой-нибудь кляп, а я пока свяжу руки.

Юноша выполнял все последующие команды беспрекословно, попутно размышляя о справедливости собственных действий. «Чья чаша весов перевешивает другую: моя, стремящегося победить адрагонцев, или ни в чем неповинной Фейниль с высоким титулом?» Каждый рассудит по-своему, но Линур на подсознательном уровне не мог поставить Фею выше себя, хоть ему и было ее жаль. С самого начала он пообещал себе достичь цели любыми способами, заранее зная о предстоящих убийствах и трудных решениях — разворачиваться из-за слабости в груди глупо, когда на горизонте уже заметно Ущелье. Тогда прозвучало обещание и о защите людей. «Где же тогда заканчивается моя человечность?» — спросил Лир то ли у себя, то ли у всего мира вокруг.

Ралафар положил аристократку на своего коня животом вниз, отодвинувшись чуть назад, чтобы она уместилась перед ним — так он сможет быть уверенным, что с пленницей по пути ничего не случится. Не смолвив друг другу больше ни слова, путники галопом отправились на восток, к заветному Ущелью. Малая часть дороги лежала через тракт, после чего им требовалось свернуть и проехать по чаще, мимо скромных и забытых людьми деревень, мимо заросших тиной рек и озер, мимо укрывшихся зеленым покровом тропинок. Достигнув крайнего селения, до конечного пункта останется подать рукой.

Радости от мыслей о Царстве Линур не испытывал, предчувствуя новые трудности по ту сторону границы и до сих пор не придя в себя после событий на несостоявшемся турнире. Он победил по всем фронтам, однако не чувствовал ничего, кроме тоски и усталости. Мимо проносились деревья, холодный ветер раздувал едва отросшие волоски на голове юноши, а приятные лучи светила грели его лицо, но тот не обращал внимания ни на природу вокруг, ни на всегда захватывающую до этого дух верховую езду. Впервые Лир засомневался в правильности решения идти по отрубленным головам ради цели, впервые испугался двигаться дальше, осознавая отсутствие дороги обратно. Он усомнился в выбранном пути.

Девушка очнулась ближе к вечеру, когда калидо уже опускалось за горизонт. Она

пыталась брыкаться и кричать, но после безуспешных попыток освободиться смирилась со своим положением и все оставшееся время лежала неподвижно. Путники вскоре повернули коней с тракта, направившись за приглянувшийся им холмик, который скроет свет костра в ночи от проезжающих по главной дороге всадников. Там они смогут отдохнуть, набить пузо и набраться сил на следующий день. Отсутствовала лишь вода, как и емкости для ее сбора, поэтому товарищи рассчитывали отыскать поблизости бегущий ручеек, из которого можно будет вдоволь напиться.

Привязав животных к стволам деревьев, Ралафар принялся разбивать лагерь и разводить костер, пока Линур мерз в потемках, силясь услышать журчание воды. С собой у него имелся нож для вырезки чаши из подходящего для этого бруска — он наберет в нее немного питья, чтобы Фея не мучилась от жажды. Когда небосвод окончательно покрылся яркими точками на темно-синем фоне, Лиру повезло обнаружить углубление в земле с низким уровнем жидкости на дне. По размытым стенкам и глине он сразу догадался, что в засушливые дни вода испаряется и протекает под землей, а после таяния снегов наполняет яму до краев, образуя скромный водоем.

Юноша принялся трясушимися от холода руками вырезать кружку из подобранного бревнышка. Под ноги полетели щепки и прочие ненужные части, которые едва ли можно было назвать стружкой. В результате вышло грубое, но удовлетворяющее потребность парня деревянное изделие, которое тот сразу же использовал по назначению. Жадно напившись воды, он справил нужду на кусты и направился обратно к Рафу.

Место стоянки успело преобразиться: костер заливал кусочек холма теплым светом, лошади отдыхали после долгой гонки, жуя мокрую от росы траву и пытаясь насытиться влагой, а на вертеле уже жарился освежеванный заяц.

— Я принес, — Линур поставил полную чашу рядом с товарищем.

— Замечательно, — обрадовался тот, — наконец, прополоскаю горло, а заодно нагуляю аппетит. Приглядывай, чтобы еда не превратилась в уголи и ни в коем случае не трогай Фейниль. Не касайся ее и пальцем в мое отсутствие! Справишься?

На словах объяснив князю местоположение источника и отдав ему нож, чтобы тот смог принести еще каплю воды на завтрашнее утро, Лир уселся у огня и принялся крутить тушу животного для равномерной прожарки мяса. Фея понимала, что, скорее всего, это ее единственная возможность спастись — она стала ерзать на месте и издавать неразборчивые звуки, чтобы привлечь к себе внимание. Юноша держался до последнего, делая вид, будто рядом никого нет, но через несколько минут забылся и взглянул на девушку. Ее несчастные глаза бегали туда-сюда, показывая на мешающий говорить кляп и прося снять его.

— Ты не заслуживаешь этого, — Линур вдруг захотел высказаться безмолвному собеседнику. — Я не знаю, что задумал Ралафар, но это будет нечто недостойное аристократа. Тем не менее вы оба правы — княгиня без дома все равно что всадник без коня. Ты титулованная, но в политической игре бесполезная фигура, а одной лишь жалости недостаточно, чтобы я отказался от своей мечты. Проси помощи сколь влезет, но я не сделаю ничего, что противоречило бы указанному Рафом. Брать в плен невинного перед этим миром человека жестоко и несправедливо, но это мой шанс спасти Рутткорд от истребления и порабощения, тем самым заработав себе имя. Второй такой возможности уже не будет, ибо не сыскать во всей Империи другого Ралафара. Он взял меня с собой, дал коня, многому научил и еще большее поведал, привел, в конец концов, в высшее общество. Без него я до сих пор оставался бы деревенским парнем без медяка за душой и слепыми

надеждами. Раф дал мне больше, чем я когда-нибудь смогу ему вернуть. Так как думаешь, стоит ли твое спасение всего этого?

Даин гнал лошадь галопом, надеясь успеть доехать до того, как случится непоправимое. От долгой гонки кобыла под ним задыхалась, а ее ноги переплетались меж собой, однако наездник этого не замечал, сосредоточившись только на одной вещи. Тьма вокруг сгустилась, и слабо освещаемая звездами дорога почти пропала из поля зрения князя, оставив его ориентироваться по силуэтам деревьев. Иногда воображение мужчины превращало мелькающие ветви в страшные рожицы, но он не усмехался детскому страху в лицо, как делал это обычно ради забавы, а равнодушно скакал дальше.

Глава семейства Геммов после проигранной битвы отчаянно искал последнюю надежду сохранить хотя бы часть земель Медио — дочь почившего князя Яра. Помогала в поисках имеющаяся у него способность, без которой не было толку даже пытаться выследить Фею: она позволяла видеть след от ярко выраженного запаха, коим являлись строгие духи девушки. Наконец, левитирующая полоса свернула вглубь непроглядного леса.

— Вот вы и попались! — не удержался от комментария Даин, предвкушая приятную встречу.

Помимо второй чаши с водой, Ралафар принес еще один деревянный брусок, принявшись вырезать из него основу под бутылку, чтобы потом приделать к той горлышко и крышку из кожи, как только последняя появится у путников в наличии. Лир сидел рядом, смотря на почти приготовившуюся тушу и сдерживая слюни — боль в животе от голода донимала его последние несколько часов, отчего терпение парня было на исходе. Напротив него расположилась неизменно печальная, но уже напившаяся воды Фейниль со связанными конечностями. Лишившись кляпа, она не стала голосить во все горло, осознавая не только бессмысленность криков в глухом лесу, но и угрозу остаться без капли во рту до утра. Идиллию и спокойствие долгожданного вечера столь тяжелого дня, кажется, ничто не могло прервать, пока неподалеку от места привала не зашуршали кусты.

Нежданный гость шел напролом, не стараясь быть скрытным. Показавшая в свете огня рыжая шевелюра почему-то совсем не удивила Рафа.

— Вы двое! — удостоверился в своих догадках Даин.

Раскрасневшийся от бега мужчина покачивался на месте, пытаясь привести дыхание в норму и убрать налипшие на лоб волосы.

— С самого начала у меня не было сомнений, что Либеро задумали какую-то подлость, — он говорил медленно и растягивал слова, обеспечивая себе время на передышку. — Однако предугадать ее суть мне не удалось до сих пор. Зачем вам Фея? Это не подарок для Харрафа, раз вы уехали так далеко, но тогда кому она будет принадлежать?

— Нам. Она будет принадлежать нам, — Ралафар сделал два шага вперед. — Мы отвезем княгиню в место, где она принесет больше пользы Империи, нежели когда-либо могла до этого.

— Не знаю, что ты задумал и в какой момент полностью отрекся от политики своей семьи, но твоему плану не бывать. Я не хочу этого боя и поэтому призываю тебя к благоразумию — хватит на сегодня смертей. Фейниль станет моей женой и дом Геммов возьмет ответственность за целостность земель Медио на себя. Подумай хоть раз не о себе!

— Ты можешь отдать свою жизнь за девушку иным способом. Поезжай с нами, и тогда

мы отпустим ее восвояси прямо сейчас.

— Ты в действительности не понимаешь происходящего или просто играешься со мной, как неразумное дите, в столь ответственный момент?

— Есть только три исхода! — Раф начал терять терпение. — В двух из них ты умираешь, а в третьем разворачиваешься и возвращаешься на родину.

— Я думал, что ты умнее, — плюнул на переговоры Даин и обнажил меч.

Линур встал плечо к плечу с товарищем, намереваясь покончить с последней преградой на его пути к Ущелью быстро и без неожиданностей. После ненастоящей, но произошедшей как наяву стычки с адрагонцами он не боялся Даина или других людей, осознавая всю беспочвенность подобного страха и его негативное влияние на навыки фехтования и восприятие поля боя. Вдобавок юноша прекрасно видел утомленность и истощенность Гемма, который приехал за Феей не по собственному желанию, а потому что должен был это сделать. Вытащенный из изящных черных ножен Албус покоился в руке Лира, согревая его кожу своим неиссякаемым теплом.

Звякнул металл, распугав немногочисленных птиц, что до сих пор не спали в уютных гнездах и наполняли своей мелодией тишину; звякнул металл, обрезав мелодичную симфонию природы: то завывающий, то успокаивающийся ветер, характерный скрип деревьев, ухающую сову и трещащих сверчков; звякнул металл, ознаменовав начало схватки и грядущие смерти.

Товарищи атаковали синхронно, не давая сопернику даже шанса отразить удары или совершить контратаку. Они ритмично отгоняли Даина назад до тех пор, пока Линур не стал отставать от Ралафара в движениях из-за меньших цифр в интерфейсе — рыжеволосому мужчине удалось отпрыгнуть в сторону от одного меча и сразу отразить второй, в это же мгновение приковав ведущую ногу юноши к грунту способностью. Рафу пришлось выпустить из руки смертельный снаряд и перехватить внимание аристократа на себя, чтобы спасти спутника.

Одновременно с этим позади отчаянно бьющихся людей на земле страшно дергалась Фейниль в попытках освободиться от путов. Она намеревалась убежать от всей троицы на край света, боясь достаться хоть кому-то из этих: пусть Яр собирался выдать ее за главу Геммов, но после смерти старика для нее наступила новая реальность, и теперь мотивы любого дворянина в отношении девушки размыты и неясны. Несмотря на потуги, развязать веревки княгине все же не удалось, и она попыталась упрыгать от своих похитителей, но когда эта идея аналогично предыдущей себя не оправдала, Фея начала просто ползти.

Злоба Даина потихоньку отступала, ровно как и его уверенность в собственных силах. Основательно потрепанный в битве против мутантов князь почти не имел еще неиспользованных боевых способностей, как и маны для их применения. Его дыхание сбилось, губы пересохли, а руки опускались сами по себе от усталости. Либеро и прослытый на турнире бастардом и вороненком юноша прощупывали противника, пытаясь сбить щиты, которых у того в действительности совсем не осталось. Дан в свою очередь давил на слабое звено пары мечников, но результатов это не приносило — у Лира хватало ума и прыти не подставляться, а Ралафар всегда подстраховывал его в необходимый момент.

Бою было предопределено закончится быстро: в результате ошибки Гемма лезвие Цветовласки едва коснулось его бедра, тем не менее все равно пустив обильно сочащуюся из раны кровь по ноге.

— Нахер это! — крикнул Даин, сорвав голос, и отпрыгнул назад. — Я складываю

оружие!

Потерявший голову от куража Линур взмахнул Албусом, собираясь завершить начатое товарищем, но был вовремя остановлен последним путем выставленного клинка.

— Он нам больше не помешает, — заверил Раф. — Не так ли, Дán?

— Куда мне теперь, — рассмеялся рыжеволосый мужчина. — Ты победил. Обхитрил всех и получил желаемое. Этим несомненно можно гордиться. Однако потерял ты намного больше. Ответь мне, смотря прямо в глаза, это действительно того стоило? Оглядываясь на два предыдущих дня, не жалеешь о содеянном?

— Ни капли. Ты не видишь всей картины и даже не догадываешься, что я приобрету взамен отношениям с крупнейшими семьями — не тебе и судить меня. Я не хочу твоей смерти, ровно как не хотел смерти Яра и прочих аристократов за исключением Дэга. Но убийство главы семьи Медио и столкновение людей с мутантами сыграли мне на руку, глупо отрицать этот факт. Все сложилось почти идеально. Уходи, Даин. Твоя война только начинается, и Геммы не должны лишиться своего лидера. Пусть удача сопутствует тебе.

Проводив поверженного сегодня, но неизменно лучшего фехтовальщика Империи взглядами, Ралафар и Лир вернулись к костру.

— Принеси Фейниль обратно, она не могла уползти далеко, — распорядился князь. — Я пока соберу вещи и подготовлю все к отъезду. Как наполним желудки, погоним коней в ночи до победного.

Испачканное копыто опустилось в очередную грязевую лужу с характерным чавканьем.

— Еще одна покинутая деревня, — тоскливо озвучил очевидное Раф. — Не думал, что разрушенный мост так быстро разорит местных.

Всадники за последние дни проезжали уже через седьмое увядшее селение. Вещи здесь были разбросаны по земле, двери и ставни домов открыты нараспашку, а оставленные впопыхах или от нехватки места в сумках инструменты заржавели под проливными дождями; поля поросли травой, тропинки покрылись зеленым ковром, а некоторые бревна уже начали гнить из-за отсутствия соответствующего ухода. Осознание того, что недавно жизнь в этом месте была ключом, а теперь перед редкими путниками представляется лишь тень прошлого, не вызывало ничего, кроме печали.

Тем не менее имелись в подобных селах и преимущества для проезжающих мимо людей — крыша над головой на ночь и возможность разжиться полезными предметами. Так Ралафар с Лиром завладели вещевыми мешками, бутылками для воды, топором, теплой одежкой и прочими необходимыми в дороге мелочами. Им оставалось лишь находить колодцы или реки для пополнения запасов и охотиться на животных для добычи еды — при наличии подходящих способностей для этого не требовался даже лук.

Таким образом в пути проходил день за днем. За все время товарищи не встретили в лесах ни единой души, что не могло их не радовать — днем Раф позволял Фейниль разговаривать, не боясь лишних ушей. Также он не только одел Фею в теплые вещи поверх разорванного платья, но и заштопал ее красивое одеяние, которое до этого момента могло с легкостью порваться до конца и оголить сокровенные изгибы изящного тела Феи. Он разговаривал и ухаживал за ней мягко, с добротой и отцовской любовью. Со стороны можно было подумать, что они путешествуют втроем, если бы руки и ноги девушки до сих пор не были в путах.

Разобравшись с прошлым, Ралафар преобразился из нервного и ожидающего отовсюду подвоха мужчины в доброго и сияющего улыбкой наставника и друга, который во всем оказывал помощь, давал дельные советы, повествовал захватывающие истории и громче всех над ними смеялся. Его настроение перенял юноша, переосмыслив свои моральные принципы и поставив цель достичь фигурирующего в сказках артефакта превыше всего прочего — стремительное приближение к заветному Ущелью доставляло ему невероятную радость. Даже Фейниль иногда забывалась и присоединялась к всеобщему веселью, однако быстро вспоминая, что она всего-лишь узник.

Удручала путников, наравне с покинутыми деревнями, лишь плохая погода. Солнце более не согревало, как раньше, дожди становились все холоднее, а сырость еще долгое время после грозы не уходила из чащ и полей. Природа насыщалась влагой после засушливых дней и готовилась к холодам, меняя свой облик, а простолюдины собирали урожай с полей и заполняли свои землянки овощами на следующий год. В остальном эта пора приносила с собой лишь мороз, унылые виды, размытые дороги и промокшую до нитки одежду.

— Завтра мы будем у Ущелья, — буднично сообщил Раф, разжигая костер. — Нам осталось проехать около пятнадцати верст.

— Уже завтра? — опешил Лир и сразу захохотал. — Прошло столько времени с момента, как я покинул дом, что даже не верится! Мы увидим главный феномен Рутткорда

своими глазами!

— Зрелище действительно стоящее, — рассмеялся князь. — Ты заслужил добратья до него.

— Без тебя бы ничего не вышло.

— Не надо недооценивать себя, сынок! Я только предоставил тебе возможность, которой ты воспользовался с лихвой. Далеко не каждый сможет повторить твой путь.

— И все-таки почему? — вдруг вспомнил давно забытый разговор Линур. — Я должен был помочь тебе на турнире с убийством Дэгата, но Луман не поверил в это — он упомянул о имеющихся у тебя друзьях, которые справились бы с этим намного лучше.

— Терпение, еще капельку терпения. Завтра ты все увидишь своими глазами.

— Моя судьба тоже решится завтра, не так ли? — сверкнула глазами Фейниль.

— Верно рассуждаешь, — равнодушно подтвердил Ралафар, закончив с обустройством лагеря. — Вставай на спарринг, сынок.

Каждый вечер князь обучал своего ненастоящего бастарда искусству боя на мече. Они начинали с тренировочной дуэли, после чего разбирали сделанные Лиром ошибки: Раф либо показывал, как лучше было поступить, и объяснял почему, либо давал ученику исправиться самостоятельно, после чего проектировалась аналогичная ситуация, в которой юноша уже учитывал свою оплошность. Иногда последний пункт требовалось повторить несколько раз, чтобы парень отточил движение и вдолбил себе в голову правильную реакцию на действия противника. Когда Ралафар оставался доволен проделанной работой, все начиналось по новой.

В последний урок Линур горел желанием одолеть наставника, ведь раньше ему ни разу не удавалось этого сделать. Он неплохо показал себя в массовых сражениях, но в честном поединке без использования способностей не мог ничего противопоставить столь высококлассному бойцу. Во всяком случае, до того, как последний стал обучать его.

Тренировка проходила буднично, пока размявшийся и в десятый раз прокрутивший в голове все усвоенные знания Лир, наконец, не решился испытать себя. Он хотел использовать прием, который заметил за Рафом во время стычки с Дэгатом, но который князь ему еще не показывал. «Главное выверить подходящий момент и не подставиться раньше времени», — с такими мыслями юноша начал дуэль.

В первые секунды боя Ралафар взял инициативу на себя, проведя две стандартные атаки подряд — Линур играючи парировал их. За ними последовал рывок вперед, предполагающий ужалить соперника острием, но слегка повернутая набок ведущая нога показывала истинные намерения учителя и его готовность совершить атаку с полуоборота. Парень уклонился и от этого. Завершающим связку приемом стало сближение, подразумевавшее отвод вражеского меча в сторону и удар свободной рукой, но вороненок смог это предвидеть и навалился плечом первый, выйдя из обороны. «Это мой шанс!» — тут же промелькнуло у него в голове. Лир сделал обманный рывок, вынудив противника приготовиться отразить направленный по прямой траектории клинок, а сам острием Албуса потянулся пустить кровь товарищу из руки, на что последний без труда среагировал и грациозно завершил поединок: отклонившись назад, он приставил Цветовласку к горлу парня.

— Неплохо-неплохо. — Раф озвучил вердикт. — Однако тебя выдают глаза. По ним я увидел абсолютно все, что мне было необходимо предпринять для быстрой победы. И не мешкай, не думай о том, как лучше направить лезвие после начатого приема. В бою коль уверен — делай, а в ином случае заплатишься жизнью. Давай заново.

Путники выехали из леса на заросшую травой бескрайнюю поляну. Властвующие на этой земле раскидистые кусты и молодые деревья закрывали обзор и затрудняли передвижение даже коням, а взявшийся словно из ниоткуда сильный ветер дул беспрерывно.

— Мы на месте. — Ралафар громко втянул воздух. — Ущелье находится прямо перед нами в паре верст.

— Я представлял это немного иначе, — смущенно признался Линур.

— Не переживай, твой глаз еще порадуетя и ужаснется одновременно, когда мы окажемся ближе.

— Как ты собираешься перебираться на другую сторону? — испуганно, но с тенью насмешки спросила Фейниль, совершенно не веря в успех всей затеи.

— Мне поможет Ваше Сиятельство. — Князь загадочно улыбнулся, сохраняя интригу до последнего. — Сынок, нам требуется найти дом. Он неприметный, поэтому гляди выходящий из трубы дым в небе. Надеюсь, Санжас в такую погоду греется в жилище и наслаждается горячим чаем, а не пошел по дрова или на охоту.

Ветер завывал, поднимая с земли листья и пыль — почва здесь сохла намного быстрее, чем в чаще. Повернувшись к Ущелью боком люди страдали от боли в ушах, поэтому им приходилось прикрываться одеждой и разговаривать громче обычного.

— Наш совместный путь подходит к концу, — напомнил Раф. — Делать в Царстве мне нечего, поэтому сегодня мы неизбежно попрощаемся. Я не хочу, чтобы ты сгинул в чужом государстве в первые же дни, пройдя такой путь, поэтому прими от меня скромный подарок.

Мужчина вытащил десяток монет из висящего на поясе кошелька — платиновую, три золотых и шесть серебряных.

— Это же очень много, — поразился Лир.

— Думаю, ты больше не потерпишь задержек — это позволит тебе сосредоточиться на поисках.

— Благодарю. — Он спрятал деньги в кармашек. — Я перед тобой в вечном долгу.

— Брось, мы помогли друг другу взаимно — пусть это станет моим прощальным вкладом в твою мечту. Ты мне ничего не должен.

— И все-таки я верну их в нашу следующую встречу, — пообещал юноша. — Война с Адрагоном еще сведет нас на поле боя — я это чувствую.

— Было бы славно принять тебя в поместье в мирное время, однако обещать хоть что-то свыше моих сил: невозможно предсказать когда все закончится, и что станется с семьей Либера за эти годы.

— Я в любом случае с радостью приму твое приглашение, когда таковое поступит.

Троица ехала параллельно Ущелью еще какое-то время, пока на горизонте не появилась слабая дымка. Она была столь незаметна, что не предупреди Ралафар Линура смотреть в небо, последний в жизни не сыскал бы нужный дом, проезжая от него хоть в сотне метров.

Миновав высокие заросли, всадникам открылся вид на деревянную избушку. Жилье не имело лишних изысков и не могло похвастаться красивой архитектурой: на каменном фундаменте стояло одноэтажное здание, состоящее из неаккуратно уложенных бревен, торчащей во все стороны соломой и кое-как держащейся двускатной крыши с идущей от камина кирпичной трубой. На окнах стояли срезанные и ждущие тепла следующего года цветы в горшках и висели маленькие звенящие на ветру колокольчики; под хлипким навесом стояли внушительных размеров верстак и колода, а также лежало множество инструментов,

заготовленные на зиму бревна и скошенная вокруг дома трава; на заднем дворе расположились две ведущие под землю створки, за которыми находился скромный склад продовольствия — выкопать полноценный погреб мешала твердая почва и большое количество гигантских бульжников под грунтом.

Лир лишь скользнул взглядом по постройке, обратив все свое внимание на открывшийся путникам животрепещущий вид. От тропинок и до предшествующей бездонному ущелью каменной поверхности трава была подстрижена, поэтому взору ничего не мешало дотянуться до еле просматривающегося вдаль кусочка территорий Царства. Линур захотел подойти к самому краю, но потревоженный фырканием лошадей Санжас уже вышел наружу и преградил им дорогу. Раф выпрыгнул из седла и пошел к нему навстречу.

— Хо-хо, кого я вижу! — обрадовался отшельник общества. — Ралафар Либеро, князь юга и морей!

— Не преувеличивай, — не сдержал улыбку тот. — Приветствую, Санж.

— Как добрались? По одежке гляжу, с приключениями.

— Могло быть и хуже, — Раф не горел желанием обсуждать недавнюю смерть Килана. — Мы ехали по твоему маршруту, мимо всех деревень — нет ни единой живой. Как ты тут справляешься?

— Херово. Надо будет переезжать ближе к одному из мостов. Я торговал с людьми из этих селений, покупал овощи, некоторые фрукты, инструменты у кузнеца, взамен продавал заготовленную древесину. А теперь сижу, как дурак, в глуши и одни ягоды жру. Нельзя тут оставаться. — безрадостно довершил Санжас. — Но да на кой ты притащил двух? Решил вдруг полетать подольше?

— Помимо меня, будет необходимо перенести еще и юношу.

— Нет, друг, так не выйдет — тебе ведь известно о расценках.

— Сначала осмотри товар. Девчонка представляет из себя больше, чем может показаться на первый взгляд. Заодно приготовь ее к процедуре.

Ралафар махнул рукой Лиру, подозревая его к себе, и встал на границе земли с Ущельем, где следующий шаг означал бы падение в пропасть. Вороненок послушно слез с коня и через минуту ступил на край обрыва, пошатнувшись от ударившего снизу потока воздуха и захватившей дух картины. Словно вырезанный самой Системой огромный пласт Рутткорда с обеих сторон оканчивался отвесными скалами, что уходили глубоко в недра планеты, где никакой свет не мог рассеять таинственную тьму. Глядя на живой памятник трем магам первооткрывателям, Линур ощущал себя чем-то большим, нежели просто человеком: столь необъятные масштабы внушали ему чувство, будто он способен свершить любую вещь за пределами собственных возможностей. Парень на яву наблюдал неподвластную силу, которая сотворила это чудо природы, и насыщался ею.

— Помнишь, я спрашивал тебя о значимости текущей в нас крови, что определяет потенциальное могущество человека? — задал риторический вопрос Раф. — Санжас живое подтверждение моей правоты. Он маг крови, который может использовать живых людей в качестве источника силы и энергии для своих способностей. Теперь ты понимаешь, зачем нам нужна была Фейниль?

— Она княгиня. Не самая одаренная, но все же княгиня. В ней кровь ее предков, кровь некогда одной из самых влиятельных семей Империи — Медио.

— Все верно. Это и есть цена за пересечение Ущелья. Я холоден по отношению к Фее и вовсе не желаю ей зла, но сейчас она наш с тобой инструмент в достижении целей. Один

вопрос: готов ли ты заплатить эту цену, сынок?

— Готов, — без промедлений ответил Лир. — Одна жизнь это небольшая жертва для спасения миллионов других.

Санж, хилый и старый под стать магу мужчина, усадил дочь Яра на землю и стал предпринимать над ней странные манипуляции: он заглядывал девушке в глаза, трогал ее голову и водил руками вокруг. Результат был оглашен через несколько минут:

— Хорошая девочка, ее одной сполна хватит на вас двоих. Не знаю, кто она и откуда взялась, но с таким я еще не работал.

— Сможешь отправить Линура в Нижнее Царство прямо сейчас, а затем, погода, меня в Королевство? — уточнил Ралафар.

— Не вопрос, но пауза должна быть небольшой — силы начнут стремительно утекать с момента, как я начну процесс.

— Молю, не делайте этого! — не выдержала Фейниль, громко расплакавшись. — Вы совершаете огромную ошибку!

— Деточка, у тебя имеется при себе платина, чтобы заплатить мне больше достопочтенного князя?

— Н-нет, но...

— Тогда замолчи! И не дергайся, иначе я причиню тебе еще больше боли.

Связанную и совсем расклеившуюся Фею подняли на ноги, Раф вернул ей кляп в рот, и Санжас стал колдовать. Он вытянул руки перед собой и сосредоточенно уставился в серые глаза девушки, будто хотел вывернуть наружу все ее нутро. Немая пауза длилась несколько секунд, резко оборвавшись из-за выгнувшейся и взывшей от обрушившихся на нее страданий княгини. Она усыхла на глазах: на прекрасном лице появились морщины, белоснежные щеки неестественно впали, пухлые губы скукожились и потрескались. Изыщная фигура потеряла свою былую красоту, истощившись и скрючившись в знак вопроса, а волосы превратились в ломкие локона и стремительно выпадали. Как только миновал отрезок в минуту, Фейниль превратилась в живую мумию: путы не удержались на худых запястьях и упали на землю, ожерелье сползло на страшно торчащую наружу ключицу, разинутый в отчаянном крике рот открылся еще шире, демонстрируя сгнившие зубы и полностью высохший язык.

Наблюдать за жутким зрелищем Линуру было противно — он отвернулся, испытывая вернувшееся к нему чувство смятения. Ралафар видел процесс умерщвления путем полного осушения организма не впервые, поэтому не дернул и мускулом, когда уродливое костлявое тело упало наземь — его в разы больше интересовал всегда следовавший за смертью этап магии Санжаса. В руках мужчины появились красно-черные потоки жидкости, взмывшие на пять метров вверх и за мгновения преобразовавшиеся в бесполое существо с крыльями, похожее на большую горгулью. Оно имело вытянутую морду с чешуей и шипами, удлиненные уши, оканчивающиеся острыми иглами, и огромные устрашающие глаза по бокам. Помимо крыльев, магическое существо могло передвигаться при помощи четырех мощных конечностей с пальцами и цепкими когтями на них.

Пылающее и переливающееся создание метнулось к полностью безразличному к происходящему Лиру, схватив его за плечи и воспарив над землей.

— Раф, это ведь я изначально должен был оказаться на ее месте? — наконец, догадался юноша.

— До скорой встречи, сынок! — Князь на прощание помахал ему рукой.

Существо сорвалось с места, нырнув в Ущелье, как пикирующий ястреб на приглянувшуюся добычу. Развивающийся снизу Линур, чье сердце ушло в пятки от такого маневра, попытался за что-нибудь уцепиться, однако дотянулся лишь до держащих его лап, с которых руки предательски соскользнули, испачкавшись в вязкой слизи. Скорость полета была столь высокой, а бьющий в лицо ветер настолько сильный, что вороненку оставалось только закрыть слезящиеся глаза и висеть тряпичной куклой, молясь не улететь в глубины планеты.

Зависнув в двух метрах над землей, существо отпустило Лира и тотчас бесследно растворилось, оставшись в одних воспоминаниях парня. Последний после жесткой посадки с трудом удержался на ногах, вытер испачканные в красной субстанции руки о траву и распрямился, устремив растерянный взор вперед.

Больше книг на сайте - Knigoed.net